

Ю.С.Худяков

**ВООРУЖЕНИЕ
ЕНИСЕЙСКИХ
КЫРГЫЗОВ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Ю. С. ХУДЯКОВ

ВООРУЖЕНИЕ
ЕНИСЕЙСКИХ
КЫРГЫЗОВ
VI—XII вв.

Ответственный редактор
канд. ист. наук В. Е. Медведев

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Новосибирск · 1980

**Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов
VI—XII вв.— Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.**

Монография посвящена малоизученной в средневековой истории Сибири теме — вооружению и военному искусству енисейских кыргызов, одного из наиболее воинственных кочевых народов Азии, внесших большой вклад в развитие военного дела кочевников евразийских степей. В книге обобщен большой вещественный материал из раскопок, в которых участвовал автор, музейных коллекций и архивов; проанализирован круг известных письменных источников, наскальных изображений и бронзовых рельефных фигур воинов. На основе комплексного анализа источников определены этапы эволюции основных видов оружия, реконструирован комплекс вооружения, дана оценка событиям военной истории.

Книга рассчитана на археологов, историков, студентов исторических факультетов вузов и всех интересующихся прошлым Сибири.

© Издательство «Наука», 1980.

X $\frac{10602 - 812}{042(02) - 80}$ 205.80.0507000000.

ВВЕДЕНИЕ

Военному искусству кочевников Евразии принадлежит видное место в истории войн и военного искусства. Однако различные периоды военной истории кочевников изучены неравномерно. Так, военному делу ираноязычных племен и монголов эпохи Чингисхана посвящен ряд специальных работ А. И. Мелюковой, Е. В. Черненко, К. Ф. Смирнова; А. М. Хазанова, Ивановна, А. В. Малиновской и др.¹; уделяется внимание этой теме и в обобщающих трудах по военному искусству². В меньшей мере изучено военное дело кочевников раннего средневековья. Если вопросы военного искусства средневековых кочевников Восточной Европы рассматривались в специальных работах³ и обстоятельных экскурсах в трудах по материальной культуре и истории кочевых племен⁴, в работах по военному делу древнерусского государства⁵, то в отношении тюркоязычных кочевников Азии эту работу еще предстоит проделать. Некоторым восполнением пробела в знаниях по военной истории азиатских тюрков могут служить разработка проблемы эволюции сложносоставных луков и наконечников стрел в Южной Сибири, предложенная А. А. Гавриловой и Д. Г. Савиной.

¹ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1965; Черненко Е. В. Оружие из Толстой могилы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, М., 1961, № 101; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971; Ивановн. О военном искусстве и завоеваниях монголов. Спб., 1846; Малиновская А. В. Копчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974.

² Разин Е. А. История военного искусства. М., 1955, т. 1.

³ Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, вып. 23.

⁴ Плетнева С. А. Печенегы, тюрки, половцы в южнорусских степях.— МИА, М., 1958, № 62; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.—Л., 1966, вып. 1, 2; Л., 1971, вып. 3; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966.

вым⁶, и анализ данных письменных источников о военном искусстве кочевников в трудах общен исторического характера. Недостаточная изученность военного дела азиатских кочевников объясняется объективными обстоятельствами: незначительной изученностью памятников средневековья в целом, обширностью территорий, на которых расселялись кочевники, расположением основных центров государственных образований кочевников на территории, находящейся за пределами нашей страны.

В этих условиях важное место в изучении военного дела кочевых племен Азии в средние века занимает исследование военного искусства енисейских кыргызов, которые в VI—XII вв. играли видную роль в военной и политической истории Центральной Азии. В IX в. они распространили власть Кыргызского каганата на обширные пространства степной части Азии. Поэтому основные закономерности в развитии военного дела кыргызов, несмотря на некоторые существенные отличия, должны быть близки эволюции военного дела тюркских кочевников. Кыргызские памятники обнаружены главным образом в Южной Сибири и сопредельных районах. Хотя не все вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности памятников данной территории эпохи средневековья можно считать решенными, в отношении собственно кыргызских памятников существует достаточно определенный критерий — погребальный обряд трупосожжения. Предметы вооружения из кыргызских памятников представлены неравномерно: по некоторым видам оружия найдены лишь единичные экземпляры. Однако в комплексе вооружения кыргызов в целом имеются находки всех основных видов оружия, что очень важно для «реконструкции» военного дела. Такая реконструкция могла бы послужить в дальнейшем сравнительной моделью для изучения военного искусства азиатских кочевников эпохи средневековья.

Основой развития военного дела является эволюция вооружения. Изучение оружия дает возможность реконструировать комплекс боевых средств кыргызского воина, тактику ведения боя, уровень развития военного искусства; дополнить сведения военной истории. Анализ видов оружия и военного искусства имеет важное значение и для решения многих вопросов политической, социально-экономической и этнической истории, поскольку, как отмечала С. А. Плетнева, «для кочевника или полукочевника-всадника, входившего в феодальное ополчение, оружие и конь служили таким же средством «производства», как и любое другое орудие труда. Войны и грабежи в жизни

⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 87—89; Савинов Д. Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.). Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 12.

средневековых кочевников были закономерным явлением. Они не только грабили соседей-земледельцев, но и постоянно враждовали друг с другом. Набеги с отгоном чужого скота — барынта, или баранта, — продолжались вплоть до XIX в. Баранта помогала разорившимся и осевшим кочевникам вновь сняться с земли и вести привычный кочевой образ жизни. Именно поэтому оружие значило для каждого, даже рядового, кочевника гораздо больше, чем для рядового общинника-земледельца»⁷.

Аналогична роль войны и в кыргызском обществе, на что в свое время обратил внимание С. В. Киселев, один из ведущих археологов-сибиреведов: «Оказывается, под прямым давлением масс («и по мысли моих превосходных Большар») Эрен-Улуг начинает войну, «чтобы добыть золота». Война, которая дает рабов, ради которой предпринимаются далекие походы, обогащает Эрен-Улуга, но она сулит много и его «свободному народу». Обогатившийся сам может сделаться основателем нового эля или быть принятым в старый эль.

Война как средство обогащения и одновременно как средство ослабления социальных противоречий у себя дома определяет «внешнюю политику» не одних только кыргызов»⁸.

Обзор литературы и источников. Ряд вопросов изучения вооружения и военной истории кыргызов получил известное освещение в специальной литературе. На отдельные предметы средневекового оружия из памятников Южной Сибири и наскальные изображения воинов обратили внимание ученые XVIII в., работавшие в составе экспедиций Российской Академии наук. Сообщения И. Г. Гмелина о находках в «киргизских могилах» наконечников стрел основаны на рассказах бугровщиков и собственных наблюдениях⁹. Однако железное оружие, не отличавшееся чем-то особенным, не привлекло к себе достаточного внимания.

Интерес к военному делу и военной истории впервые отчетливо проявился в европейской науке во второй половине XIX в. в связи с постепенным вводом в научный оборот сведений летописных источников по истории Центральной Азии и трудов Ж. Дегиня, Н. Я. Бичурина, С. Жульена и др.¹⁰

В 1865 г. синолог В. Шотт обобщил данные об «истинных киргизах», взятые из летописных хроник¹¹. Здесь сообщались

⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 156.

⁸ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. 1951, с. 598.

⁹ Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин. — Изв. ЛАИ, Кемерово, 1973, вып. 6, с. 99.

¹⁰ Deguines J. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux et depuis. Paris, 1756. v. 1—2; Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Спб., 1851, ч. 1; Julien S. Documents historiques sur le Tou-Kioue (Turcs). — JA, 1864, ser. 6, v. 3.

¹¹ Schott W. Über die achten Kirgisen. — АКРАУ, Berlin, 1865.

сведения о численности кыргызов, среди которых было «80 000 вооруженных мужчин», о их защитном вооружении; излагались события войны кыргызов с уйгурами и монгольского завоевания¹².

В те же годы раскопки в Минусинской котловине проводил В. Радлов. В изданной позднее работе на немецком и русском языках он сделал попытку сопоставить материалы своих раскопок с летописными сведениями о кыргызах¹³. В. Радлов, описавший наконечники стрел, ножи, мечи (палаши), копья, панцири, найденные при раскопках в Минусинской котловине и на Алтае, считал их предметами вооружения воинственных тюрок, уйгуров и кыргызов. Он дал собственную интерпретацию функциональному назначению различных типов наконечников стрел, определяя некоторые как охотничьи, и датировал изображения сцен охоты на серебряном кубке, известном по рисунку Мессершмидта, и на скальных рисунках с Юса (Сулеской писаницы) временем обитания в Южной Сибири тюркских кочевых племен¹⁴.

С основанием Н. М. Мартыановым в 1877 г. Минусинского музея начинается систематический сбор археологических коллекций из разновременных памятников Южной Сибири. Дейтельное участие в археологическом изучении Минусинской котловины, в том числе ее средневековых памятников, принимали местные археологи.

В 1881 г. начал свои многолетние исследования в Минусинской котловине и Туве А. В. Адрианов. Он раскопал большое количество кыргызских курганов VI—XII вв., где обнаружено немало предметов вооружения¹⁵, открыл и описал на скальных рисунках, стелы с руническими надписями, древние укрепления. Однако полученные материалы не были им в достаточной мере обобщены и введены в научный оборот.

С 1883 г. археологическим изучением Южной Сибири занимался Д. А. Клеменц. В 1886 г. он опубликовал археологические материалы, хранящиеся в Минусинском музее, в частности большое число предметов вооружения, систематизировав и подразделив их на типы: «сабли и шпаги», наконечники копий и стрел, кольчуги и латы. Все эти предметы отнесены им ко времени появления железа, когда «на сцену выступил воинственный наезднический народ», и вплоть до этнографической современности¹⁶. Он приводит также известные к тому

¹² Schott W. *Über die Kirgisen*, S. 432—433, 457—461.

¹³ Radloff W. *Aus Sibirien. Los blätter aus meinem Tagebuche*. Leipzig, 1893, Bd 2, S. 130.

¹⁴ Радлов В. В. *Сибирские древности*. СПб. 1896, с. 54—60.

¹⁵ Адрианов А. В. *Выборки из дневников курганских раскопок в Минусинском крае*. Минусинск, 1902—1924, с. 68.

¹⁶ Клеменц Д. *Древности Минусинского музея*. Томск, 1886, с. 64.

времени летописные сведения о «хакасах» и употреблении ими лука и стрел, защитного вооружения¹⁷

Начиная с 1884 г. в археологическом обследовании Среднего Енисея принимал участие И. П. Кузнецов. В 1889 г. он издал книгу с собственной классификацией древних памятников, выделив несколько типов кыргызских курганов. Описывая устройство погребальных сооружений, он назвал в числе находок железные наконечники стрел¹⁸. В отдельный вид памятников им выделены «старинные укрепления»¹⁹, относящиеся к эпохе средневековья. Анализируя сведения китайских летописей о «хагасах», ученый отверг установившееся к тому времени в науке мнение о заселении ими Минусинской котловины. Он предполагал, что эти племена жили южнее, в Центральной Азии. Важна его ссылка на сведения хроник о военной организации, военной истории кочевников и конкретно кыргызов. Материалы о подразделении войска по десятичной системе, суровой воинской дисциплине, умении атаковать рассыпным строем и наступать «острым клином», а также о военных успехах кыргызов, по его мнению, несопоставимы с данными о населении Минусинской котловины. Он лишь допускал, что «обитавшие к северу от хагасских владений племена могли находиться в зависимости от них, платить им дань и участвовать вместе с ними в завоеваниях»²⁰.

В 1887—1889 гг. на юге Сибири проводила работы финская экспедиция под руководством И. Р. Аспелина, в которой участвовали Я. Аппельгрэн-Кивало и А. О. Гейкель. Было открыто, обследовано и зафиксировано большое число памятников рунической письменности, наскальных рисунков, каменных изваяний, курганов. Ряд материалов был опубликован И. Р. Аспелином, в том числе наскальные изображения кыргызских воинов Сулекской писаницы и бронзовые литые фигурки воинов. Дано описание сцены боя на Сулекской писанице: «Тяжело вооруженный всадник, одетый в пластинчатую бровю от шеи до бедра, с рукавами до середины предплечья, с круглым щитом на груди, с мечом и колчаном у пояса, с боевой гирей в правой руке направляет копьё, украшенное небольшим флажком, на лучника, стреляющего с колена»²¹. Некоторые материалы своих раскопок опубликовал и А. О. Гейкель²². Однако основные результаты экспедиции увидели свет много позднее, поскольку еще в ходе работ И. Р. Ас-

¹⁷ Клеменц Д. Древности Минусинского музея, с. 74.

¹⁸ Кузнецов И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889, с. 17.

¹⁹ Там же, с. 20.

²⁰ Там же, с. 30—32, 36.

²¹ Aspelin J. R. Types des peuples de l'ancienne Asie Centrale. Helsingfors, 1890, № 6.

²² Heikel A. O. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tascheba. — SMYA, Helsingfors, 1912, t. 26.

пелин убедился в их несоответствии теории алтайского происхождения финно-угров.

Расшифровка в 1893 г. В. Томсенем тюркского рунического письма дала новый импульс изучению средневековой истории Центральной Азии.

В результате работ Орхонской и других экспедиций были открыты новые источники, содержавшие сведения по военной истории кыргызов. В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Г. Рамстед, В. П. Васильев и другие сделали переводы текстов повествовавших о войнах кыргызов с тюрками и уйгурами²³. В. В. Радлов и И. Г. Гранэ²⁴ посетили и осмотрели развалины Орду-Балыка, столицы Уйгурского каганата, разрушенной кыргызами в IX в.

Интерес к прошлому тюркских народов усиливается в связи с вводом в научный оборот новых материалов. Появляются научные труды общен исторического характера, в которых рассматриваются также вопросы военной истории кыргызов²⁵ и воевавших с ними тюрков Центральной Азии²⁶. Расширяется география находок предметов средневекового оружия кыргызского происхождения. Так, в 1896 г. С. К. Кузнецов раскопал несколько курганов с предметами вооружения близ Архиерейской заимки на р. Томь; здесь имелись панцирные пластины, часть меча, наконечники стрел²⁷. В 1917 г. А. М. Талльгрэн опубликовал отдельные предметы вооружения, найденные в Минусинской котловине, относящиеся к кыргызскому времени и позднему средневековью. В числе находок слабоизогнутые сабли с пластинчатым перекрестием, наконечники стрел, кольчуга²⁸.

В целом дореволюционный период в истории изучения военного дела и военной истории кыргызов характеризуется накоплением письменных, изобразительных и вещественных материалов. Была введена в научный оборот большая часть из известных ныне письменных источников, даны первые

²³ Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Lief. Spb., 1894—1895, 1898, t. 1—3; Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина.— Зап. ЗВОРАО, Спб., 1899, т. 12; Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei.— ISFO, Helsingfors, 1913, t. 30; Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цай-даме и Кара-Балгасуне.— СТОЭ, Спб., 1897, т. 3.

²⁴ Grano J. G. Archeologische Beobachtungen von meiner Reise in Sudsibirien und Nordwestmongolei im Jahre 1909.— JSFO, Helsingfors, 1910, t. 28.

²⁵ Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— Живая старина, 1896, вып. 3—4.

²⁶ Franke O. Beitrage aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Turkvolker und Skythen Zentralasiens.— АКРАВ, Berlin, 1904.

²⁷ Кузнецов С. К. Материалы по доисторической археологии России.— Зап. ИРАО, Спб., 1889, т. 11, вып. 1—2, с. 319, 320.

²⁸ Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr. Korl Hedman a Vasa. Helsingfors. 1917.

обобщения сведений по военной истории и классификации предметов вооружения. Однако тогда изучению военного дела кыргызов еще не уделялось должного внимания. Этот вопрос частично рассматривался в общенсторических трудах. Кыргызские памятники и найденные в них предметы вооружения еще не были выделены в составе древностей «железного периода», относимых суммарно к тюркским племенам.

В 20-е гг. в связи с началом национально-государственного строительства у народов Южной Сибири интерес к их прошлому значительно возрос. Появляется ряд обобщающих трудов по истории Центральной Азии и Южной Сибири, содержащих сведения по военной истории кыргызов.

Н. Н. Козьмин в книге по истории Минусинского края XVII—XIX вв. кратко изложил известные к тому времени сведения письменных источников по истории кыргызов, в том числе о военных столкновениях с тюрками и уйгурами, о численности кыргызского войска, а также высказал интересные соображения о назначении стрел с костяными свистунками²⁹.

В 1926 г. публикуется объемистый труд Г. Е. Грумм-Гржимайло, где приводятся многочисленные данные по военной истории кыргызов; наибольшее внимание уделяется событиям IX в.³⁰ В книге подчеркивается воинственность кыргызов, о чем, по мнению автора, свидетельствует их привычка не расставаться с оружием. Из предметов вооружения упомянуты лук и стрелы, деревянные нагрудники, наручья и набедренники, которые крепились к кожаному панцирю³¹.

В 1927 г. В. В. Бартольд обобщил сведения по истории кыргызов из китайских, древнетюркских, арабских и персидских письменных источников³². Хронологические рамки работы выходят за пределы нашей темы. Для нас важно то, что автор привел в соответствие некоторые противоречивые материалы о военных событиях VI—XII вв., отметил, что в составе кыргызского войска находились преимущественно лучники и копьеносцы с «зелеными знаменами». Время самых значительных военных успехов Кыргызского каганата справедливо названо В. В. Бартольдом «кыргызским великодержавием»³³. В работе имеются данные по структуре военной организации кыргызов, дается оценка причин недолговечности кыргызского великодержавия. В дальнейшем эта работа выдержала еще два издания и сохраняет в основных положениях свое значение и поныне.

²⁹ Козьмин Н. Н. Хакасы. Иркутск, 1925, с. 19.

³⁰ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. 2, с. 350.

³¹ Там же, с. 354.

³² Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк.— Соч. М., 1963, т. 2.

³³ Там же, с. 489, 495.

Новые успехи были достигнуты и в археологическом изучении кыргызских памятников. В 20-х гг. нашего столетия в Минусинской котловине проводил широкие археологические исследования С. А. Теплоухов. Изучение окрестностей с. Батени, насыщенных разнообразными памятниками, позволило ему создать периодизацию металлических культур Минусинской котловины. На этой периодизации было основано все дальнейшее археологическое изучение Южной Сибири. Им выделено несколько типов кыргызских курганов, в инвентаре которых отмечены отдельные предметы вооружения. К VI—VII вв. отнесены курганы, известные под названием «чаатас»³⁴, к VII в.—«одиночные каменные курганы», под насыпями которых обнаружены погребения с конем. В это время, по мысли автора, кыргызы, «более или менее прочно обосновавшиеся» в Минусинской котловине, были покорены тюрками³⁵. В одном из таких курганов, в седловине над р. Таштык, найдены трехлопастные железные наконечники стрел с костяными шариками-свистунками, костяные концевые и срединные боковые накладки для лука, костяные орнаментированные накладки для колчана. Из инвентаря погребений каменных курганов VIII—X вв. представляет интерес бронзовая фигурка всадника с копьем. К XI—XII вв. отнесены могилы, в которых встречаются плоские железные наконечники стрел с костяными свистунками³⁶. В дальнейшем классификация кыргызских памятников, предложенная С. А. Теплоуховым, претерпела изменения. Значительная часть материалов из раскопов не была им опубликована.

С 1920 по 1929 г. в Минусинской котловине проводил археологические раскопки Г. П. Сосновский. Им раскопаны три кыргызских кургана у дер. Черной и два — у дер. Кокоревой³⁷. Материалы его раскопок, оставшиеся неопубликованными, включают такие предметы вооружения, как палаши и наконечники стрел, датированные XI—XII вв.

В 20-е гг. новые находки вооружения из памятников эпохи средневековья, которые можно отнести к кыргызским, были сделаны и за пределами Минусинской котловины. Г. И. Боровка, проводивший археологические раскопки в Монголии, в долине р. Толы, опубликовал в 1927 г. два трехлопастных наконечника стрелы, найденные в погребениях с трупосожжением в Нантэ-суме и Ихэ-алыке³⁸. На северной периферии

³⁴ Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, Л., 1929, т. 4, вып. 2, с. 54.

³⁵ Там же, с. 55.

³⁶ Там же, с. 28, 32, 35, 57, 61.

³⁷ См. об этом: Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин, с. 140.

³⁸ Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— В кн.: Северная Монголия. Л., 1927, вып. 2, табл. III, 12, 13.

Минусинской котловины, в Красноярском районе археологическое обследование средневековых памятников проводил В. Г. Карцов. Им исследована система фортификации укрепленных городищ VI—IX вв., Ладейского и Ермолаевского³⁹. Прослежена система рвов, валов, внутреннего двора, обнаружены в культурном слое трехлопастные и плоские железные и костяные наконечники стрел⁴⁰. Отмечен временный характер укреплений, служивших убежищем в случае военных набегов. В. Г. Карцов описал и классифицировал материалы археологических коллекций Красноярского музея, в том числе большое число предметов вооружения. Выделены четыре трехлопастных и девять типов плоских железных наконечников стрел; описаны костяные наконечники стрел, мечи, кинжалы и ножи⁴¹. Автор высказал интересные предположения о назначении стрел с костяными свистунками и прорезей на лопастях наконечников стрел. Основная масса находок, по мнению В. Г. Карцова, относится к выделяемой им ладейской культуре, существовавшей в VII—XIV вв., носителями которой были предки позднейших якутов.

М. П. Грязнов обобщил и классифицировал материалы археологических культур Алтая⁴², в том числе и эпохи средневековья, что имеет важное значение для сопоставления с комплексами Среднего Енисея.

В целом в 20-е гг. была проделана значительная работа по изучению военной истории кыргызов. Обобщены и проанализированы сведения письменных источников, определены в культурном и хронологическом отношении кыргызские памятники и найденные в них предметы вооружения.

В 1931 г. Г. Аппельгрэн-Кивало, участник экспедиции И. Р. Аспелина в Южную Сибирь, опубликовал ее материалы, в частности множество изображений кыргызских воинов с Сулукской писаницы, и дал краткое описание рисунков. Особое внимание автор уделяет изображениям всадников, стреляющих из луков, в шлемах и панцирях, с копьями, увенчанными флажками⁴³. Подробно описано вооружение и снаряжение всадника в поединке с лучником-пехотинцем: «...Здесь изображено разнообразное вооружение человека: шлем, панцирь, сабля, топор, лук, колчан, копье с флажком; заслуживает внимания также конская сбруя: седло, чепрак, трензеля, украшенная»⁴⁴.

³⁹ Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища.— Тр. САРАИШОН, М., 1929, т. 4, с. 560—566.

⁴⁰ Там же, с. 563, 566.

⁴¹ Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, с. 48—50.

⁴² Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

⁴³ Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, S. 5.

⁴⁴ Ibid., S. 6.

С 1928 г. археологическими исследованиями Минусинской котловины занялся С. В. Киселев, возглавивший в 1930 г. Саяно-Алтайскую экспедицию, в составе которой работали Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Были проведены значительные раскопки на Уйбатском и Копенском чаа-тасах, Капчальском могильнике и других кыргызских памятниках, результаты которых отразились в серии публикаций. В работах С. В. Киселева много внимания уделено социально-экономическому анализу кыргызского общества. Реконструируя социальную структуру и государственное устройство кыргызов, автор описывает военную организацию, дает оценку роли войны и военного дела. Охарактеризована военно-административная система кыргызов, объяснены причины их экспансии в Центральную Азию в IX в. как отражение интересов феодалов и купцов⁴⁵. В дальнейшем, в совместной работе с Л. А. Евтюховой, автор отмечает, что «стремление к добыче не было единственным побуждением воинственности кыргызской знати. Тогда война из средства простого обогащения превращалась в средство ослабления противоречий между знатью и народом»⁴⁶. В той же работе дано детальное описание бронзовых фигурок всадников из Копенского чаа-таса, вооруженных луками и защищенных накладными щитками-поножами⁴⁷.

Социально-экономические причины военной политики кыргызов продолжали интересовать С. В. Киселева, когда он обратился к анализу рунических надписей. Война способствовала процессу классового образования и государственной консолидации в кыргызском обществе: «В интересах войны старая родовая аристократия объединяется вокруг удачливого вождя, подчиняется военной власти и создает такую организацию управления, которая представлялась китайскому историку сложной системой чиновничьего аппарата. Если же рассмотреть этот «аппарат» в том виде, как его сохранили кыргызские источники, то вокруг кыргызского кагана, грозного врага орхонских тюрок, мы увидим старую родовую аристократию — бегов, принятых на службу тарханов, и многочисленную дружину, витязей огланов»⁴⁸. Рунические тексты свидетельствуют, что военные дружины формировали также отдельные феодалы: «...Учин-Кулуг умер, «не мог остаться среди вас, моих витязей сородичей, витязей огушей, витязей огланов». Можно видеть, что помимо родственников в эль входили дружинники — кленты богатого аристократа (огуши) и дружинники-

⁴⁵ Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. — Изв. ГАНМК, Л., 1933, вып. 65, с. 30.

⁴⁶ Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены. — Тр. ГИМ. М., 1940, вып. 11, с. 26.

⁴⁷ Там же, с. 50.

⁴⁸ Киселев С. В. Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X веках. — Изв. АН СССР, 1946, т. 3. Сер. ист.-филол., вып. 1, с. 71.

огланы, конная молодежь»⁴⁹. Эти взгляды получили наиболее полное развитие в обобщающей монографии С. В. Киселева по истории древних племен Южной Сибири, где имеется обширный раздел, посвященный енисейским кыргызам. Автор описывает различные образцы оружия, изготовливавшиеся кыргызскими оружейниками: наконечники стрел, мечи, кинжалы, копья, панцири и шлемы; выделяет хронологические периоды бытования различных типов вооружения, дает примерную реконструкцию внешнего облика тяжеловооруженного воина⁵⁰. Военная организация кыргызов, по мнению автора, опиралась на родовую знать. Эти выводы оставлены автором без изменения в последующем издании «Древней истории Южной Сибири»⁵¹ и «Кратком очерке древней истории хакасов»⁵². В настоящее время некоторые положения работ С. В. Киселева относительно военного дела кыргызов уточнены и пересмотрены, но в основных чертах не утратили своего значения.

Большое внимание изучению археологических памятников енисейских кыргызов уделяла в 30—40-е гг. Л. А. Евтюхова. Разрабатывая типологию погребальных сооружений, она выделила из числа находок в курганах VI—VIII вв. железные плоские и трехгранные шипастые наконечники стрел, «последний тип из довольно ранних, впервые встречается еще в Ишимском кладе, отмечающимся сильным таштыкским влиянием»⁵³. Итоги раскопок были обобщены Л. А. Евтюховой в сводной монографической работе по археологическим памятникам кыргызов в Минусинской котловине. Здесь впервые в специальном разделе собраны все известные сведения о военном деле кыргызов⁵⁴. Автор анализирует сообщения письменных источников о численности кыргызского войска, структуре военной организации; описывает кыргызское оружие: сложносоставные луки, стрелы с трехлопастными наконечниками, колчаны, защитный доспех, копья, привлекая материалы раскопок и описание изображений кыргызских воинов⁵⁵. Приводится реконструкция внешнего облика панцирных и легковооруженных всадников⁵⁶. Ряд положений, выдвинутых Л. А. Евтюховой, недостаточно разработан: о структуре военной организа-

⁴⁹ Киселев С. В. Древнехакасский «эль». — Зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1948, вып. 1, с. 33.

⁵⁰ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, М.—Л., 1949, № 9, с. 324—325.

⁵¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 577—578.

⁵² Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, с. 47—48.

⁵³ Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. — Тр. ГИМ, М., 1938, т. 8, с. 120.

⁵⁴ Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 103.

⁵⁵ Там же, с. 104—106.

⁵⁶ Там же, с. 106.

ции, типологии наконечников стрел. В настоящее время ее сведения несколько устарели, но в свое время их значение как первого опыта обращения к данной теме было велико. Они и поныне остаются наиболее полной сводкой по военному делу кыргызов.

С 1930 г. активные археологические работы в Минусинской котловине вела В. П. Левашова. Она руководила раскопками Капчальского могильника, Быстрой, Уйбатского чаа-таса. Результаты частично отражены в публикациях. Краткое описание кыргызского оружия из фондов Минусинского музея изложено в популярной книге по истории южной части Красноярского края. Перечисляются виды оружия конных воинов: копья, мечи, сабли, кинжалы, боевые молоты, лук и стрелы, панцири, берестяные колчаны⁵⁷. Предположение автора, что «трехлопастные стрелы с отверстиями, пущенные на далекое расстояние, вращались в полете, воздух, проходящий в их отверстия, издавал шум, пугавший конницу, а вращающаяся стрела, вонзившись в тело, разрывала его в разных направлениях своими лезвиями»⁵⁸, было экспериментально опровергнуто В. Г. Карцовым за 10 лет до выхода этой работы. Эпизодически В. П. Левашова обращается к вопросам структуры военной организации⁵⁹ и оружейного производства кыргызов⁶⁰ в ряде последующих работ.

Наибольший интерес представляет подробное описание предметов вооружения из могильника Капчалы II. На основе близости форм вещей с сопредельных районов и находки монеты, обнаруженные в погребениях кинжалы, трехлопастные наконечники стрел, костяные накладки для луков и колчаны датированы второй половиной IX в.⁶¹ Автор вновь утверждает: «Особенно интересны шумящие и свистящие стрелы. Их наконечники имеют прорези в лопастях пера, и такая стрела, с винтообразно посаженным оперением древка, летела, вращаясь вокруг своей оси, а воздух, проходя сквозь отверстия, производил шум. Когда же под пером стрелы был надет костяной шарик-свисток, она издавала еще и свист. Такие стрелы были исключительно боевыми, и шум, производимый ими, пугал конницу врага»⁶².

В 1936 г. раскопки на Ташебинском и Уйбатском чаа-тасах проводил М. М. Герасимов. Материалы, в том числе орнаментированные накладки колчана, не публиковались.

⁵⁷ Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, с. 52.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Левашова В. П. Из прошлого Хакасии. Абакан, 1945, с. 10.

⁶⁰ Левашова В. П. Ремесло в древнехакасском государстве.— Зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1948, вып. 1, с. 47.

⁶¹ Левашова В. П. Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, М., 1952, № 24, с. 133.

⁶² Там же.

С 1947 г. археологическим изучением Минусинской котловины занимался сотрудник Абаканского музея А. Н. Липский. Им вскрыто значительное количество погребений эпохи средневековья. Материалы раскопок кыргызских памятников частично введены в научный оборот. Представляет интерес описание хорошо сохранившихся луков и стрел, отнесенных автором к позднему средневековью⁶³.

За пределами Минусинской котловины раскопки курганов с трупосожжением, содержавших предметы вооружения, проводил в 30-е гг. М. П. Грязнов. В 1940 г. им опубликованы результаты раскопок могильника Яконур на Алтае, некоторые из погребений которого, совершенные по обряду трупосожжения, ныне принято относить к числу памятников енисейских кыргызов. Из предметов вооружения отмечаются «односторонний меч, 23 наконечника стрел, нож»⁶⁴. В таких погребениях покойников сжигали с оружием и конской сбруей⁶⁵. Позднее эти материалы неоднократно привлекались для построения эволюционных схем развития кочевых культур. Некоторые вопросы военной истории и структуры военной организации кыргызов рассматривал и А. Н. Бернштам⁶⁶. Автор считал, что «в противоположность тюркам на первое место в кыргызском обществе выступает не каган, а бег»⁶⁷.

В целом для 30—40-х гг. характерно существенное расширение проблематики изучения военного дела кыргызов. Впервые на основании исследования письменных, изобразительных источников и материалов раскопок было выделено в самостоятельный аспект истории Южной Сибири военное дело кыргызов. Широко привлекалась для изучения военной организации и военной истории кыргызов социально-экономическая проблематика. Впервые намечены этапы эволюции одного из видов оружия — наконечников стрел. Продолжали разрабатываться и традиционные направления в изучении военного дела кыргызов — накопление новых материалов раскопок, анализ событий военной истории.

С начала 50-х гг. археологическим изучением Южной Сибири занимается Л. Р. Кызласов, возглавлявший Тувинскую, а затем Хакасскую экспедиции МГУ. В ходе многолетних исследований Л. Р. Кызласовым изучено большое число кыргызских могильников, крепостей, наскальных изображений, памятников рунической письменности. Результаты этих работ изложены в

⁶³ Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г.— КСИИМК, М.—Л., 1949, вып. 25, с. 84.

⁶⁴ Грязнов М. П. Раскопки на Алтае.— СГЭ, Л., 1940, вып. 1, с. 18.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Бернштам А. Н. История кыргыз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания.— КСИИМК, М.—Л., 1947, вып. 16.

⁶⁷ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок V—VIII вв.— Тр. Ин-та востоковед., М.—Л., 1946, т. 45, с. 157.

многочисленных публикациях, в которых автор рассматривает различные аспекты военного дела кыргызов. В одной из ранних работ опубликованы интересные находки предметов вооружения: берестяной колчан с сохранившимися древками стрел и железный крюк от колчана⁶⁸. В дальнейшем особое внимание автор уделял вопросу складывания военно-административной системы; была сделана попытка определить границы феодальных владений — багов — на землях завоеванной кыргызами в IX в. Тувы⁶⁹. При определении пределов территориальной экспансии кыргызов в Центральной Азии в IX в. Л. Р. Кызласов дает оценку военным событиям, высказывает предположения о целях ведения войны кыргызами, отрицает возможность столкновения кыргызов с киданями. Рассматривая военную историю XI—XII вв., он делает вывод, что кыргызы продолжали удерживать в своих владениях Туву⁷⁰. Кыргызские мастера оружейного дела занимаются в этот период изготовлением мечей, кинжалов, пластинчатых панцирей, шлемов, наконечников стрел и копий⁷¹. При выделении этапов в истории средневековой Тувы автор отмечает, что в кыргызских курганах IX—X вв. найдены «панцирные пластинки, остатки роговых накладок сложных луков, боевые ножи, согнутые для захоронения мечи, разнообразные наконечники стрел (трехгранные, четырехгранные, трехгранно-трехлопастные, трехлопастные узкие, трехлопастные массивные с отверстиями и выемками внизу лопастей, плоские асимметрично-ромбические и пр.)»⁷². В кыргызских погребальных комплексах XI—XII вв. «от предметов вооружения сохраняются кальцинированные обломки орнаментированных костяных накладок (с циркульным узором) и петель на берестяные колчаны, разнообразные наконечники стрел с упором, новых по преимуществу типов (плоские асимметрично-ромбические большие и малые, долотовидные, лопаточкообразные, ромбические, трехгранные и четырехгранные острые, четырехгранные лопаточки, трехперые узкие, ланцетовидные и редко трехлопастные). Иногда встречаются однолезвийные мечи типа палашей»⁷³. Эти положения изложены и в некоторых последующих работах⁷⁴.

Изучая вопрос численности населения Среднего Енисея в эпоху средневековья, Л. Р. Кызласов делает вывод о подраз-

⁶⁸ Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас.— СА, 1955, вып. 24, с. 252—253.

⁶⁹ Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, 1960, № 3, с. 114.

⁷⁰ Кызласов Л. Р. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Учен. зап. КНУИИЯЛИ. Абакан, 1960, вып. 8, с. 62.

⁷¹ Там же, с. 83.

⁷² Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы.— ВМУ, 1964, сер. 9, № 4, с. 8.

⁷³ Там же, с. 80.

⁷⁴ См. об этом: История Тувы. М., 1964, т. 1, с. 148, 150.

делении кыргызского войска на 10-тысячные отряды — тумены, причем собственно кыргызы составляли лишь один тумен, а остальные семь — девять туменов набирались от зависимых племен⁷⁵. Многие из выдвинутых положений о развитии военного дела у кыргызов были разработаны в обобщающей монографии по средневековой истории Тувы. Автор подробно останавливается на военно-политических событиях IX—XII вв. в Южной Сибири и Центральной Азии, характеризует предметы вооружения кыргызов, структуру их военной организации⁷⁶. По его мнению, армия у кыргызов была «основной опорой правящих кругов государства», а «основой армии была тяжелооруженная конница. Закованные в панцири и латы, одетые в шлемы, конные воины были вооружены длинными копьями, тяжелыми мечами или саблями, щитами, луками и стрелами. На древках их копий развевались флаги и знамена». Автором сделаны важные выводы о сложении военно-служилой знати, постепенной децентрализации военной власти на основе развития феодальных отношений в Кыргызском каганате⁷⁷. Эти центробежные тенденции привели к распаду государства на отдельные улусы. В одной из последних работ, посвященных изучению кыргызских памятников X—XII вв. Минусинской котловины, Л. Р. Кызласов описывает находки предметов вооружения, делает вывод о дружинном характере кыргызских могильников⁷⁸.

В 50—60-е гг. ряд новых материалов по кыргызскому оружию из памятников Тувы получен в результате раскопок А. Д. Грача. Автор опубликовал в виде предварительных сообщений предметы вооружения — палаши, трехлопастные и плоские наконечники стрел⁷⁹. Особо следует отметить находку сабли с арабской надписью по обеим сторонам клинка и кольчуги⁸⁰. Л. Г. Нечаевой опубликовано кыргызское оружие из могильника Тора-Тал-Арты. Автор подробно описывает найденные в курганах палаши, трехлопастные, трехгранные, четырехгранные, плоские и двухлопастные наконечники стрел, костяные шарики-свистунки, железный крюк и кольца от колчана, наконечник копья, пластины панциря, обломки костяных накладок лука. По мнению автора, предметы вооружения

⁷⁵ Кызласов Л. Р. О численности древних хакасов в IX—XI и в XIII веках. — Учен. зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1966, вып. 12, с. 156.

⁷⁶ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 93—97, 100.

⁷⁷ Там же, с. 121—125.

⁷⁸ Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 207.

⁷⁹ Грач А. Д., Нечаева Л. Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ. — Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1960, вып. 8, с. 189.

⁸⁰ Грач А. Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве. — КСИА, М., 1969, вып. 118, с. 53; Он же. Исследование могильников Улуг-Оймак и Улуг-Хорум. — АО. 1965 г. М., 1966, с. 31.

происходят из погребений, где были похоронены рядовые кыргызские воины⁸¹.

С 60-х гг. раскопками отдельных кыргызских памятников в Туве (с публикацией кратких отчетов об исследованиях) занимался археолог ТНИИЯЛИ М. Х. Маннай-оол⁸². Обращаясь к вопросам этнической истории тувинцев, он приводит и некоторые сведения по военной истории кыргызов⁸³.

Интересное кыргызское погребение близ пос. Урбюн в Туве раскопал в 1965 г. Д. Г. Савинов. В нем было найдено семь плоских наконечников стрел «с упором и разным образом оформленным верхним краем — округлым, ромбическим, типа срезней»⁸⁴. Новые материалы по кыргызскому оружию — палаша, наконечники копий и стрел — обнаружены в последние годы в Туве членами Саяно-Тувинской экспедиции: А. Д. Грачом в могильнике Ортаа-Хем II, Г. В. Длужневской в могильнике Хемчик-Бом II, И. У. Самбу в могильнике Демир-Сут.

Большой интерес представляют предметы, собранные Красноярской экспедицией в ходе многолетних раскопок в 50—70-х гг. в Минусинской котловине. М. П. Грязнов вел раскопки могильника Тепсей III, где обнаружены наконечники стрел с костяными свистунками. Э. Б. Вадецкая вскрыла кыргызские памятники Новая Черная VII и Георгиевская гора, где найдены наконечники стрел и костяные накладки для лука и колчан. Л. П. Зяблин раскопал чаа-тасы Гришкин Лог и Перевозенский.

В 50—60-е гг. изучением кыргызских памятников Минусинской котловины занимался археолог Красноярского музея Р. В. Николаев. В 1955 и 1957 гг. он обследовал Оглахтинскую крепость. Позднее им были раскопаны кыргызские курганы близ железнодорожной станции Минусинск, где найдены такие предметы вооружения, как трехлопастные наконечники стрел и слабо изогнутая сабля с пластинчатым перекрестием⁸⁵.

В 60—70-е гг. было открыто довольно много кыргызских памятников с предметами вооружения за пределами основных районов расселения кыргызов.

В Восточном Казахстане Ф. Х. Арслановой были раскопаны кыргызские курганы в комплексах Зевакинского и Бобровского могильников. Найден интересный набор наконечников стрел: трехлопастные, трехгранно-трехлопастные, четырехгран-

⁸¹ Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. — Тр. ТКАЭЭ. М. — Л., 1966, т. 2, с. 109—114, 141.

⁸² Маннай-оол М. Х. Археологические исследования ТНИИЯЛИ в 1967 г. — Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1968, вып. 13, с. 328.

⁸³ Маннай-оол М. Х. Об этническом составе населения Тувы (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). — Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1970, вып. 14, с. 124.

⁸⁴ Савинов Д. Г. Погребение с серебряным хубком. — Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1973, вып. 11, с. 218.

⁸⁵ Николаев Р. В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск. — СА, 1972, № 2, с. 199—200.

ные, трехгранные, круглые, плоские; обнаружены также накладки для лука, колчаны⁸⁶, наконечники копий, сабли. В Центральном Казахстане комплекс трехлопастных и трехгранных наконечников стрел найден в кургане близ Текели⁸⁷.

На Алтае наконечники стрел обнаружены в курганах с трупожжением в ходе раскопок В. А. Могильникова⁸⁸ и А. П. Уманского⁸⁹, а отдельные предметы вооружения в Западной Сибири — Т. Н. Троицкой⁹⁰. Интересный комплекс наконечников стрел найден археологами Иркутского университета в погребении на о-ве Ржавый на р. Кан. В Монголии обнаружены новые наскальные изображения кыргызских всадников, опубликованные Д. Доржем⁹¹.

В 50—70-е гг. значительно расширились возможности использования письменных источников, где имеются материалы о военном искусстве кыргызов. С. Е. Маловым переизданы древнетюркские надписи, содержащие сведения по военной истории кыргызов⁹². Перевод снабжен примечаниями исторического характера. В дальнейшем многие известные и вновь открытые надписи были опубликованы И. А. Батмановым, Д. М. Насиловым, И. А. Баскаковым, С. Г. Кляшторным⁹³ и другими. В ранее известные тексты, имеющие отношение к военной истории кыргызов, внесены уточнения⁹⁴.

С начала 50-х гг. переизданы переводы китайских летописей, где содержатся сведения по военному делу кыргызов, сделанные Н. Я. Бичуриным⁹⁵. Эти тексты были уточнены и до-

⁸⁶ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 102—105.

⁸⁷ Агеева Е., Джусупов А. Интересная находка.— Учен. зап. Каз. гос. ун-та, Алма-Ата, 1963, т. 54. Сер. ист., вып. 12, с. 175.

⁸⁸ Могильников В. А. Работы Алейской экспедиции.— АО 1971 г. М., 1972, с. 299, 300.

⁸⁹ Уманский А. П. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае.— Учен. зап. ГАНИИЯЛИ, Горно-Алтайск, 1964, № 6.

⁹⁰ Троицкая Т. Н. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н. э.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 184.

⁹¹ Дорж Д. Гобийский всадник.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 174—176.

⁹² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951; Он же. Енисейская письменность тюрков. М.— Л., 1952; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.— Л., 1959.

⁹³ Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962; Насилов Д. М. О некоторых памятниках Минусинского музея.— НАА, 1963, № 6, с. 127; Баскаков И. А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области.— СЭ, 1966, вып. 6, с. 80. Кляшторный С. Г. Рунические надписи саянского каньона Енисея.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1973, вып. 16; Он же. Руническая эпиграфика Южной Сибири.— СТ. 1976, № 1.

⁹⁴ Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера.— Turcologica, Л., 1976, с. 258—266.

⁹⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. I.

полнены в работах Н. В. Кюнера⁹⁶. Представляют большой интерес приводимые им сведения о военных мероприятиях кыргызов в Центральной Азии⁹⁷. Новые материалы по военной истории кыргызов из китайских источников были опубликованы Г. П. Супруненко⁹⁸. Им написаны работы, посвященные военной политике кыргызов⁹⁹, их военным походам против уйгуров после взятия Орду-Балыка, китайской дипломатии, пытавшейся использовать в своих целях военные успехи кыргызов¹⁰⁰. А. Г. Малявкин издал свод китайских источников по истории уйгуров после падения каганата, где имеется немало сведений о военных походах кыргызов¹⁰¹. Автором опубликовано несколько статей по истории уйгуров IX—XII вв., где содержатся данные по военной истории кыргызов, рассмотрены различные направления расселения уйгуров после поражения под Орду-Балыком и причины набегов кыргызов на уйгуров во второй половине IX в.¹⁰²

Более широкому привлечению сведений арабских и персидских авторов способствовали переводы и издания их работ в последние десятилетия. В начале 50-х гг. был издан труд Рашид-ад-Дина, где имеются сведения по военной организации кыргызов перед монгольским завоеванием¹⁰³. Отдельные данные о военной организации и границах экспансии кыргызов содержат сочинения ал-Бакуви, ал-Истахри, Наджиба Бекрана¹⁰⁴, произведение неизвестного автора «Худуд ал алаал»¹⁰⁵. Анализу персидских и арабских источников о кыргызах по-

⁹⁶ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

⁹⁷ Кюнер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э.— Зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1951, вып. 2, с. 1.

⁹⁸ Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли-Вэй-Гун Хойчан Ипинь Цзи».— Изв. АН КиргССР. Фрунзе, 1963, т. 5. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 70—81.

⁹⁹ Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов.— В кн.: История и культура Китая. М., 1974, с. 242.

¹⁰⁰ Супруненко Г. П. Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими кыргызами.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, с. 62—63.

¹⁰¹ Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.

¹⁰² Малявкин А. Г. Китайские источники по истории уйгуров в IX—XII вв.— Изв. АН КазССР. Сер. ист., Алма-Ата, 1961, вып. 2(16); Он же. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата.— Изв. Сиб. отд. АН СССР. Новосибирск, 1972, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1: с. 30. Он же. Уйгуры и Китай в 840—848 гг.— В кн.: Сибирь. Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, с. 78.

¹⁰³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 150.

¹⁰⁴ Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-Асар ва Аджа иб ал-малик ал-каххар. М., 1971; Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммед ал-Истахри. Китаб масалик ал-мамалик.— В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1, с. 16; Мухаммед ибн Наджиб Бекран. Джахан-намэ.— Там же, с. 48.

¹⁰⁵ Худуд ал-алал.— Там же, с. 41.

священа работа О. Караева, где даны очерк о войнах кыргызов с уйгурами, сведения об оружейном производстве, оценка войны в кыргызском обществе¹⁰⁶.

Введение в научный оборот значительного по объему материала по военному делу кыргызов из археологических, письменных и изобразительных источников позволило включить некоторые из этих данных в ряд общеисторических, популярных и специальных работ.

А. П. Окладников при анализе изображений знамен на Шишкинских писаницах использовал сведения о боевых знаменах кыргызов. Им определены различные типы знамен, сделан вывод о их назначении как вещественном символе «общеплеменного или родового объединения» и «достоинства вождя и его титула»¹⁰⁷. Стиль одного из изображений настолько близок к кыргызским, что не исключена возможность, что его «изобразила рука кыргызского же художника, волей судеб оказавшегося на Лене»¹⁰⁸.

Л. П. Потапов, рассматривая вопрос о включении Алтая в состав государства кыргызов, отмечал, что они изготавливали железное оружие — пики и сабли. В другой его работе упоминаются лук, стрелы и накладные щитки¹⁰⁹.

Л. Н. Гумилев, проанализировав наскальные изображения Сулекской писаницы, высказал предположение, что некоторые из них сделаны орхонскими тюрками. В последующих работах автор определяет границы Кыргызского каганата и дает свою оценку причин кратковременности кыргызского господства в Центральной Азии¹¹⁰. По представлениям А. Н. Бернштама, высказанным в одной из его последних работ, кыргызская экспансия в IX в. распространялась «от Маньчжурии до Тяньшаня»¹¹¹. Но уже в X в. кыргызы «находились в состоянии упадка, чему способствовали военные неудачи в последней четверти IX в., когда кыргызские племена, рассеянные по многим странам, не могли оказать необходимого сопротивления кара-китаям»¹¹².

С. И. Вайнштейн в ряде своих работ рассматривал вопросы военной истории кыргызов. Им уточнены границы кыргыз-

¹⁰⁶ Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII веков о кыргызах и Киргизии. Фрунзе, 1968, с. 30—32, 92—93.

¹⁰⁷ Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах.— В кн.: Тюркологический сборник. М.—Л., 1951, вып. 1, с. 151.

¹⁰⁸ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, с. 124.

¹⁰⁹ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 98; Он же. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953, с. 10.

¹¹⁰ Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара.— СМАЭ, М.—Л., 1949, т. 12, с. 250; Он же. Древние тюрки. М., 1967, с. 264; Он же. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 55.

¹¹¹ См. об этом: История Киргизии. Фрунзе, 1956, т. 1, с. 121.

¹¹² Там же.

ского государства в разные периоды его истории и время появления кыргызов в Туве¹¹³. Описывая средневековое искусство племен Тувы, автор характеризует бронзовые фигурки кыргызских всадников-лучников из Копенского чаа-таса¹¹⁴.

Д. Ласло при реконструкции налучья «венгерских завоевателей» приводит широкие аналогии с изображениями Южной Сибири и Восточного Туркестана. Он интерпретирует как налучье деталь изображения всадника с Сулекской писаницы: «...Его налучье длинное, почти прямолинейное, несколько изогнутое на конце, заканчивающееся резным украшением»¹¹⁵.

Уделено внимание военной истории кыргызов и в переизданном в 1961 г. капитальном труде О. Франке. Автор затрагивает вопросы численности кыргызского войска, территориальных пределов кыргызской экспансии в Центральной Азии¹¹⁶.

М. П. Грязнов, интерпретируя сюжеты изображений на «кубке Мессершмидта» и бронзовых рельефах Копенского чаа-таса, восстанавливает сюжетную канву эпических сказаний кыргызов, свидетельствующих об эстетизации ими силы и воинской доблести¹¹⁷. Автор обращает внимание на сообщение хроник об обычае кыргызов татуировать руки, как праве храбрейших, что может свидетельствовать о распространении военно-спортивных состязаний¹¹⁸.

В. Г. Карцов упоминает о находках в кыргызских памятниках разнообразных наконечников стрел и употреблении кыргызами других видов оружия. По мнению автора, в это время «короткий кинжал сменился длинным мечом и саблей»¹¹⁹.

Н. П. Павлов пишет о распространении кыргызских наконечников стрел «на Алтае, в Кузбассе, под Ачинском, Красноярском и Канском», о «военном превосходстве» кыргызов над окрестными таежными племенами, дает краткую сводку по военной истории кыргызов¹²⁰. А. И. Мартынов и У. Э. Эрдинев сообщают о наличии связей между кыргызами и населением степных районов Кузбасса, об оружейном производстве у кыргызов¹²¹. Н. А. Мальцева утверждает, что «оружие кыргы-

¹¹³ Вайнштейн С. И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1957, вып. 5, с. 217.

¹¹⁴ Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 74.

¹¹⁵ Laszlo G. Contribution a l'archeologie de L'epoque des migrations — AAAS. Budapest, 1957, t. 8, f. 1—4, S. 179.

¹¹⁶ Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. Berlin, 1961, Bd 2, S. 492, 501.

¹¹⁷ Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— АС, Л., 1961, вып. 3, с. 18, 20.

¹¹⁸ Там же, с. 12.

¹¹⁹ Карцов В. Г. О чем говорят курганы Енисея. Абакан, 1961, с. 75.

¹²⁰ См. об этом: История Красноярского края. Красноярск, 1967, с. 15—16.

¹²¹ См. об этом: История Кузбасса. Кемерово, 1967, ч. 1—2, с. 26, 28.

зов состояло из сложного лука и стрел с железными наконечниками, на которые прикреплялись знамена, значки. Было у них и оборонительное оружие в виде щитов и небольших щитков, закрывавших руки и ноги, которые делались из деревянных палочек. Такими щитами были защищены и лошади воинов»¹²².

Я. И. Сунчугашев приводит некоторые сведения о военном искусстве кыргызов. Автор полагает, что военные отряды кыргызов «состояли из конных и пеших воинов, которые были вооружены копьями, луками и стрелами. Они одевались перед боем защитными панцирями. В бой шли со знаменами на древках»¹²³. В другой работе дается описание воина с Сулекской писаницы: «На нем кольчуга, шлем, копье со знаменем, боевой молот, колчан, а на правом боку коня тамга — знак рода и собственности»¹²⁴.

Д. Г. Савинов в ряде статей, посвященных этнической истории Южной Сибири X—XII вв., затрагивает некоторые вопросы военного искусства кыргызов. Им прослежены границы экспансии кыргызов в IX в.¹²⁵, отмечено бытование у них в XI—XII вв. однолезвийных сабель с напускным перекрестьем и наконечников стрел: «Последние попадаются различных типов — крупные ромбические и срезни, уплощенные ромбические и мелкие, с упором различной формы»¹²⁶. Рассмотрены этим автором и вопросы военной истории кыргызов¹²⁷. Значительное место уделено эволюции лука и стрел в Южной Сибири в эпоху средневековья, включая наконечники стрел енисейских кыргызов¹²⁸.

М. П. Завитухина, характеризуя кыргызские памятники XI—XII вв., упоминает найденные в Минусинской котловине в могильниках Черная и Каменка бронзобойные наконечники стрел и сабли¹²⁹.

Г. А. Федоров-Давыдов, анализируя искусство средневековых кочевников Евразии, уделяет особое внимание сюжетам бронзовых рельефов Копенского чаа-гаса и изображениям

¹²² См. об этом: *История Сибири*. Л., 1968, т. 1, с. 302.

¹²³ *Сунчугашев Я. И.* Краткие очерки из истории Хакасии. Абакан, 1968, с. 12.

¹²⁴ *Сунчугашев Я. И., Янгулова Г. А.* Памятники истории и культуры Хакасии. Абакан, 1974, с. 89.

¹²⁵ *Савинов Д. Г.* О границах государства енисейских кыргызов в IX—X вв. — В кн.: *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1973, с. 91—92.

¹²⁶ *Савинов Д. Г.* Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени. — В кн.: *Этническая история народов Азии*. М., 1972, с. 259.

¹²⁷ *Савинов Д. Г.* Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время. — В кн.: *Туркологический сборник*. 1972 г. М., 1973, с. 340.

¹²⁸ *Савинов Д. Г.* Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.), с. 12.

¹²⁹ См. об этом: *Древняя Сибирь*. Л., 1976, с. 130.

всадников на Сулекской писанице: «...Часто изображается конник с копьем, иногда на копье есть флажок. Художник довольно тщательно передает детали узды, седла, панциря, вырисовывает колчан со стрелами». По мысли автора, «в Сулекской писанице воплотился очень ярко образ степного воина, который во главе своих отрядов совершал грандиозные завоевания и образовал в VI—VII вв. огромный каганат, а затем серию государств, таких как Кыргызская держава, Хазария, Болгарское и Аварское объединения и т. п.»¹³⁰.

Следует подробнее остановиться на одной из работ, вышедших в самое последнее время,— на заметке Н. Д. Архипова, поскольку она по своим задачам близка избранной нами теме. В ней дан краткий пересказ военных событий, в которых участвовали кыргызы; материалы, полученные в результате раскопок последних десятилетий, оценены как достаточные для изучения истории кыргызов; описаны отдельные виды оружия — лук, стрелы, колчаны, кинжалы, мечи, палаши, сабли, копья, кольчуги, панцири; утверждается, что основу кыргызского войска составляла панцирная конница¹³¹. Автор не располагает какими-либо новыми материалами, статья его построена на данных литературы, преимущественно из работ Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева и Л. Р. Кызласова. Часто противоречивые утверждения объединяются им механически, в силу чего многие из его положений вызывают возражения. Неверно, например, что «усиленный сложный лук возник у гуннов» (он известен в Сибири с эпохи неолита), как и то, что «в средние века у хакасов он не претерпел изменений»¹³² (археологические материалы свидетельствуют об обратном). Описывая наконечники стрел, автор последовательно приводит, почти не меняя текстуально, данные С. В. Киселева и Л. Р. Кызласова, отличающиеся в датировке различных форм наконечников. Очень странно выглядит предлагаемая «эволюция» форм кинжалов, когда у одной из них описан лишь черешок, а у другой клинок¹³³. Характеризуя рубящее и защитное оружие, автор вдруг переходит к изложению сведений о вооружении тюрков, заключая свой экскурс утверждением, что «существенных различий между вооружением тюрков и вооружением хакасов не было»¹³⁴. Обилие неточностей при отсутствии самостоятельных суждений в статье объемом в три страницы не позволяет оценить ее положительно даже в качестве историографического обзора.

¹³⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, с. 82.

¹³¹ Архипов Н. Д. Военное дело у хакасов в VI—XII вв.— В кн.: Вопросы науки в трудах молодых ученых Якутии. Якутск, 1971, с. 64—67.

¹³² Там же, с. 64.

¹³³ Там же, с. 65.

¹³⁴ Там же, с. 66.

В изучении военного дела кыргызов в течение последних десятилетий достигнуты определенные успехи. Введены в научный оборот новые материалы археологических раскопок в Минусинской котловине, Туве, на сопредельных территориях, расширены территориальные границы кыргызских памятников, уточнены сведения письменных источников, получен новый материал по наскальным изображениям. В специальной литературе часто использовались данные по военной истории кыргызов, опубликовано немало предметов вооружения.

Как видно из предлагаемого обзора литературы, несмотря на наличие устойчивого интереса к военному искусству кыргызов, подавляющее большинство работ посвящено значительно более широкой историко-археологической тематике, а характеристика вооружения и военной истории кыргызов дана в очень сжатой форме; кроме того, зачастую повторяются одни и те же сведения письменных источников.

На основании изучения литературы, задачу данной работы можно сформулировать более конкретно: как систематизацию различных видов кыргызского оружия, типологическую классификацию внутри отдельных видов, сведение их в единый комплекс боевых средств и реконструкцию на его основе с привлечением сведений о военной организации военного искусства кыргызов. Полученные результаты могут быть верифицированы при сопоставлении с материалами по истории ведения войн кыргызами в рассматриваемую эпоху.

В какой мере это позволяют источники? В нашем распоряжении письменные источники — извлечения из китайских летописных хроник в переводах Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера, Г. П. Супруненко, А. Г. Малявкина; историко-географические сочинения средневековых арабских и персидских авторов в русском переводе, переводы памятников рунической письменности. Сведения о вооружении и по военной истории кыргызов в письменных источниках отличаются краткостью, неполнотой. Следующий важный вид источников — изображения кыргызских воинов: наскальные рисунки, бронзовые литые фигурки, фрески. Нами использованы изображения, опубликованные Д. А. Клеменцом, И. Р. Аспелином, А. Ле Коком, Я. Аппельгрэн-Кивало, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселевым, Л. Р. Кызласовым, В. В. Волковым, Д. Доржем, А. П. Окладниковым, а также те, что хранятся в Минусинском музее (табл. VIII—XI). Кыргызские воины изображены чаще всего верхом на лошадях, вооруженными луком и стрелами, колчаном, копьем со знаменем, мечом, топором, защищенными панцирем, накладными щитками, шлемом, щитом. Вещественный материал по кыргызскому вооружению представлен в нашем собрании коллекциями из музеев Сибири, Ленинграда, Москвы и раскопок, в которых принимал участие автор настоящей работы, архивными материалами Института археологии АН СССР,

Ленинградского отделения этого института и частично публикациями. Нами учтены и рассмотрены предметы «кыргызского вооружения из раскопок и случайных находок, хранящиеся в Кызыльском краеведческом музее имени Алдан Маадыр, Абаканском областном музее краеведения, Минусинском межрайонном краеведческом музее имени Н. М. Мартыянова, Красноярском краевом краеведческом музее, Музее Томского университета, Музее Новосибирского пединститута, Бийском краеведческом музее имени В. Бианки, Алтайском краевом краеведческом музее, Государственном историческом музее, Государственном Эрмитаже, в фондах Ленинградского отделения Института археологии и Иркутского университета.

Кроме того, автор имел возможность воспользоваться ценными советами и неопубликованными материалами раскопок В. Я. Бутанаева, А. Д. Грача, М. П. Грязнова, Г. В. Длужневской, Н. А. Липского, И. У. Самбу, которым он выражает искреннюю признательность. Благодарен автор за помощь в разработке избранной темы научному руководителю академику А. П. Окладникову, профессору А. П. Деревянко и коллективу археологов Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Оружие ближнего боя являлось важнейшим в системе вооружения, его применение более всего влияло на исход боя и во многом определяло уровень развития военного дела. Сведения о кыргызском оружии ближнего боя даны в главе I — «Наступательное оружие ближнего боя».

Ручное метательное оружие считается наиболее массовым, как в применении на поле боя, так и по количеству сохранившегося до настоящего времени вещественного материала. Оно играло важную роль на определенных этапах боя и было самым универсальным оружием. Сведения о кыргызском ручном метательном оружии объединены в главе II — «Наступательное оружие дистанционного боя».

Эволюция и совершенствование средств поражения были связаны с развитием средств защиты. Сведения по защитному вооружению изложены в главе III — «Защитное оружие».

Изучение комплекса боевых средств дает возможность примерно реконструировать внешний облик кыргызского воина, определить рода войск у кыргызов. Сопоставление сведений по структуре военной организации и комплексу вооружения позволяет реконструировать тактику ведения боя, охарактеризовать в основных чертах военное искусство кыргызов. Выявленные закономерности в эволюции военного дела кыргызов соответствуют определенным этапам истории войн кыргызов в VI—XII вв. Сведения о комплексе вооружения, структуре военной организации, военном искусстве и военной истории кыргызов содержатся в главе IV — «Военное искусство кыргызов».

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

Наступательное оружие ближнего боя — оружие, предназначенное для поражения противника при сближении, в ближнем и рукопашном бою. Оно включает оружие полифункционального назначения, соединяющее в своей форме универсальную функцию нанесения рубящих и колющих ударов (рубяще-колющее оружие: мечи, палаши, сабли), и оружие монофункционального назначения, сохраняющее в своей форме специализированную функцию нанесения рубящих (рубящее оружие: топор) и колющих ударов (колющее оружие: копье).

Мечи. Меч — рубяще-колющее оружие с прямой и двулезвийной рабочей частью — клинком. Основное назначение клинка — нанесение рубящего и колющего удара. Рукоять — несущая часть меча, предназначенная для фехтования клинком.

Лезвие — режущий острый край, сторона клинка. Острие — колющее окончание клинка. Полоса — тело клинка без острия и сторон. Ребро — сторона клинка, возвышающаяся по центру полосы. Дола — желобок, проходящий по центру клинка до острия. Грань — поверхность полосы, ограниченная сторонами.

Черен — стержень, цельнокованный с клинком, служащий основой рукояти. Обкладка — деревянная или костяная оправа, в которую вставляется черен. Заклепки — крепления с шляпкой, с помощью которых обкладка соединялась с черенком. Перекрестье — ограничитель, предохраняющий ладонь руки при фехтовании от повреждения. Навершие — ограничитель для прочности хвата рукояти ладонью фехтующего (табл. I, 1).

В археологической литературе мечи, палаши и сабли не всегда различаются. Поэтому нами учтены только те, упоминаемые в литературе «мечи», в отношении которых есть указание на прямизну и двулезвийность клинка. О наличии мечей у кыргызов в рассматриваемую эпоху есть отдельные упоминания.

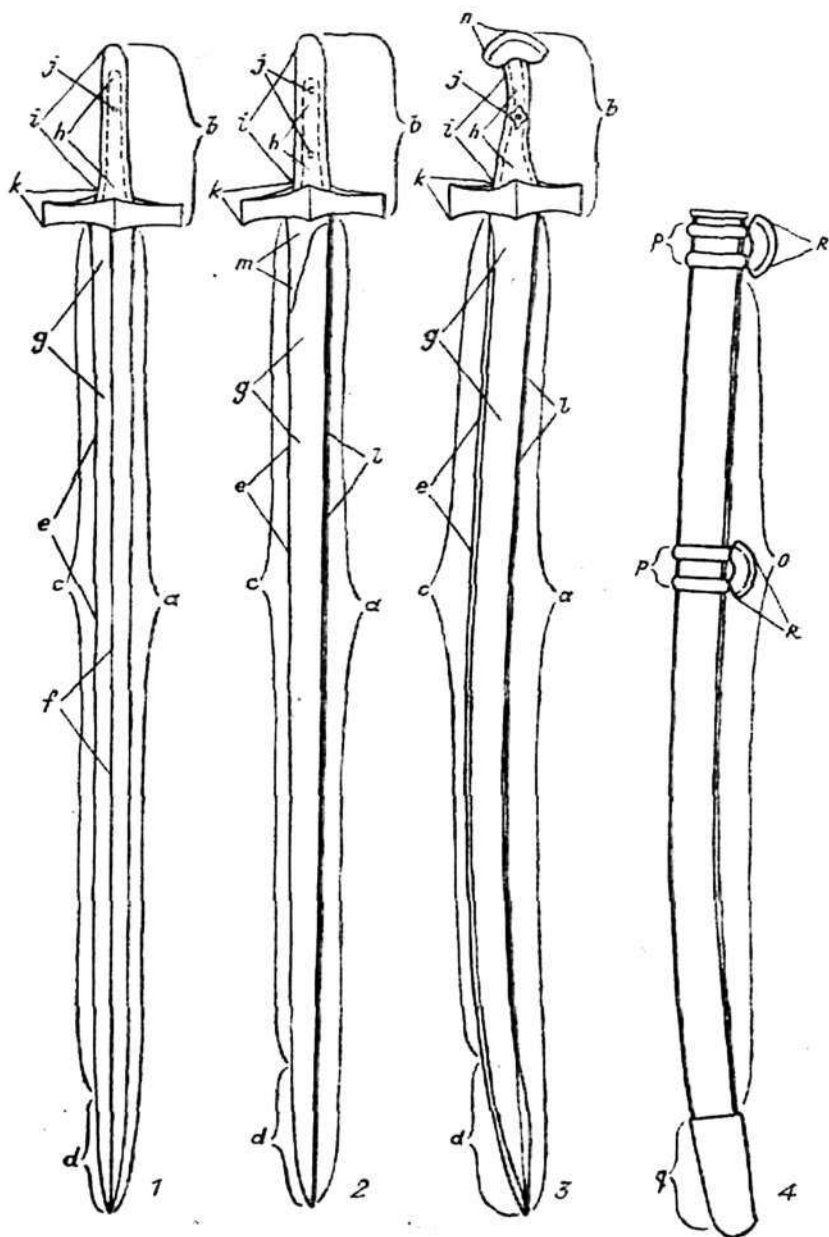

Табл. 1. Наступательное оружие ближнего боя.

1 — меч, 2 — палаш, 3 — сабля, 4 — ножны: а — клинок, б — рукоять, с — полоса, д — острие, е — лезвие, ф — ребро, г — грань, h — черен, i — обкладка рукояти, j — заклепки, k — перекрестье, l — спинка, m — оковка, n — навершие рукояти, o — обкладка ножен, p — обоймы, q — навершие ножен, r — петли.

нения в специальной литературе¹. Имеются свидетельства письменных источников² и изображения кыргызоких воинов. Некоторые детали на этих рисунках могут быть интерпретированы как изображения меча³. Ввиду фрагментарности таких сведений все больше внимания уделяется изучению вещественного материала.

Весь материал в нашем собрании подразделен на группы (по форме и сечению полосы) и типы (по форме рукояти и перекрестья).

Группа I. *Ромбические*. Характерная особенность мечей данной группы — ромбическая в сечении полоса с параллельными гранями, завершающаяся остроугольным или округлым острием.

Тип 1. *С крестообразным перекрестьем*. В нашем собрании экземпляры 1, 2. Найдены они случайно, в Минусинской котловине. Длина клинка 95, высота рукояти 12—13 см. Полоса узкая, с параллельными гранями, полого сужающимися к остроугольному острию. Черен рукояти одного из экземпляров снабжен в верхней части отверстием для крепления обкладки. Перекрестье напускное, ромбическое в плане, концы на 3—4 см выступают за ширину полосы. По центру и к концам перекрестье несет ромбовидные расширения (табл. II, 1, 2).

Тип 2. *Без перекрестья*. В нашем собрании экземпляр 3. Найден на северной периферии Минусинской котловины, в районе г. Красноярска. Длина клинка 47, высота рукояти 8 см. Полоса широкая, ромбическая в сечении, с пологим сужением граней от рукояти к острию. Конец острия обломан. Черен рукояти прямой, цельнокованный с клинком. Перекрестье, вероятно, было съемным и утрачено (табл. II, 3).

Группа II. *Линзовидные*. Характерная особенность мечей данной группы — уплощенная, линзовидная в сечении полоса, без четко выраженного ребра, завершающаяся остроугольным или округлым острием.

Тип 1. *С челночным перекрестьем*. В нашем собрании экземпляр 4. Найден в Минусинской котловине. Длина клинка 55, высота рукояти 11,5 см. Полоса широкая, уплощенная, с параллельными гранями, полого сужающаяся к округлому острию. Черен рукояти прямой, пластинчатый. Перекрестье напускное, бронзовое, овальное в плане. Концы перекрестья закруглены; сторона, обращенная к рукояти, имеет утолщение вокруг черена (табл. III, 1).

¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, М., 1949, № 9, с. 324.

² Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 59.

³ Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 195.

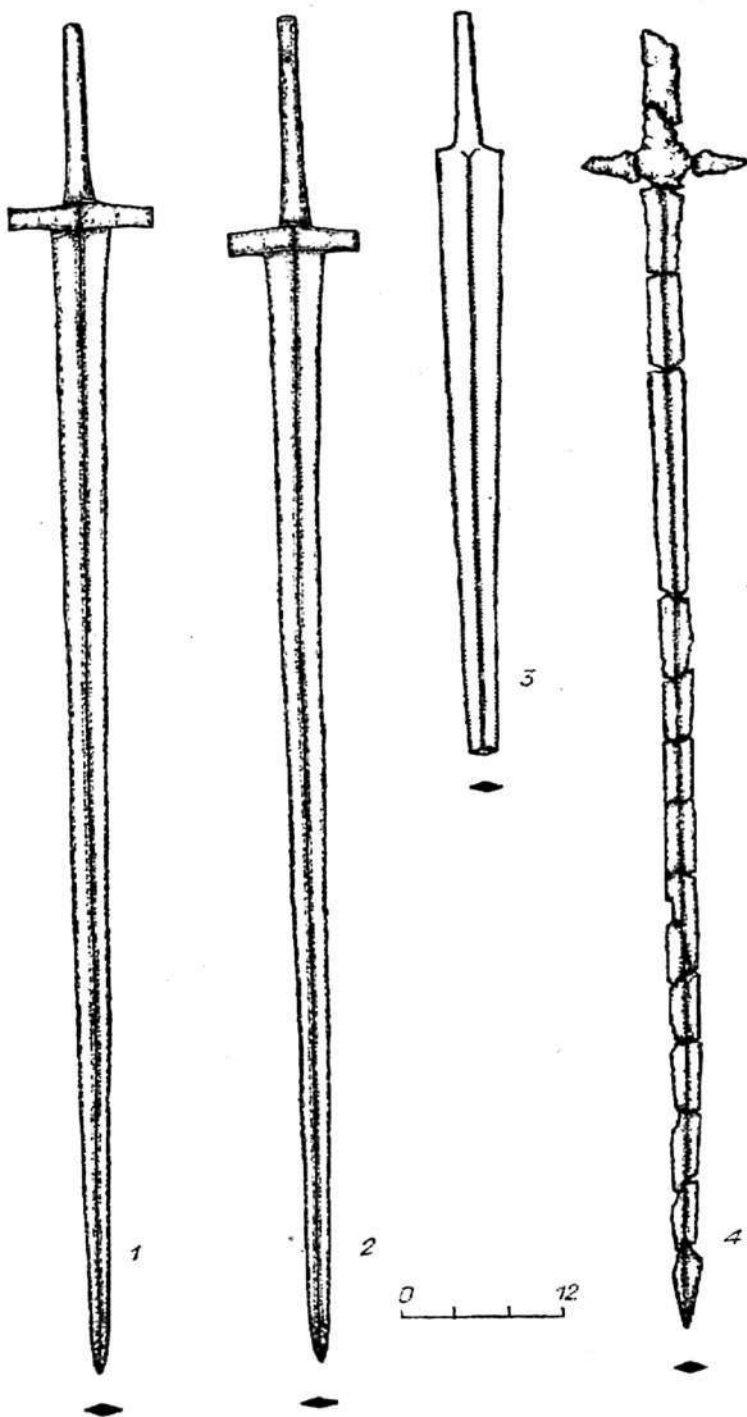

Табл. II. Мечи.
Группа I: 1, 2, 4 — тип 1; 3 — тип 2.

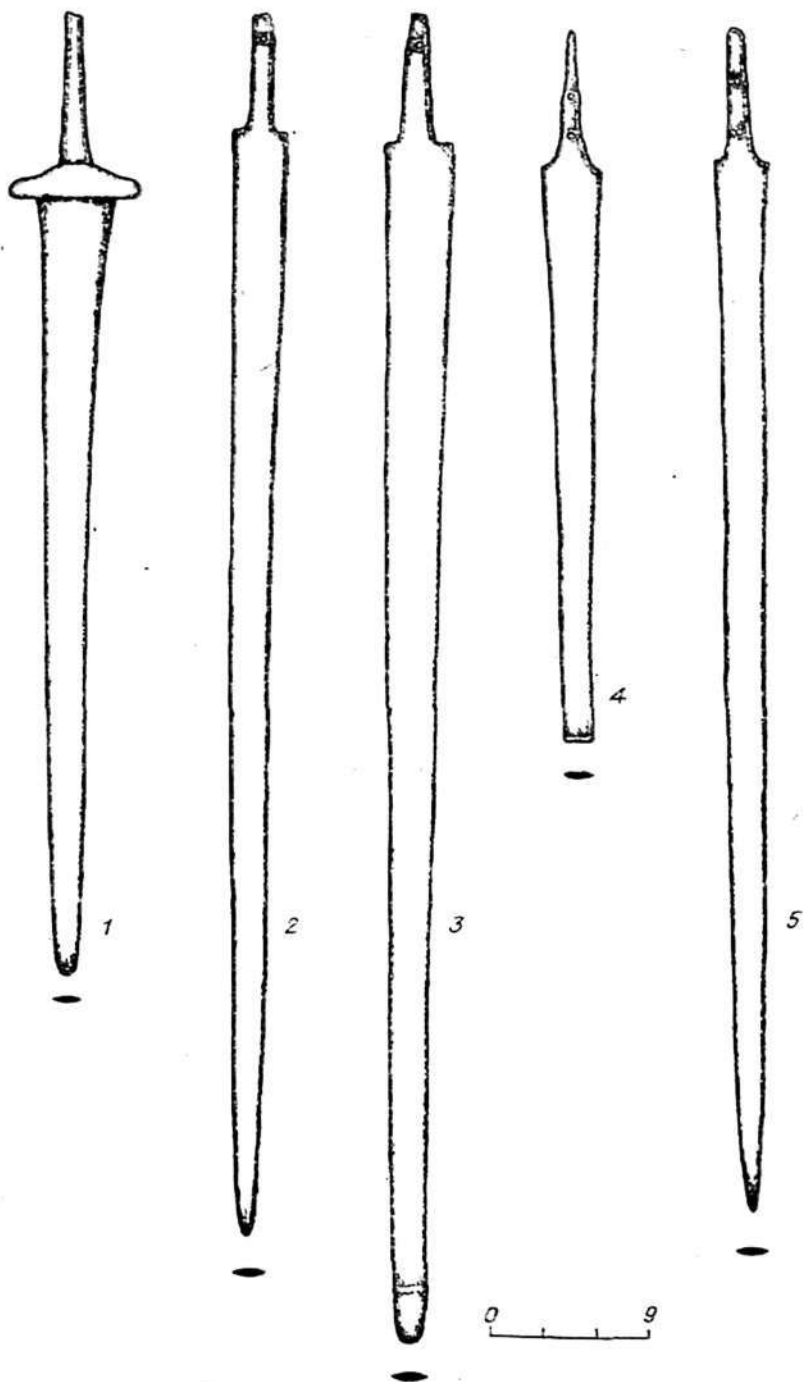

Табл. III. Мечи.
Группа II: 1 — тип 1; 2—5 — тип 2.

Тип 2. *Без перекрестья*. В нашем собрании экземпляры 5—8. Обнаружены были в Минусинской котловине и Восточном Казахстане, в Бобровском могильнике II. Длина клинков от 60 до 75, высота рукоятки от 7 до 9 см. Полоса широкая, уплощенная, с параллельными гранями, полого сужающаяся к остроугольному или округлому острию. Острие экземпляра 7 обломано, экземпляра 6 деформировано, загнуто и затем, видимо, было распрямлено. Черен рукоятки экземпляров 5 и 6 имеет по одному, а экземпляра 7 — два отверстия для крепления обкладки. В отверстиях черена рукоятки экземпляра 7 сохранились заклепки — бронзовые бляшки со шпеньками сердцевидной и прямоугольной формы с поперечными бороздками⁴. Черен рукоятки экземпляра 8 образует кольцевое навершие с отверстием 1,5 см в диаметре, расположенное перпендикулярно полосе. Перекрестье было съемным и утрачено (табл. III, 2—4).

О бытовании мечей в Минусинской котловине в генетически предшествующую кыргызской таштыкскую эпоху можно судить по находкам съемных костяных перекрестий и деревянных моделей⁵. Очевидно, мечи таштыкского времени имели короткий, ромбический в сечении клинок, восходящий к акинакам скифо-тагарской эпохи, первой ступени в эволюционном ряду рубяще-колющего оружия. Двулезвийность клинка и наличие костяного перекрестья позволяют предположить, что подобные мечи служили преимущественно колющим оружием, поскольку его конструкция ограничивала диапазон фехтовальных приемов. По типологическим признакам к таштыкским мечам может быть отнесен экземпляр, найденный в Минусинской котловине близ с. Подсинее. Он имеет прямой короткий, ромбический в сечении клинок и цельнокованное с полосой треугольное перекрестье, концы которого лишь на 1,5 см возвышаются над лезвием. Если учесть толщину обкладки рукоятки, то вероятнее всего, это не перекрестье, а упор для пластинчатого перекрестья типа таштыкских костяных эфесов. Несомненно, меч с подобной длиной клинка и конструкцией перекрестья был колющим оружием.

С развитием защитного доспеха в таштыкскую эпоху⁶ использование подобных мечей в условиях конного боя становилось малоэффективным. Этим обусловлены увеличение длины меча, изменение диапазона фехтовальных приемов. Наряду с удлинением происходит уплощение полосы, сужение

⁴ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 103.

⁵ Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 139.

⁶ Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры. — АС, Л., 1971, вып. 13, рис. 1.

клинка для сохранения приемлемых весовых пропорций без ущерба для фехтования. Процесс видоизменения этого оружия был длительным. Так, в Сибири двулезвийные мечи в единичных экземплярах встречаются в памятниках, датированных почти концом I тыс. н. э.⁷, т. е. они сосуществовали с однолезвийными палашами. Судя по находкам из Бобровского могильника, верхней границей бытования мечей у кыргызов надо принять IX в. В Туве, на переднем крае борьбы с уйгурами, находки мечей неизвестны, а отдельные экземпляры происходят с периферии Кыргызского каганата — Западной Сибири, Алтая, Восточного Казахстана. Таким образом, время бытования мечей у кыргызов ограничивается VI—IX вв.

В это время также распространяется обряд ритуальной деформации рубяще-колющего оружия перед укладыванием его в могилу в качестве сопроводительного инвентаря, восходящий к таштыкской эпохе. Клинки мечей еще не сгибались пополам, как это делалось позднее, что, вероятно, при массивности полосы было трудоемко, а загибалось или обламывалось острие клинка. Это свидетельствует о том, что двулезвийный меч все еще оставался преимущественно колющим оружием, для повреждения которого достаточно было надломить острие.

Обоюдоострые мечи встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках на сопредельных территориях: Алтае, Западной Сибири, Казахстане⁸.

Палаш. Палаш — рубяще-колющее оружие с прямой однолезвийной рабочей частью — клинком. Все элементы палаша имеют те же характеристики, что и у меча. Необходимо отметить особые элементы палаша: спинка — грань клинка, противоположная лезвию; оковка — металлическая пластинка, спускающаяся язычком по лезвию от перекрестья и служащая для предохранения от повреждения деревянной основы ножен (табл. I, 2).

Иногда это оружие именуется «мечом», но чаще авторы указывают на его особенности: «однолезвийный палаш», «однолезвийный меч типа палаша», «однолезвийный меч». На наш взгляд, предпочтительнее называть такое оружие палашом, поскольку в этом определении содержится представление об однолезвийности клинка и отсутствии изгиба полосы.

⁷ Музей НГПИ, 161/21; табл. V, 4; Музей ТГУ, 5959/15; табл. VI, 5.

⁸ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, рис. 4. Могильников В. А. Елькаевская коллекция Томского университета.—СА, 1968, № 1, с. 265; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. 1, 67.

О наличии в вооружении кыргызов в рассматриваемый период прямых однолезвийных палашей писали С. В. Киселев, А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева, Л. Р. Кызласов⁹.

Все экземпляры палашей в нашем собрании подразделяются на группы (по форме и сечению полосы) и на типы (по форме рукояти и перекрестья).

Группа I. Плоские однолезвийные. Характерная особенность данной группы палашей — плоская однолезвийная полоса с лезвием, параллельным спинке, полого сужающимся к округлому или остроугольному острию.

Тип 1. *С крестообразным перекрестьем*. В нашем собрании экземпляр 1. Найден в Минусинской котловине, в погребении в гроте на р. Есь. Длина клинка 80, высота рукояти 12 см. Полоса узкая, лезвие полого сужается к округлому острию. Клинок при подходе к перекрестью снабжен оковкой, спускающейся язычком по лезвию на 4,5 см. Оковка, вероятно, служила для предохранения от повреждения деревянной основы ножен. Черен рукояти прямой, пластинчатый. Сохранилась большая часть округлой в сечении деревянной обкладки рукояти, скрепленной с череном двумя заклепками. Отношение высоты рукояти к высоте черена 3:2. Навершием служит округлая пятка рукояти с небольшим выступом в сторону лезвия. Навершие снабжено заклепкой с железным кольцом, куда, вероятно, продевалась ременная петля, с помощью которой на руке фехтующего закреплялось оружие. Это было особенно необходимо в случае сильного удара. Перекрестье — напускное, ромбическое в плане, имеющее ромбические расширения в центре и на концах, возвышающиеся бортиком над основой перекрестья (табл. IV, 1).

Тип 2. *С пластинчатым перекрестьем*. В нашем собрании экземпляры 2, 3. Найдены случайно в Минусинской котловине. Длина клинка от 70 до 82, высота рукояти от 8 до 12 см. Прямая полоса с лезвием, параллельным спинке, остроугольным или округлым острием. Черен рукояти прямой, пластинчатый. Экземпляр 2 снабжен пластинчатым навершием овальной формы. Конец черена экземпляра 3 имеет заклепку со свободно вращающимся кольцом, в которое, возможно, продевалась ременная петля. Перекрестье прямое, пластинчатое, овальной или прямоугольной формы. Перекрестье этого экземпляра снабжено в правом нижнем углу двумя отверстиями, через которые, вероятно, могло крепиться к перекрестью какое-либо украшение или амулет (табл. IV, 2, 3).

⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 577; Грач А. Д., Нечаева Л. Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1960, вып. 8, с. 189; Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы.— ВМУ, 1964, сер. 9, с. 83.

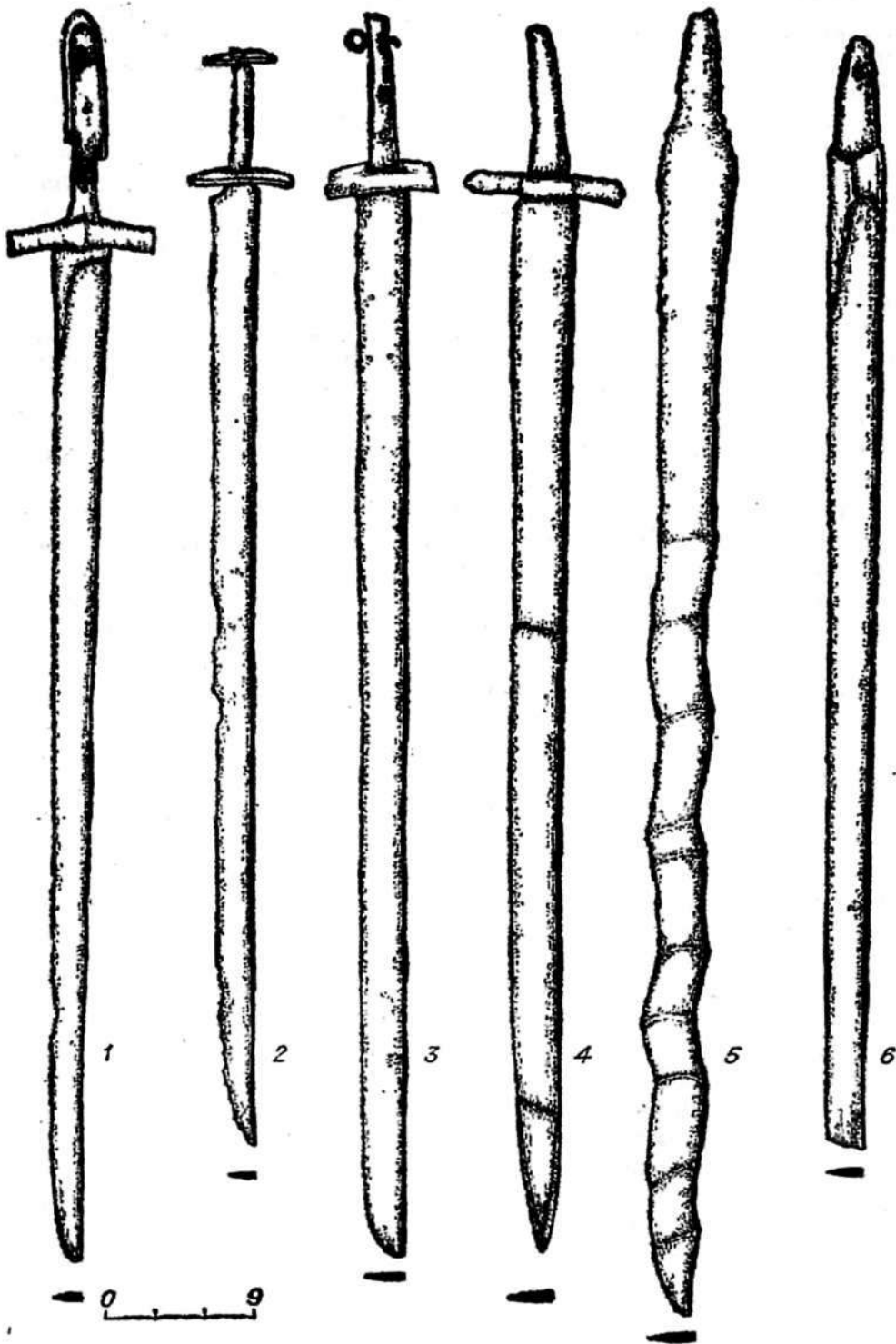

Табл. IV. Палаши.

Группа I: 1 — тип 1; 2, 3 — тип 2; 5 — тип 3; группа II: 4 — тип 1; 6 — тип. 4.

Тип 3. *Без перекрестья*. В нашем собрании экземпляры 5, 6. Происходят из Минусинской котловины, случайные находки. Длина клинка 80, высота рукояти 9 см. Прямая полоса с лезвием, параллельным спинке, завершающаяся остроугольным острием. Полоса экземпляра 5 деформирована, согнута в четырех местах от острия до середины клинка «гармошкой», вероятно, в целях обрядовой порчи оружия перед укладыванием в качестве сопроводительного инвентаря в погребение. Очевидно, уже после обнаружения полоса была относительно распрямлена. Черен рукояти прямой. У экземпляра 6 имеется отверстие для крепления обкладки рукояти. Перекрестье отсутствует. Возможно, оно было съемным, либо утрачено вследствие изготовления из недолговечных материалов (табл. IV, 5).

Группа II. Плоские с обоюдоострым острием. Характерная особенность данной группы палашей — наличие обоюдоострого острия клинка.

Тип 1. *С крестообразным перекрестьем*. В нашем собрании экземпляры 7, 8. Найдены в Туве в могильнике Тора-Тал-Арты (к.¹⁰ СХ-59-4) и на Алтае в могильнике Яконур (к.1). Длина клинка от 70 до 75, высота рукояти от 9 до 9,5 см. Прямая широкая полоса с лезвием, параллельным спинке, завершающаяся остроугольным острием. Острие клинка расковано на два лезвия, конец острия экземпляра 8 обломан. Черен рукояти прямой, у экземпляра 8 имеется заклепка для крепления обкладки рукояти. От перекрестья по лезвию у этого экземпляра прослеживается железная оковка в виде язычка размером 4,5 см. Перекрестье экземпляра 7 сохранилось не полностью. Оно напускное, узкое, ромбическое в плане, с ромбическими расширениями на концах. Перекрестье экземпляра 8 широкое, ромбическое в плане, с расширением в центре и широко раскованными концами в виде двойного боевого топора¹¹ (табл. IV, 4; V, 1).

Тип 2. *С ладьевидным перекрестьем*. В нашем собрании экземпляры 9—11. Найдены в Минусинской котловине, Черная (к. 12) и в Туве в могильнике Тора-Тал-Арты (к. СХ-59-4). Длина клинка от 66 до 100, высота рукояти 8 см. Полоса прямая с лезвием, параллельным спинке, сужающаяся к обоюдоострому острию. Острие клинка расковано на два лезвия. Полоса деформирована в целях обрядовой порчи оружия, согнута 2—3 раза. Под перекрестьем по лезвию спускается на 6—8 см бронзовая оковка. Черен рукояти экземпляров 9, 11 снабжен округлыми отверстиями с заклепками для крепления обкладки рукояти. Перекрестье напускное, ромбическое в пла-

¹⁰ В дальнейшем к. — курганы.

¹¹ Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. — Тр. ТКАЭЭ, М.—Л., 1966, т. 2, с. 112.

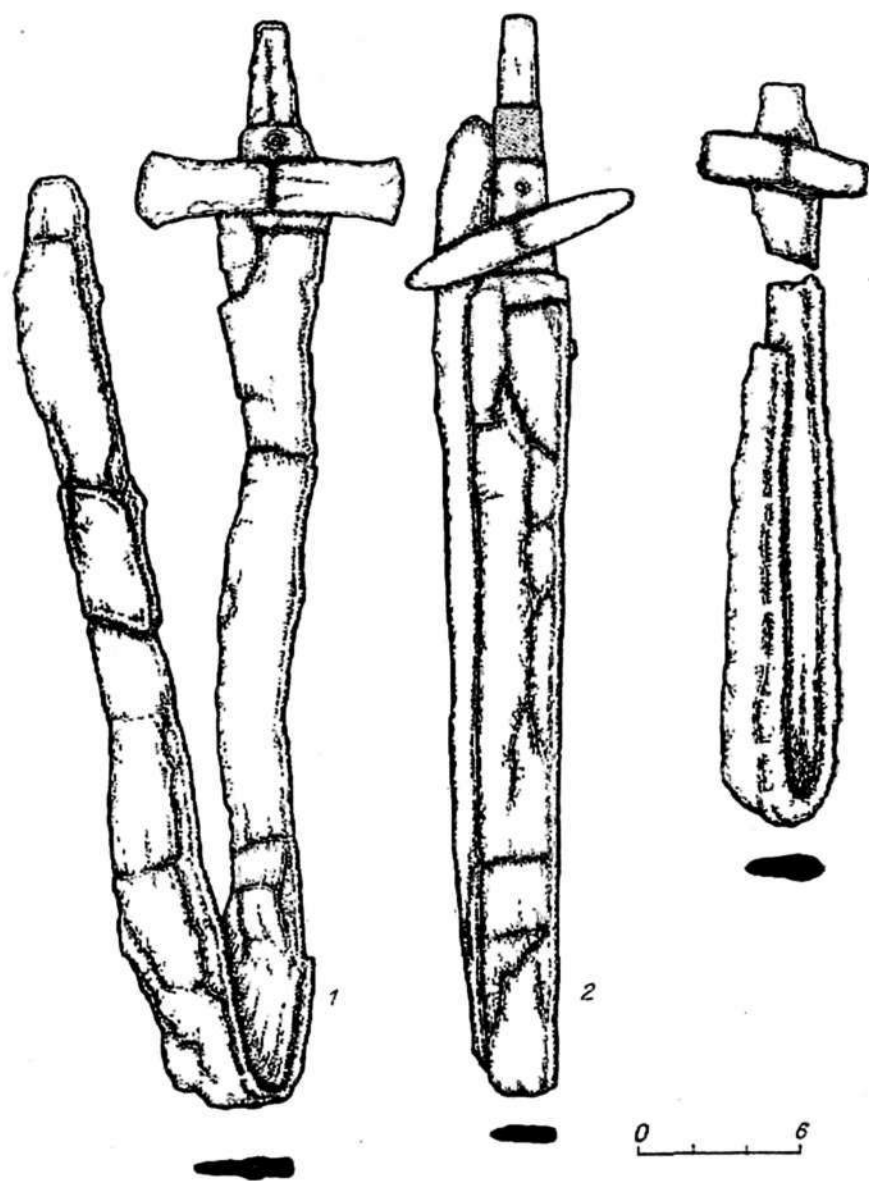

Табл. V. Палаш.
Группа II: 1 — тип 1; 2, 3 — тип 2.

не, сужающееся к концам. Перекрестье экземпляра 11 имеет на стороне, обращенной к рукояти, неглубокий паз для крепления обкладки вокруг основания черена (табл. V, 2, 3; VI, 1).

Тип 3. *С фигурной гардой.* В нашем собрании экземпляр 12. Найден в Туве в могильнике Демир-Суг (к. 1). Длина клинка 75, высота рукояти 9,5 см. Полоса плоская с ромбическим утолщением, образующим ребро по оси клинка, с лезвием, параллельным спинке и полого сужающимся к округлому

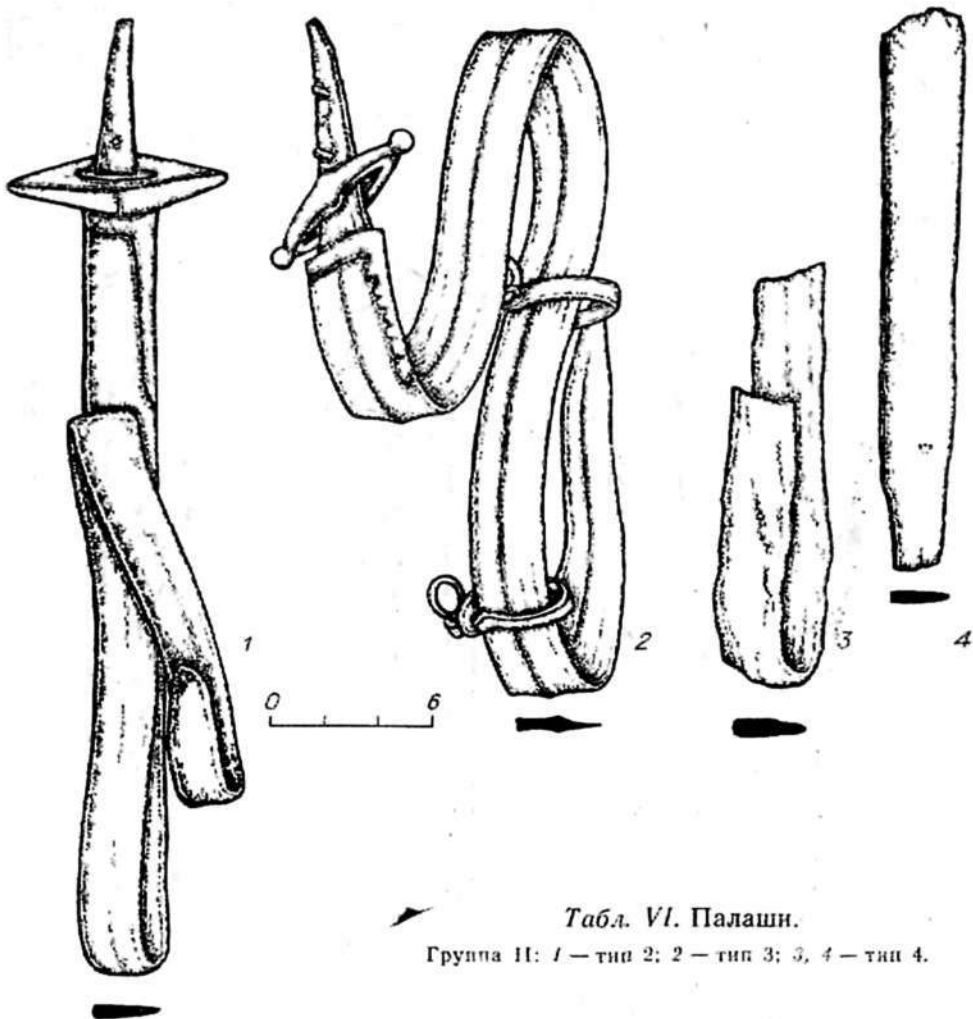

Табл. VI. Палаши.

Группа II: 1 — тип 2; 2 — тип 3; 3, 4 — тип 4.

острию. Острие клинка расковано на два лезвия. Клинок деформирован, трижды согнут в целях обрядовой порчи оружия. Под перекрестьем полоса снабжена оковкой с фигурными вырезами и спускается язычком по лезвию на 5,5 см. В черене рукояти проделано два отверстия с заклепками в виде фигурной шляпки для крепления обкладки. Перекрестье овальное в плане, с ромбическим расширением по центру и шаровидными концами. На полосе сохранились две обоймы ножен в виде пластинчатых колец, соединенных со стороны спинки заклепками со свободно вращающимися кольцами, в которые продевался ремень портупен (табл. VI, 2).

Тип 4. *Без перекрестья*. В нашем собрании экземпляры 4, 13, 14. Найдены в Туве в могильнике Тора-Тал-Арты (к. 17) и случайно в Минусинской котловине. Все экземпляры сохранились не полностью. Длина клинка наиболее сохранившегося экземпляра 4 — 68, высота рукояти 7,5 см. Полоса прямая

широкая, с лезвием, параллельным спинке, сужающимся к обоюдоострому острию. Конец острия у всех экземпляров обломан. У экземпляров 13 и 14 обломана и верхняя часть полосы с рукоятью, так что отнесение их к этому типу в значительной мере условно. У экземпляра 13 полоса согнута вдвое в целях обрядовой порчи оружия. У экземпляра 4 на полосе в месте крепления перекрестья имеется оковка, спускающаяся язычком по лезвию на 9 см. В верхней части черена рукояти проделано округлое отверстие для крепления обкладки. Отсутствие перекрестья объясняется тем, что оно могло быть съемным или утрачено вследствие изготовления из недолговечных материалов (табл. IV, 6; VI, 3, 4).

С IX в. у кыргызов преобладает в качестве рубяще-колющего оружия палаш. Не исключено появление палаша на Среднем Енисее и в более раннее время, поскольку его находки известны на сопредельных территориях, но в кыргызских памятниках ранее IX в. он не встречается.

Для кыргызских палашей IX—X вв. при некоторых типологических различиях характерна плоская прямая полоса. Наличие обоюдоострого острия у клинка свидетельствует, что в диапазоне фехтовальных приемов наряду с рубящими сохранили свое значение и колющие удары.

Палаши продолжают бытовать у кыргызов наряду с саблями и в XI—XII вв., претерпевая лишь некоторые конструктивные изменения. Так, ладьевидное перекрестье палаша из Черной имеет паз для закрепления обкладки рукояти, а ребро у клинка палаша из Демир-Суг, возможно, появилось в результате уплощения дол по граням. Клинок имеет фигурное перекрестье, напоминающее фигурные гарды экземпляров рубяще-колющего оружия неместного происхождения. Палаши встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках с сопредельных территорий: Алтая, Западной Сибири, Казахстана¹².

Сабли. Сабля — рубяще-колющее оружие с прямой или изогнутой рабочей частью — клинком (табл. I, 3).

Все элементы этого вида холодного оружия имеют те же характеристики, что у меча и палаша. Хотелось бы отметить такую особенность. Рукоять, главным образом у более древних сабель, часто слегка отогнута к лезвию с тем, чтобы в момент удара сабельная полоса не образовывала тупого угла к

¹² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 312; Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, М. — Л., 1956, № 48, с. 146; Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, рис. 5, 1, 2; Могильников В. А. Елыкаевская коллекция..., с. 265; Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, табл. 1, 1.

оси протянутой руки, а лежала бы в одной с ней горизонтальной плоскости¹³.

Благодаря изгибу полосы к наклону рукояти в сторону лезвия, сабля обладает рубяще-режущим действием. Удар имеет круговой характер, он получается скользящим и захватывает большую поверхность тела¹⁴.

Упоминания о бытовании сабель у кыргызов имеются в работах В. П. Левашовой, Л. А. Евтюховой, Л. П. Потапова, В. Г. Карцова, Р. В. Николаева, Д. Г. Савинова¹⁵.

Все экземпляры кыргызских сабель в нашем собрании подразделяются на группы (по форме полосы) и типы (по форме рукояти и перекрестья).

Группа I. Прямые. Характерная особенность сабель данной группы — наличие прямой полосы и изгиба рукояти в сторону лезвия.

Тип 1. *С крестообразным перекрестьем*. В нашем собрании экземпляр 2. Найден случайно в Минусинской котловине. Длина клинка 80, высота рукояти 8 см. Полоса, прямая узкая, с лезвием, параллельным спинке, завершается остроугольным острием. Острие клинка расковано на два лезвия. Под перекрестьем по лезвию спускается язычком на 2 см неширокая оковка. Черен рукояти изогнут в сторону лезвия и имеет два отверстия для крепления обкладки рукояти. Перекрестье напускное, ромбическое в плане, с ромбическим расширением в центре и к концам (табл. VII, 1).

Тип 2. *С пластинчатым перекрестьем*. В нашем собрании экземпляр 6. Найден в Минусинской котловине близ с. Аскиз. Длина клинка 64,5, высота рукояти 7 см. Прямая узкая полоса. Лезвие параллельно спинке, полого сужается к остроугольному острию. Острие клинка расковано на два лезвия. Перекрестье напускное, пластинчатое, с небольшим расширением по центру в сторону острия. Черен рукояти изогнут в сторону лезвия (табл. VII, 2).

Тип 3. *С шипастым перекрестьем*. В нашем собрании экземпляр 1. Найден случайно в Минусинской котловине. Длина клинка 84, высота рукояти 9 см. Прямая узкая полоса с лезвием, параллельным спинке, завершается остроугольным ост-

¹³ Ленц Э. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения. Спб., 1908, ч. 1, с. 442.

¹⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.—Л., 1966, вып. 1, с. 62.

¹⁵ Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, с. 54; Евтюхова Л. А. Археологические памятники... с. 106; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 98; Карцов В. Г. О чем говорят курганы Енисея. Абакан, 1961, с. 75; Николаев Р. В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск.—СА, 1972, № 2, с. 200; Савинов Д. Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.). Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 12.

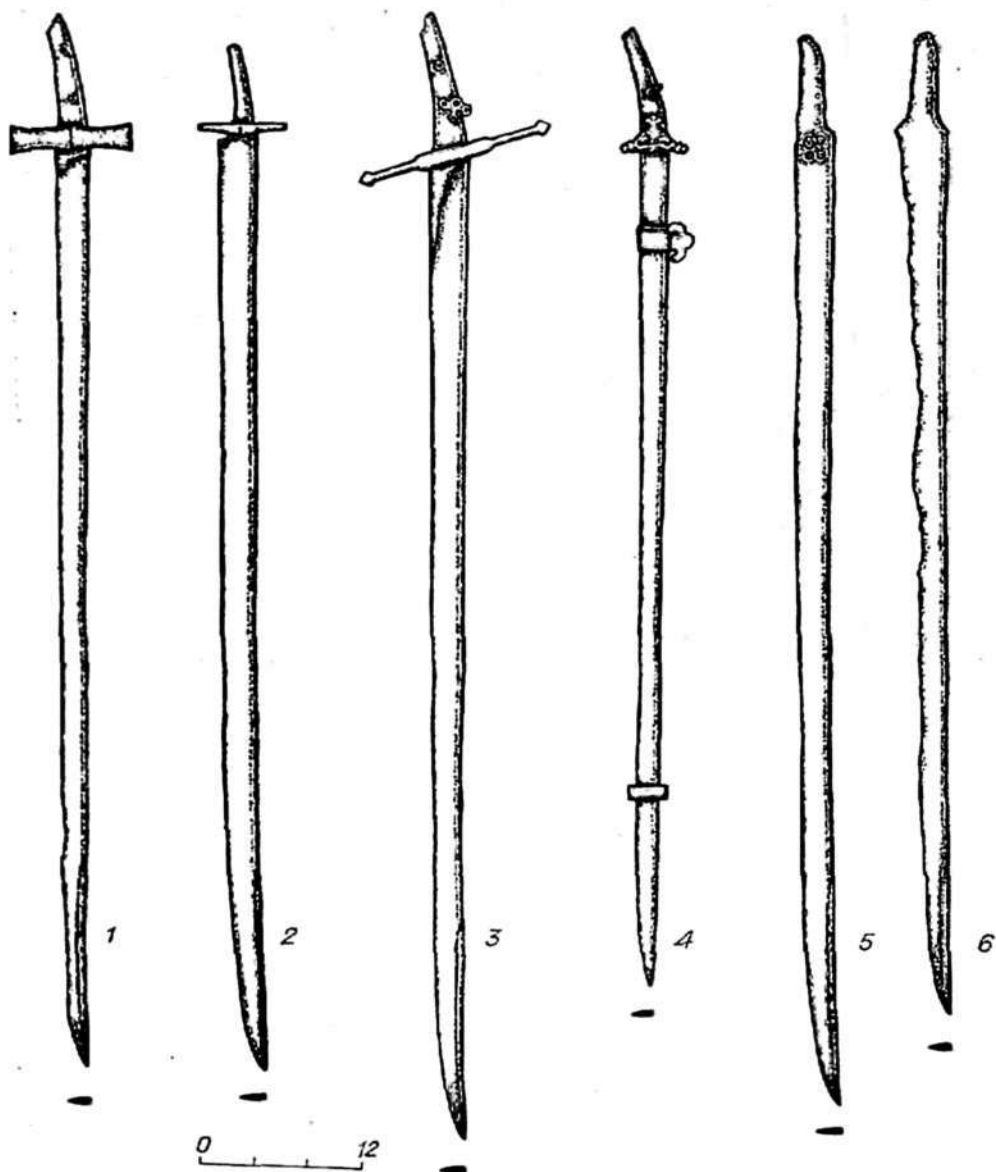

Табл. VII. Сабли.

Группа I: 1 — тип 1; 2 — тип 2; 3 — тип 3; 4 — тип 4; 5, 6 — тип 5.

рием. Острие клинка расковано на два лезвия. Под перекрестьем по лезвию спускается язычком на 5 см оковка. Черен рукояти изогнут в сторону лезвия, снабжен двумя заклепками для крепления обкладки рукояти. Одна из них имеет шляпку в виде крестообразной розетки с тремя сохранившимися концами из четырех. Перекрестье напускное, брусковидное, с отходящими по обе стороны прямоугольными шипами, завершающимися кубовидными концами (табл. VII, 3).

Тип 4. *С фигурной гардой*. В нашем собрании экземпляр 3. Найден в Туве в могильнике Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III) (к. 2). Длина клинка 90, высота рукояти 9 см. Прямая узкая полоса с лезвием, параллельным спинке, полого сужается к остроугольному острию. Острие клинка расковано на два лезвия. По обе стороны клинка вдоль спинки отчеканено по одной арабской куфической надписи. Гарда с опущенными в сторону острия шаровидными концами, с язычком в сторону рукояти богато украшена растительным орнаментом. На черенке рукояти, изогнутом в сторону лезвия, проделано отверстие для крепления обкладки; шляпка заклепки на нем имеет вид крестообразной розетки с четырьмя концами. На полосе сохранились две обоймы от ножен, одна из которых, верхняя, с пластинчатой петлей для продевания ремня портупен (табл. VII, 4).

Тип 5. *Без перекрестья*. В нашем собрании экземпляры 4, 5. Найдены случайно в Минусинской котловине. Длина клинка от 80 до 95, высота рукояти от 6 до 6,5 см. Прямая узкая полоса с лезвием, параллельным спинке, завершается остроугольным острием. Острие клинка расковано на два лезвия. Экземпляр 4 в месте крепления перекрестья имеет четыре заклепки, предназначавшиеся, вероятно, для крепления оковки лезвия. Черен рукояти изогнут в сторону лезвия. Перекрестье отсутствует. Возможно, оно утрачено вследствие того, что было съемным или изготовлялось из недолговечных материалов. Не исключено также, что рукояти сабель не имели перекрестий, как это наблюдается на некоторых каменных изваяниях¹⁶ (табл. VII, 5, 6).

Группа II. *Слабоизогнутые*. Характерной особенностью этой группы сабель является изгиб полосы в сторону спинки ближе к острию.

Тип 1. *С крестообразным перекрестьем*. В нашем собрании экземпляры 8, 9. Найдены в Восточном Казахстане в Зевакинском могильнике (к. 97) и случайно в Минусинской котловине. Длина клинка от 84 до 95, высота рукояти от 8 до 12 см. Полоса широкая, с лезвием, параллельным спинке. Изгиб полосы начинается в нижней трети клинка при подходе к острию. Острие клинков округлое или остроугольное, расковано на два лезвия. Экземпляр 8 снабжен оковкой, спускающейся от перекрестья язычком по лезвию на 8 см. Перекрестье напускное, ромбическое в плане, с расширением по центру и к концам. Перекрестье экземпляра 9 составлено из двух бронзовых пластин, украшенных ажурным растительным орнаментом¹⁷. Черен рукояти изогнут в сторону лезвия и имеет отвер-

¹⁶ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, М., 1952, № 24, с. 111.

¹⁷ Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, рис. 2.

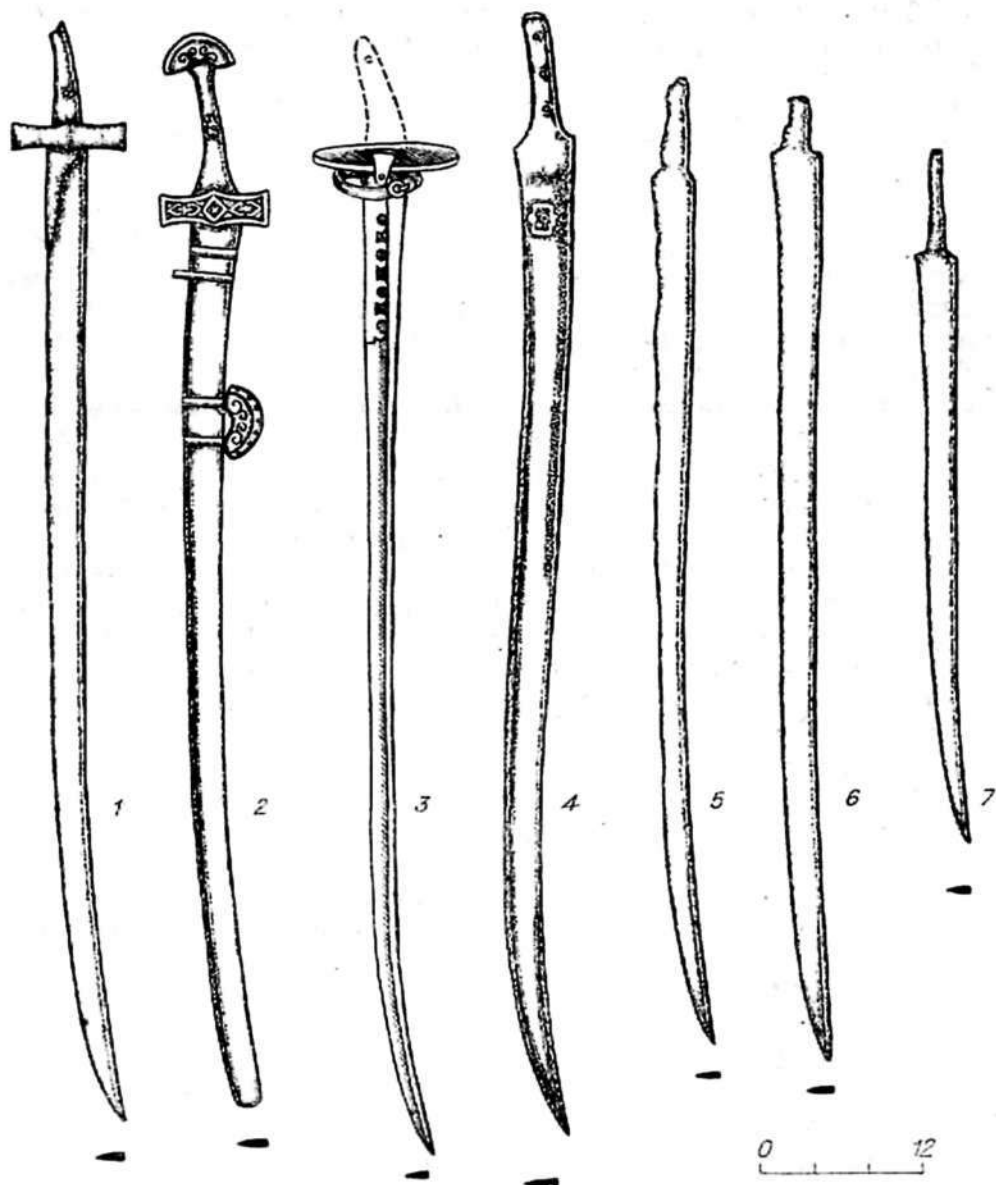

Табл. VIII. Сабли.

Группа II: 1; 2 — тип 1; 3 — тип 2; 4–7 — тип 3.

стие для крепления обкладки с заклепкой, бронзовая шляпка которой напоминает шестилепестковую розетку. Навершие у экземпляра 9 сделано из бронзы в виде полуовала и украшено ажурным орнаментом. На полосе этого экземпляра сохранилось две пары бронзовых обжим ножен. Причем нижняя соединена петлей в виде полуовала, повторяющей форму навершия и украшенной ажурным растительным орнаментом. Петля служила для продевания ремня португеи (табл. VIII, 1, 2).

Тип 2. *С пластинчатым перекрестьем.* В нашем собрании экземпляр 10. Найден в Минусинской котловине в могильнике близ железнодорожной станции Минусинск (к. 9). Длина клинка 69, высота 8 см. Узкая полоса, большая часть которой прямая, с лезвием, параллельным спинке. Плавный изгиб полосы в сторону спинки начинается при подходе к острию.

Острие остроугольное, расковано на два лезвия. Черен рукояти, выкованный из одной полосы с клинком, имеет форму сильно вытянутого треугольника с округлым отверстием у вершины для крепления обкладки. Перекрестье пластинчатое, имеет форму сильно вытянутого ромба с округлыми углами. От перекрестья по лезвию спускается декоративная железная оковка с фигурными вырезами. Сохранилась на полосе обойма ножен, эллипсовидная в плане. Ее концы скреплены железным стержнем со свободно вращающимся кольцом¹⁸. В кольцо продевался ремень португел (табл. VIII, 3).

Тип 3. *Без перекрестья.* В нашем собрании экземпляры 7, 11—13. Найдены случайно в Минусинской котловине. Длина клинков от 50 до 100, высота от 3,5 до 10 см. Плоская полоса с лезвием, параллельным спинке, и изгибом в нижней трети клинка при подходе к острию. Остроугольное острие клинка расковано на два лезвия. На полосе экземпляра 7 от места крепления перекрестья вдоль спинки отчеканена серебром арабская надпись. На черене рукояти, изогнутом в сторону лезвия, проделано три округлых отверстия для крепления обкладки рукояти.

Черен рукояти экземпляра 12 имеет с торца полукруглую выемку. Создается впечатление, что черен был обломан по линии отверстия для крепления обкладки. Перекрестье отсутствует. Возможно, оно утрачено вследствие того, что было съемным или изготавливалось из недолговечных материалов (табл. VIII, 4—7).

Вопрос о распространении сабли в Южной Сибири неоднократно рассматривался в литературе¹⁹. В частности, высказывалось предположение, что появление этого оружия связано с возникновением жесткого седла и стремян²⁰.

«Применение сабли требует устойчивости воина в седле и на стремянах и предоставляет ему большую маневренность в

¹⁸ Николаев Р. В. Средневековые курганы..., с. 200.

¹⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 293.

²⁰ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 112; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, с. 63; Савинов Д. Г. Культура населения..., с. 12; Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ, 1966, № 3, с. 78; Кызласов И. Л. О происхождении стремян.— СА, 1973, № 3, с. 27; Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4, с. 98.

движениях, позволяющую дальше и вернее достигать противника. Скорость боя может быть весьма высокой, при этом целенаправленность ударов и поражающие качества оружия только повышаются. Этим объясняется неизменная связь сабли и конника, у которого она является значительно более выгодным и действенным оружием, чем у пехотинца»²¹.

Сравнительная легкость сабельной полосы допускает более быстрые движения руки, нежели тяжелый меч, и, несмотря на разницу в весе, кривой клинок немногим уступает прямому в силе удара, если его изгиб рассчитан правильно и с соблюдением надлежащего распределения центров тяжести и удара²².

Однако возникновение и распространение жесткого седла со стременами не привело повсюду и автоматически к появлению сабли. Ее стали применять в условиях маневренной борьбы с участием больших масс конницы. Сабля была эффективным оружием ближнего боя легкой кавалерии у кочевых народов европейских степей.

С изобретением сабли и стремян легкая восточная кавалерия увеличила мощь своего удара и приобрела устойчивость в ближнем бою²³.

Видимо, процесс конструктивных изменений рубяще-колющего оружия был длительным и характеризовался сосуществованием различных видов. Первые находки сабель в кыргызских памятниках относятся к периоду не ранее X в.²⁴ Употребление прямых и изогнутых сабель наряду с палашами, а также наличие среди самых ранних находок кыргызских сабель и образцов неместного происхождения позволяют заключить, что появление сабли у кыргызов обусловлено влиянием военного искусства Центральной и Средней Азии. По-видимому, знакомство и освоение нового оружия — это прямой результат и победы в войне с уйгурами, и успешных походов далеко на юг, в Восточный Туркестан, и расширения сферы торговых связей. Синхронное бытование у кыргызов палашей, прямых и изогнутых сабель свидетельствует о начальном моменте освоения нового, более совершенного оружия. Способствовали этому и значительная социальная и имущественная дифференциация кыргызского общества, этническая неоднородность населения, за счет которого пополнялись воинские формирования Кыргызского қаганата. В условиях, когда редкие и дорогие неместные образцы были практически недоступны для основной массы кыргызских воинов и особенно кыштымов, по-прежнему применяли палаши.

²¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 1, с. 62.

²² Ленц Э. Указатель..., с. 42.

²³ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 113.

²⁴ Савинов Д. Г. Культура населения..., с. 12.

Таблица I

Сводная таблица рубящего оружия

Виды	Группы	Типы	Количество	Размер, см	Территория	Период, вв.
Мечи	I	1	2	95 · 12,5	Минуса	VI - IX
		2	1	47 · 8	Минуса	VI - IX
	II	1	1	55 · 11,5	Минуса	VI - IX
		2	4	70 · 8	Минуса Восточный Казахстан	VI - IX
Палашы	I	1	1	80 · 12	Минуса	IX - X
		2	2	75 · 10	Минуса	IX - X
		3	2	80 · 9	Минуса	IX - X
	II	1	2	70 · 9	Тува Алтай	IX - X
		2	3	85 · 8	Тува Минуса	IX - XII
		3	1	75 · 9,5	Тува	X - XII
		4	3	68 · 7,5	Тува Минуса	IX - X
Сабли	I	1	1	80 · 8	Минуса	X - XII
		2	1	65 · 7	Минуса	X - XII
		3	1	84 · 9	Минуса	X - XII
		4	1	90 · 9	Тува	X - XII
		5	2	90 · 6	Минуса	X - XII
	II	1	2	90 · 10	Минуса Восточный Казахстан	X - XII
		2	1	69 · 8	Минуса	X - XII
		3	4	75 · 7	Минуса	X - XII

Матрица встречаемости устойчивых признаков и групп рубящего оружия

1 	2		1	5
2 		1		
3 	1	4	2	9
4 			2	2
5 				3
6 				2
7 				1
УПТ / УПГ	I 	II 	III 	IV

Сабли встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках на сопредельных территориях: Алтае, Западной Сибири²⁵.

Весь рассмотренный выше материал объединен в сводную таблицу (табл. 1). В количественном отношении его недостаточно для проведения статистических операций. Тем не менее представляется возможным по матрице встречаемости устойчивых признаков типов (УПТ) и устойчивых признаков групп (УПГ) в соответствии с хронологически

²⁵ Грязнов М. П. История древних племен..., табл. X, 2; Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах.— Басандайка/Тр. ТГУ и ТГПИ, Томск, 1974, рис. 58.

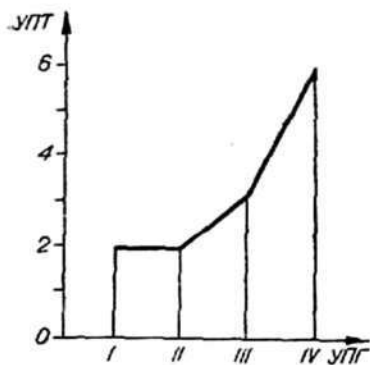

Рис. 1. График изменения количества типов рубящего оружия по группам.

документированным материалом вычленил и датировал типологически тождественные экземпляры из числа случайных находок. Сопоставление УПТ и УПГ по матрице позволяет типологически сблизить группу II палашей и группы I—II сабель (табл. 2). Выявленная характеристика исключительно важна для интерпретации и оценки типолого-эволюционного ряда в развитии рубяще-колющего оружия у кыргызов. Колебание количества типов по группам на графике (рис. 1) свидетельствует о росте типологического разнообразия от I к IV УПТ.

Существенную информацию дает преобразование этого графика в типолого-хронологическую матрицу (табл. 3). Весьма четко прослеживается тенденция возрастания количества типов по хронологическим периодам. Кривая, наглядно иллюстрирующая на предложенном графике (рис. 2) увеличение количества типов и среднетипового числа по периодам, при известной разнице амплитуд графически сопоставима с пиком колебаний типов по периодам у других видов оружия. Отмеченная тенденция может быть интерпретирована как усиление технологической разработки рубяще-колющего оружия, выразившейся в росте типологического разнообразия. В наибольшей степени эта тенденция проявилась во втором из рассматриваемых хронологическом периоде, когда, как уже отмечалось, происходило интенсивное технологическое освоение нового вида оружия — сабли.

Сравнительная редкость находок рубяще-колющего оружия по отношению к общему числу известных кыргызских памятников объясняется, вероятнее всего, его большой ценностью. Видимо, меч, палаш или саблю клали в могилу в тех случаях, когда хоронили состоятельных людей. Существует мнение, что дорогое рубяще-колющее оружие передавалось по наследству мужчине-воину и оставлялось в могиле, если покойный не имел мужского потомства.

Сравнительная редкость находок рубяще-колющего оружия по отношению к общему числу известных кыргызских памятников объясняется, вероятнее всего, его большой ценностью. Видимо, меч, палаш или саблю клали в могилу в тех случаях, когда хоронили состоятельных людей. Существует мнение, что дорогое рубяще-колющее оружие передавалось по наследству мужчине-воину и оставлялось в могиле, если покойный не имел мужского потомства.

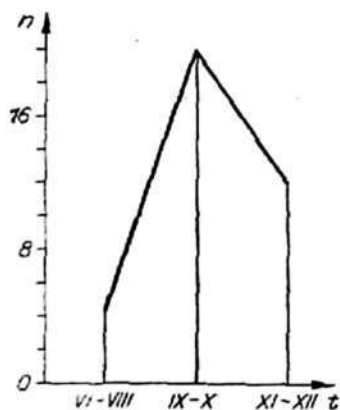

Рис. 2. График изменения количества типов рубящего оружия по хронологическим периодам.

n — количество типов; t — период, вв.

полоса. Последнее, несомненно, свидетельствует о возрастании рубящей функции оружия.

Приведенные соображения о большой ценности рубяще-колющего оружия позволяют отнести его к вооружению состоятельных лиц, феодализирующейся знати, профессиональных воинов-дружиинников, из которых формировалась тяжелая конница. Это подтверждается и набором предметов вооружения, положенных в качестве сопроводительного инвентаря в могилу вместе с рубяще-колющим оружием, и изображениями кыргызских воинов в тяжелом защитном облачении с клинком у пояса²⁶.

Сведения о рубяще-колющем оружии содержатся и в материалах о способах хранения и ношения енисейскими кыргызами мечей, палашей и сабель. Ввиду фрагментарности таких сведений целесообразно привести их суммарно по всем видам рубяще-колющего оружия, тем более что принципиальных различий в этом отношении нет.

Основным видом снаряжения, применяемого для хранения и ношения рубяще-колющего оружия, являются ножны. Обкладка ножен — рабочая их часть для приема клинка, изготовлявшаяся из дерева и обтягивающаяся кожей. Навершие ножен — металлическая деталь для крепления нижнего конца ножен. Обойма ножен — несущая их часть для крепления обкладки. Петля обоймы ножен — деталь для продевания ремня портупей (табл. I, 4).

О наличии у кыргызов ножен с деревянным каркасом, который скреплялся металлическими обоймами с петлями для ремня портупей, свидетельствуют отдельные находки. В большинстве случаев ножны имели по две обоймы с петлями, реже — по две пары соединенных обойм. Нижний конец каркаса ножен скреплялся металлическим навершием. Поверхность обкладки раскрашивалась, а обоймы и навершие богато инкрустировались. В петли продевался ремень портупей. Клинок носился на левом боку²⁷ в наклонном положении, чтобы удобнее было вынимать его ладонью правой руки и чтобы он не мешал при ходьбе. Для этого верхний ремень портупей делали короче нижнего. С целью предохранения деревянных ножен от повреждения лезвие у перекрестья снабжалось металлической оковкой, что в зачехленном положении соответствовало гнезду верхней обоймы ножен.

Копья. Копье — колющее древковое оружие ближнего боя. Наконечник — рабочая часть копья, служащая для нанесения колющего удара. Древко — несущая часть копья, предназначенная для направления удара. Перо — ударная проникающая

²⁶ Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886, табл. VIII, 21.

²⁷ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 195.

часть наконечника копья. Сторона — режущий острый край пера, обращенный к цели. Острие — колющее окончание пера. Плечико — сторона пера, обращенная к втулке. Ребро — сторона пера, возвышающаяся по его центру. Грань — поверхность пера, ограниченная сторонами. Насад — несущая часть наконечника, с помощью которой он крепится к древку. Шейка — верхняя суженная часть насада, служащая основанием пера. Втулка — нижняя расширенная часть насада, в полости которой закрепляется древко (табл. IX, 1).

О бытовании у кыргызов копий, на древке которых крепились боевые флажки, свидетельствуют письменные источники²⁸, изображения кыргызских воинов²⁹. В историко-археологической литературе рассматривались вопросы о распространении копий у кыр-

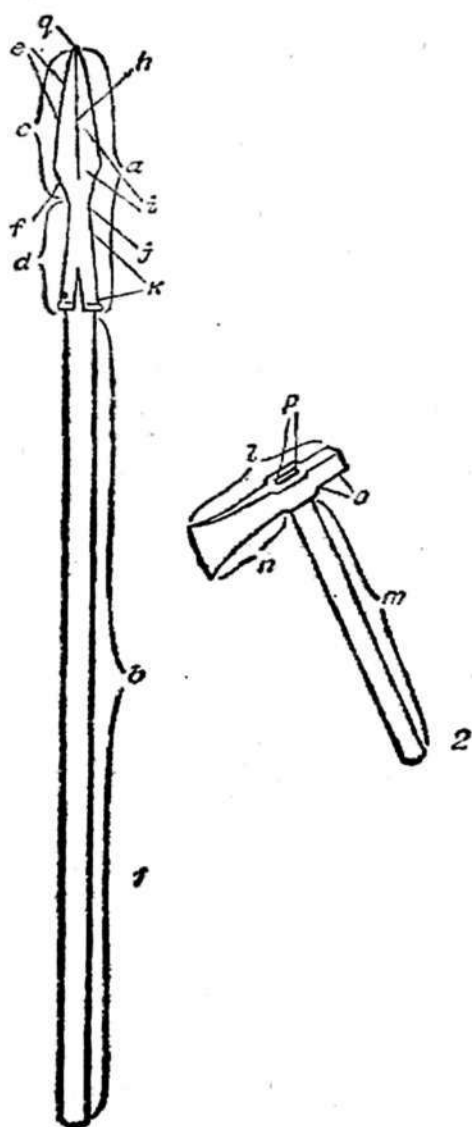

Табл. IX. Наступательное оружие ближнего боя.

1 — копье. 2 — боевой топор: а — наконечник копья, б — древко копья, с — перо, d — насад, e — сторона, f — плечико, g — острие, h — ребро, i — грань, j — тупля, k — втулка. l — топор, m — рукоять, n — лезвие, o — обух, p — проух.

гызоз и их роли в составе вооружения кыргызских конных воинов. Упоминания об этом имеются в работах В. В. Радлова, В. В. Бартольда, В. П. Левашовой, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева, Л. П. Потапова, В. Г. Карцова, Л. Г. Нечаевой, Я. И. Сунчугашева, Н. А. Мальцевой, Л. Р. Кызласова, Н. Д. Архипова³⁰. Относительно употребления копий кыр-

²⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, ч. 1, с. 352.

²⁹ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 193.

³⁰ Радлов В. В. Сибирские древности. Спб., 1896, с. 55; Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк.— Соч. М., 1969, т. 2, с. 495; Левашова В. П. Из далекого прошлого..., с. 52; Евтюхова Л. А. Археологические памятники...

гызам более определенно, нежели другие авторы, высказывается С. В. Киселев: «Копья, по-видимому, применялись в меньшем числе и находки их наконечников, имеющих вид массивной рогатины, сравнительно редки»³¹.

От кыргызских копий до настоящего времени сохранились лишь втульчатые железные наконечники. Все наконечники копий в нашем собрании подразделены на группы (по форме сечения) и на типы (по форме пера).

Группа I. Ромбические. Характерная особенность данной группы наконечников копий — ромбическое сечение пера.

Тип 1. Асимметрично-ромбические. В нашем собрании экземпляры 1—6, 13, 15. Найдены в Туве в могильнике Саглы-Бажи I. (к. 0-60-IX), в Западной Сибири в могильнике Каменный мыс (к. 9), в Восточном Казахстане в Зевакинском могильнике (к. 97), в Минусинской котловине (случайные находки). Общая длина от 14 до 31, длина пера от 6 до 16 см. По форме пера и соотношению длины пера и втулки можно выделить три варианта наконечников данного типа: а) наконечники с широким ромбическим пером, круто спускающимся к острию ударными гранями и покатыми плечиками, узкой высокой шейкой и длинной конусовидной втулкой, заканчивающейся широким раструбом; на втулке имеются отверстия для крепления к древку (табл. X, 1—3); б) наконечники с широким ромбическим пером, параллельными ударными гранями, полого спускающимися к округлому острию, покатыми плечиками, короткой шейкой и короткой втулкой, заканчивающейся широким раструбом с несомкнутым швом (табл. X, 5, 6); в) наконечники с узким ромбическим пером, удлиненными ударными гранями и небольшими покатыми плечиками. Шейка короткая, втулка широкая, иногда короче пера, заканчивается ободком по нижнему краю. На втулке имеется отверстие для крепления к древку (табл. XI, 1, 2).

Тип 2. Удлиненно-треугольные. В нашем собрании экземпляры 7, 14. Найдены в Восточном Казахстане в Бобровском могильнике и в Туве близ пос. Сушь Пий-Хомского района (случайная находка). Общая длина 20, длина пера 9,5 см. Длинное узкое перо с параллельными ударными гранями, завершающееся небольшими прямоугольными плечиками. Высокая узкая шейка постепенно расширяется в воронкообраз-

с. 106; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 325; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 98; Кариов В. Г. О чем говорят курганы Енисея. Абакан, 1961, с. 93; Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением..., с. 114; Сунчугашев Я. И. Краткие очерки из истории Хакасии. Абакан, 1968, с. 12; см. также: История Сибири. Л., 1968, т. 1, с. 299; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 103; Архипов Н. Д. Военное дело у хакасов в VI—XII вв.— В кн.: Вопросы науки в трудах молодых ученых Якутии. Якутск, 1971, с. 66.

³¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 324.

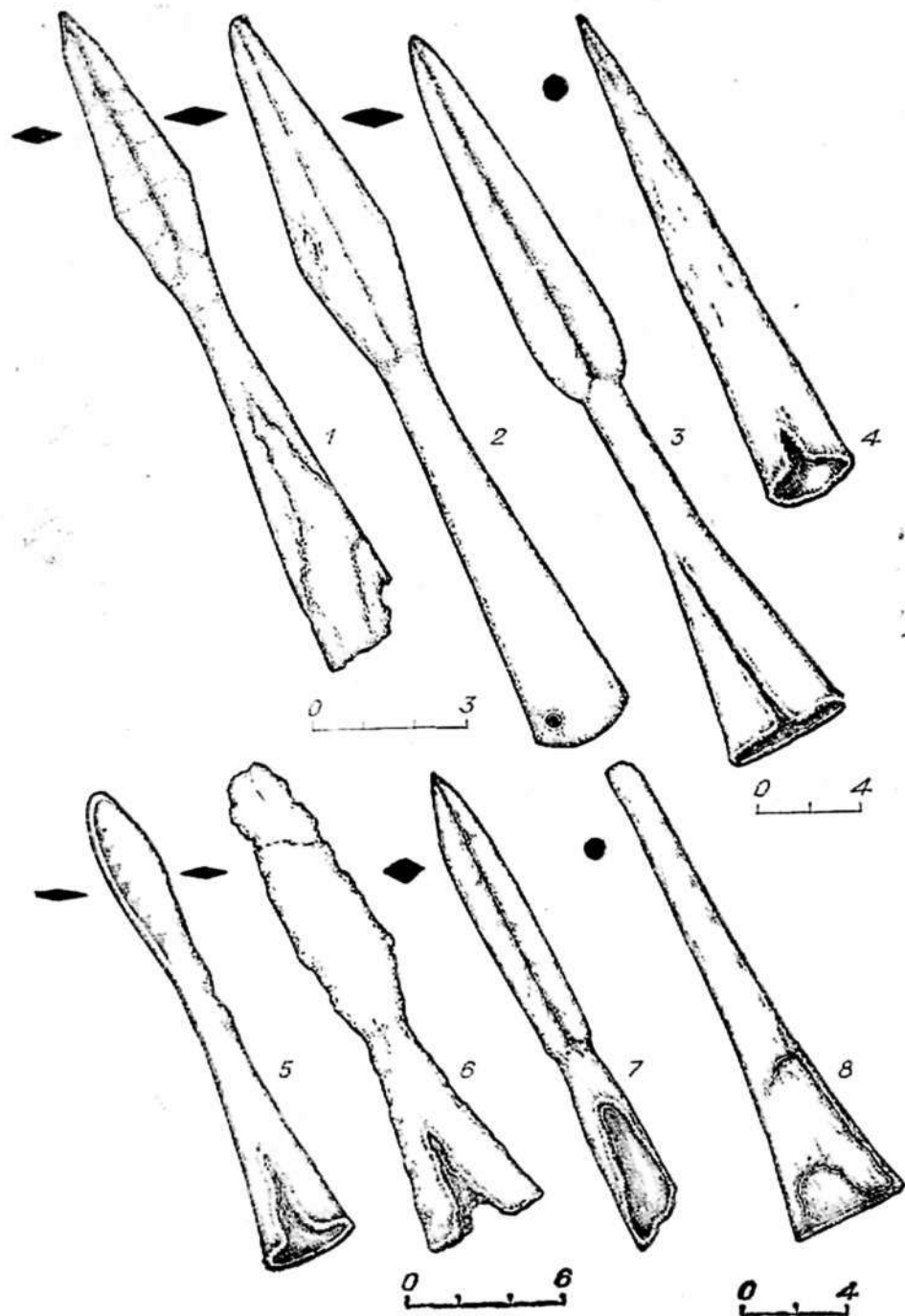

Табл. X. Наконечники копий.

Группа I: 1-3, 5, 6 — тип 1; 7 — тип 2; 4, 8 — группа III.

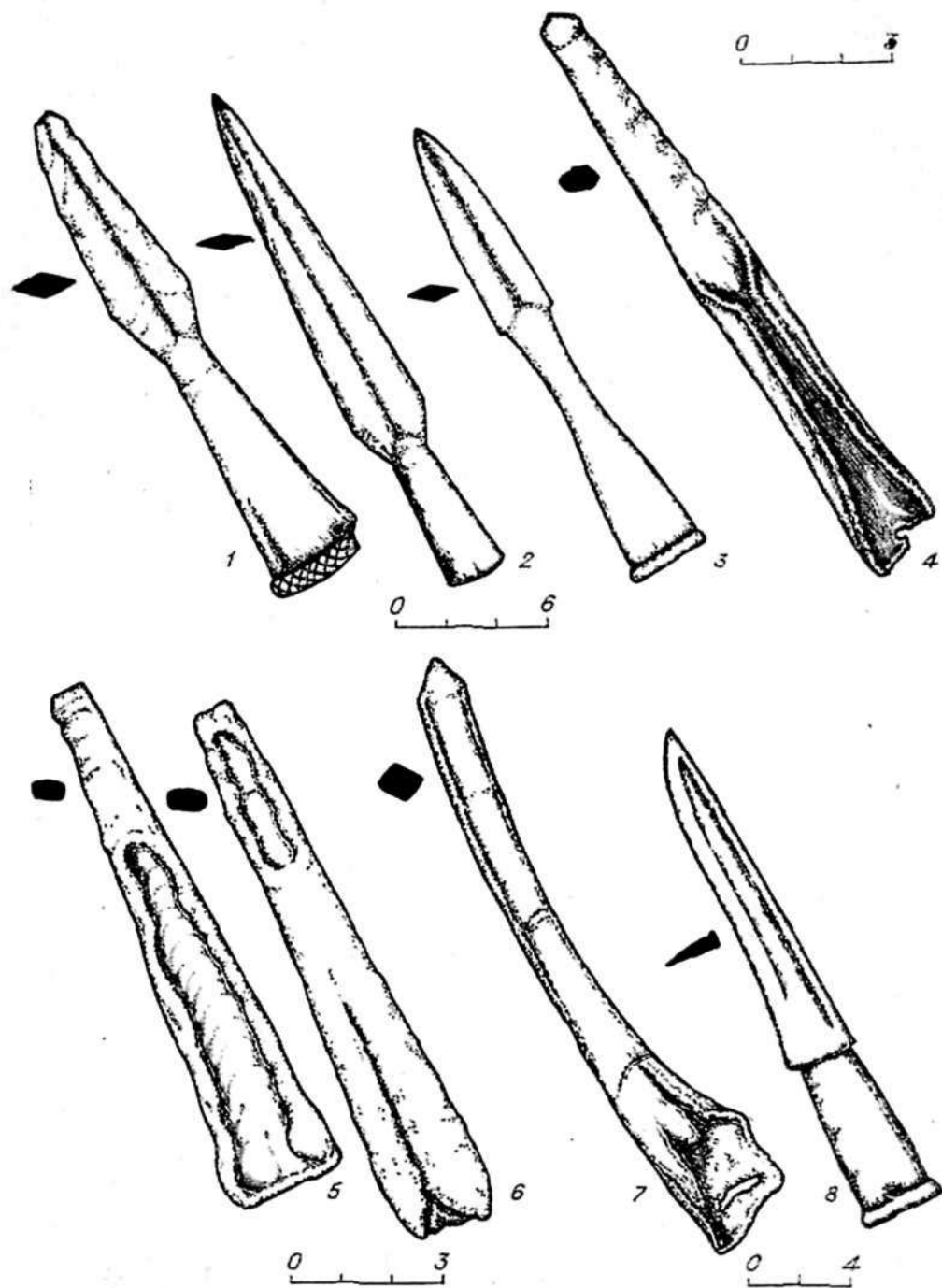

Табл. XI. Наконечники копий.

Группа I: 1, 2 — тип 1; 3 — тип 2; 4-7 — группа II; 8 — группа IV.

ную втулку. По нижнему краю втулки проходит неширокий ободок. Втулка экземпляра 7 имеет широкий несомкнутый шов (табл. X, 7; XI, 3).

Группа II. Квадратные. Для наконечников копий данной группы характерно квадратное сечение пера. Их можно отнести к типу удлинненно-треугольных (пикам). В нашем собрании экземпляры 9—12 (пики). Найдены в Туве в Хемчик-Бом (к. 19), Тора-Тал-Арты (к. СХ-59-4) и Шагонар. Общая длина от 11 до 25, длина пера от 4 до 14 см. Ударные грани наконечников с квадратным в сечении жаловидным пером плавно сужаются от шейки к острию. Тулья узкая, невысокая, постепенно расширяется в длинную втулку с широким несомкнутым швом. Экземпляры 9, 12 имеют отверстие для крепления на втулке (табл. XI, 4—7).

Группа III. Круглые. Характерной особенностью этой группы является круглое сечение пера. Их можно отнести к типу удлинненно-треугольных. В нашем собрании экземпляры 4, 8. Происходят из Минусинской котловины из с. Биджи (случайная находка) и из раскопок В. В. Радлова на р. Абакан близ с. Аскиз. Общая длина 20, длина пера 20 см. Ударные грани наконечников с округлым в сечении пером полого сужаются к остроугольному острию. Острие экземпляра 8 обломано. Условно выделяемая шейка постепенно расширяется в конусовидную втулку с широким несомкнутым швом (табл. X, 4, 8).

Группа IV. Трехгранные. Наконечники копий данной группы отличаются от других трехгранным сечением пера. Они относятся к типу удлинненно-треугольных. В нашем собрании экземпляр 16. Найден в Туве в могильнике Улуг-Хорум (Эйлиг-Хем III, к. 4). Общая длина 21, длина пера 13,5 см. Это наконечник с трехгранным в сечении пером, односторонним лезвием и спинкой. По одной из ударных граней вдоль спинки пера пролегает неширокая дола. Перо завершается небольшими прямоугольными плечиками. Короткая и широкая втулка наконечника заканчивается ободком по нижнему краю и имеет отверстие для крепления к древку (табл. XI, 8).

В настоящее время мы располагаем немногими сведениями о бытовании копий на Среднем Енисее в предшествующую кыргызской таштыкскую эпоху. В Туве в могильнике Шурмактей, в погребении с трупосожжением, оставленном, по мнению Л. Р. Кызласова, ганьгунями-кыргызами³², обнаружен наконечник дротика с асимметрично-ромбическим листовидным пером, высокой конической шейкой, заканчивающейся широким раструбом — втулкой³³. Близкий по форме наконечник дротика найден в Минусинской котловине близ с. Батени³⁴.

³² Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы.— ВМУ. М., 1958, Сер. ист.-филол., № 4, с. 97.

³³ Там же, табл. III, 138.

³⁴ Клеменц Д. Древности Минусинского музея, с. 160, табл. XIV, 5.

Широким копьём с листовидным наконечником вооружен всадник, изображенный на камне Ташебинского чаа-таса, отнесенного В. П. Левашовой к таштыкскому времени³⁵. Судя по этим немногочисленным данным, одной из наиболее ранних форм железных наконечников копий надо признать листовидную с широким асимметрично-ромбическим пером и пологими плечиками. Один из таких наконечников, возможно, также восходящий к таштыкскому времени, найден случайно в Минусинской котловине близ с. Юдино³⁶. В VI—VIII вв. на Енисее и в Западной Сибири распространяются асимметрично-ромбические наконечники копий на длинной втулке и с высокой тульей, но уже несколько иных пропорций. В форме пера наблюдаются существенные изменения: резко удлиняются ударные грани, вытягивается и сужается острие, укорачиваются плечики. Копья, происходящие из Минусинской котловины, имеют ромбическое сечение пера, а среди обнаруженных западнее встречаются и уплощенно-линзовидные³⁷. Поскольку все известные наконечники, бытовавшие у кыргызов в это время, однотипны, следует признать за ними универсальность применения. Сохраняя общую форму, наконечники VI—VIII вв. резко различаются по размерам; здесь можно выделить две группы — массивные и облегченные. Вероятно, массивные применялись преимущественно против противника в защитном вооружении, облегченные — против легковооруженного воина или для метания. Массивные бронебойные наконечники копий еще не в полной мере отвечали своему функциональному назначению. Так, большая часть общей длины наконечника и, следовательно, его веса приходилась на длинную тулью и массивную втулку. Усиления бронебойных свойств наконечников достигали путем простого увеличения его размеров и веса.

В VIII—X вв. происходит дальнейшая дифференциация и специализация форм наконечников. Кыргызские бронебойные наконечники приобретают жаловидную форму. Перо имеет квадратное и в виде редкого исключения — округлое сечение. Ударные грани полностью сливаются с шейкой. Размеры по сравнению с массивными наконечниками VI—VIII вв. уменьшаются, но усовершенствованная конструкция позволяет использовать жаловидные пики для пробивания брони более эффективно. Вероятно, одной из причин создания жаловидных наконечников явилось утяжеление панцирных доспехов, рас-

³⁵ Левашова В. П. Из далекого прошлого..., с. 42.

³⁶ Клеменц Д. Древности Минусинского музея, с. 160, табл. XIV, 4.

³⁷ Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, М., 1952, № 24, рис. 27; Могильников В. А. Елыкаевская коллекция..., с. 263; Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири.— Тр. ГИМ, М., 1926, вып. 1., табл. II, 16; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., рис. 4, 5; АКМ 12793/40.

пространение чешуйчатых панцирей³⁵. Основные образцы этого грозного оружия кыргызских древностей происходят из Тувы — района интенсивных боевых действий против уйгуров.

На территориях западных земель, входивших в IX в. в состав Кыргызского каганата — в степном Алтае, Западной Сибири, а также в степях Причерноморья³⁹ были известны бронебойные наконечники несколько иной формы: с узким, ромбическим в сечении пером, ударные грани которого не полностью слились с шейкой, сохраняя небольшие плечики. Встречаются подобные наконечники и в памятниках сросткинской культуры. В кыргызских памятниках обнаружен лишь один такой наконечник (в Восточном Казахстане⁴⁰), он мог явиться предметом прямого заимствования. Довольно близкие аналогии прослеживаются в памятниках Монголии, правда, тех из них, которые относятся к несколько более позднему времени⁴¹. Типологические различия не настолько существенны, чтобы сказаться на функциональном назначении: видимо, они связаны с традицией разных этнических общностей. Образцы из Монголии (Баин, Делдон-Болдок, Хара-Хорин) происходят из районов, бывших в IX в. зоной военных операций кыргызов в войне с уйгурами.

Пика — специализированное бронебойное оружие, у нее небольшая площадь поражения; при неточном попадании оставляет неширокую рану и, следовательно, малоэффективна в борьбе с маневренным легковооруженным всадником. Очевидно, поэтому кыргызы, как и прежде, применяли наконечники копий с широким асимметрично-ромбическим пером. Пропорции их несколько изменились по сравнению с наконечниками предшествующего периода. Втулка становится короче, а острие пера шире. Такой наконечник оставлял широкую кровоточащую рану. Находки подобных наконечников известны в кыргызских древностях из Западной Сибири⁴² и Восточного Казахстана⁴³, т. е. с западных границ каганата, где, видимо, необходимость борьбы с легковооруженной кимакской конницей была достаточно актуальна.

В кыргызских памятниках XI—XII вв. пики не обнаружены. Они встречаются в более поздних монгольских древнос-

³⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.—Л., 1966, вып. 2, с. 16.

³⁹ Грязнов М. П. История древних племен... табл. IV, 4; табл. VII, 1, 2; Могильников В. А. Елыкаевская коллекция..., рис. 1, 14; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.—МИА. М.—Л., 1958, № 62, рис. 9.

⁴⁰ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья..., рис. 33.

⁴¹ Владимирцов Б. Я. Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— В кн.: Северная Монголия. Л., 1927, вып. 2, рис. 1, 10; Древнемонгольские города. М., 1965, рис. 109, 2.

⁴² Музей НГПИ, 232/1.

⁴³ Арсланова Ф. Х. Курганы с трупосожжением..., табл. III, 19.

тях. Предположение о том, что пики окончательно исчезли из вооружения кыргызов, было бы неверным. Очевидно, потребность в них уменьшилась.

В XI—XII вв. у кыргызов преобладают копьа с узким ромбическим в сечении пером асимметрично-ромбической формы, вытянутым острием и небольшими пологими плечиками. Пропорции в соотношении длины втулки и пера снова изменились: втулка стала еще короче — у некоторых экземпляров она короче пера. Обнаружен лишь один наконечник с трехгранным сечением пера, короткой втулкой и однолезвийным оформлением ударных граней.

Все названные наконечники копий XI—XII вв., имея узкое граненое в сечении перо, могли довольно эффективно использоваться для пробивания брони. Но наряду с сохранением его высоких свойств за счет небольшой ударной площади и монолитности формы пера обращается внимание на повышение режущих свойств. Особенно показателен в этом отношении однолезвийный наконечник. Очевидно, такие изменения были обусловлены развитием военного искусства кыргызов в новой обстановке. Кыргызский каганат в XI—XII вв. распался на полунезависимые княжества, имевшие небольшие воинские формирования, которые уже не могли выставить значительного контингента тяжеловооруженных всадников с пиками, а без такого отряда действия небольшой группы панцирной кавалерии были малоэффективны.

Возрастает интенсивность боя, приемы владения копьем становятся более разнообразными, применение древкового оружия перестает быть одноразовым актом. Бесспорным свидетельством этого является однолезвийный наконечник копьа, поскольку для иных целей подобная форма неоправдана.

Наконечники копий близких форм известны из синхронных кыргызским памятников с сопредельных территорий: Западной Сибири, Алтая, Монголии⁴⁴.

На обнаруженных изображениях кыргызских воинов с копьями (в тех случаях, когда можно определить форму наконечника) зафиксированы наконечники асимметрично-ромбической формы, близкой к форме экземпляров IX—X, XI—XII вв.⁴⁵, что позволяет косвенным образом датировать изображения этим периодом.

Весь имеющийся по наконечникам копий материал объединен в сводную таблицу (табл. 4). В количественном отношении его недостаточно, чтобы получить при проведении статистического анализа вполне достоверные результаты.

⁴⁴ Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал..., с. 156; Грязнов М. П. Раскопки на Алтае.— СГЭ, 1940, вып. 1, с. 20; Наваан М. Клад железных предметов из Хара-Хорина.— МАС, М., 1962, рис. 16, 5.

⁴⁵ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 1.

Сводная таблица наконечников копий

Группы	Типы	Количество	Размеры, см	Территория	Период, вв.
I 	a 	3	23 · 11	Минуса	VI - VIII
	b 	2	14 · 8	Западная Сибирь Восточный Казахстан	IX - X
	c 	2	21 · 11	Тува Минуса	XI - XII
	2 	2	20 · 9,5	Тува Восточный Казахстан	IX - X
II 		4	18 · 9	Тува	IX - X
III 		2	20 · 10	Минуса	IX - X
IV 		1	21 · 13,5	Тува	XI - XII

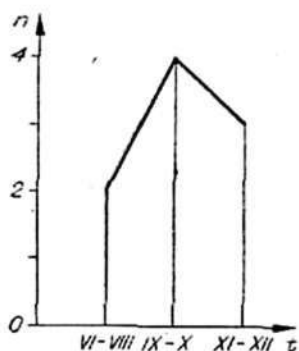
Определенную информацию дает преобразование сводной таблицы в типолого-хронологическую матрицу (табл. 5). В таблице учтен набор типов и вариантов по хронологическим

Типолого-хронологическая матрица наконечников копий

Период, вв.	XII - XI				
	X - IX				
	VIII - VI				
	V - III				

периодам, для которых, несмотря на изменения форм наконечников, характерно устойчивое бытование асимметрично-ромбических наконечников разных вариантов. Различия в соотношениях количества типо-вариантов по хронологическим периодам невелики, что на графике дает стабильность в количестве типо-вариантов для всего рассматриваемого хроно-

Рис. 3. График изменения количества типов наконечников копий по хронологическим периодам. Усл. обозначения см. на рис. 2.

гического диапазона. Известный пик наблюдается для IX—X вв., когда количество типов возрастает. Примечательно, что этот рост приходится на специализированные броневойные группы наконечников (рис. 3).

Отмеченную тенденцию можно интерпретировать как усиленную разработку броневых форм. Именно для этого периода характерны наиболее интенсивные военные мероприятия кыргызов. Такая тенденция свидетельствовала о возрастании роли панцирной кавалерии, вооруженной копьями, в войнах, которые вели кыргызы в это время.

Сравнительная редкость находок наконечников копий в кыргызских памятниках, наличие копий в наборе, характерном для тяжелого вооружения воина, и функциональное их назначение как оружия, предназначенного преимущественно для пробивания брони, позволяют отнести копье к комплексу вооружения тяжелой панцирной конницы. Из предположения об использовании рассматриваемых наконечников в качестве боевого навершия кавалерийского копья следует, что их придавали длинным массивным древкам. Длина древков копий, судя по изображениям кыргызских воинов, варьирует по отношению к росту всадника от 2:1 до 3:2⁴⁶. Ширина древков, вероятно, ненамного превышала диаметр нижнего края втулки. Диаметр втулки у кыргызских наконечников копий колеблется от 1,7 до 3,2 см.

Судя по изображениям, было выработано несколько вариантов боевого положения копья. В одном случае всадник изображен удерживающим древко одной полусогнутой рукой. Древко прижато к шее лошади, чем сообщалась дополнительная мощь силе удара⁴⁷. В другом случае всадник, опустив поводья, держит древко копья двумя руками, сместив корпус левым или правым плечом вперед⁴⁸. Характерна посадка всадника с копьем в боевом положении: корпус слегка наклонен вперед либо назад, чтобы предотвратить сильное обратное действие копья при ударе. При использовании копья против пехоты всадник держал древко на весу двумя руками для более удобного маневрирования по движущейся цели⁴⁹.

⁴⁶ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 187, 193.

⁴⁷ Там же, рис. 187.

⁴⁸ Там же, рис. 194, 195.

⁴⁹ Там же, рис. 193.

Приемы владения копьем определили боевое построение и тактические возможности ведения боя. Для панцирной конницы, вооруженной пиками, наиболее эффективна атака на неприятеля в тесно сомкнутом строю, когда наилучшим образом можно было использовать ударную мощь вооружения и свести до минимума его недостатки — ограниченную подвижность, а значит, и слабую маневренность⁵⁰. Эта тактика ведения боя, вероятно, была наиболее характерной для тяжелой конницы кыргызов в IX—X вв. Но в дальнейшем, с XI в., тактические приемы, связанные с использованием копья, становятся более разнообразными. Применение копья перестает быть одноразовым актом.

Помимо своего прямого назначения копья с укрепленными на древках «знаменами»⁵¹ использовались в качестве опознавательных знаков, по которым войны могли ориентироваться в бою. Цветовая гамма известных сочетаний цветов на кыргызских знаменах (красного и зеленого⁵²), вероятно, имела особую символику. Во всяком случае, название первого из этих цветов совпадает с реконструированными значениями этнонима «кыргыз»⁵³.

Боевые топоры. Боевой топор — рубящее оружие ближнего боя. Топор — рабочая часть боевого топора, предназначенная для нанесения рубящего удара. Рукоять — несущая часть боевого топора, предназначенная для направления удара. Лезвие — ударная рубящая часть топора. Обух — возвышение, служащее противовесом лезвию. Проух — отверстие для крепления рукояти (табл. IX, 2).

О бытовании боевых топоров у кыргызов свидетельствуют вещественные находки и изображения кыргызских воинов⁵⁴.

Имеются упоминания о боевых топорах кыргызов и в литературе⁵⁵.

Весь материал о топорах в нашем собрании подразделен на типы (по форме обуха), относящиеся к группе узколезвийных (по форме лезвия). Характерная особенность этих боевых топоров — небольшая ширина лезвия по отношению к длине топора. Сила удара увеличивалась за счет сужения ударной площади.

Тип 1. *Низкообушные.* В нашем собрании экземпляры 1, 2, 4. Найдены в Туве, Бий-Хем (к. 24-2) и случайно в Минусинской котловине. Длина от 13,5 до 15,5, ширина лезвия от 3,5 до 6, высота обуха 0,7—2 см. Топор с узким вытянутым

⁵⁰ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 74.

⁵¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 352.

⁵² Кюнер Н. В. Китайские известия..., с. 60; Бартольд В. В. Киргизы, т. 2, с. 495.

⁵³ Петров К. И. К этимологии термина «кыргыз». — СЭ, 1964, № 2, с. 81.

⁵⁴ См.: Кызласов Л. Р. История Тувы..., рис. 41.

⁵⁵ Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmaler. Helsingfors, 1931, S. 6.

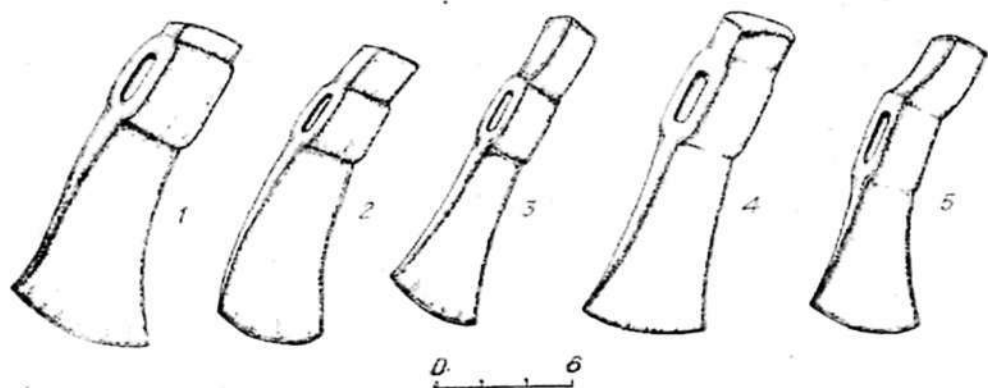

Табл. XII. Боевые топоры.

1, 2, 4 — тип 1; 3, 5 — тип 2.

лезвием, слегка скошенным в сторону рукояти и расширяющимся от проуха к острию. Проух овальной и прямоугольной формы. Обух несколько скошен в сторону рукояти (табл. XII, 1, 2, 4).

Тип 2. *Высокообушные*. В нашем собрании экземпляры 3, 5. Найдены в Туве (Азас I) и южной части Красноярского края. Длина 12—15, ширина лезвия 4, высота обушка 3,5—4 см. Лезвие топора узкой вытянутой формы, слегка скошенное в сторону рукояти и расширяющееся от проуха к острию. Проушное отверстие овальное. Обух — молоток — смещен в сторону рукояти (табл. XII, 3, 5).

Благодаря более высокому обуху и узкой проушной части топоры типа 2 имеют более грацильные очертания по сравнению с массивными топорами типа 1.

Некоторые из рассматриваемых топоров отнесены в литературе к орудиям труда в качестве инструментов «плотника и столяра»⁵⁶. Не отрицая в принципе возможности хозяйственного использования кыргызских топоров, отметим узколезвийность и наличие высокого обуха как черты, традиционно связываемые с боевыми топорами. Применение боевых топоров в изучаемый период характерно для многих народов степной полосы Евразии: чжурчженей, киданей, алтайских тюрков, хазар, печенегов, болгар⁵⁷.

Боевые топоры-чеканы применялись в Минусинской котловине довольно широко в тагарскую эпоху. О бытовании бое-

⁵⁶ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 104.

⁵⁷ Медведев В. Е. Материалы раскопок могильника у с. Надеждинского. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, рис. 13, 10; Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей. — Там же, с. 103; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., рис. 9, 11. Артамонов М. И. История хазар, с. 294; Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половец..., рис. 3, 10; Смирнов А. П. Очерки по истории древних болгар. — Тр. ГИМ, М., 1940, вып. 11, с. 97.

вых топоров непосредственно в предшествующую кыргызской таштыкскую эпоху данных нет.

Судя по датированным экземплярам, грацильные боевые топоры, типологически наиболее близкие к классическим тагарским чеканам, известны у кыргызов с VII в.⁵⁸ Верхнюю дату установить пока не удалось. Но уже с IX в. в кыргызских памятниках встречаются более массивные низкообушные топоры. Если грацильные применялись в основном как боевые, то массивные могли использоваться более универсально, в том числе и для бытовых нужд в длительных походах, для починки оружия, сбруи.

Начиная с XIII в., в Туве известны вислообушные монгольские боевые топоры с широким лезвием⁵⁹. По-видимому, эту дату надо считать верхней хронологической границей бытовавших узколезвийных топоров с обухом-молотком. Среди находок из памятников Дальнего Востока, Алтая, Восточной Европы экземпляры ранее XIII в. также не зафиксированы.

В литературе боевой топор связывается с набором вооружения всадника легкой конницы, «подвижной и стремительной, действующей рассыпным строем»⁶⁰. Это, однако, не исключает возможности применения такого оружия тяжеловооруженным воином. На Сулекской писанице топор изображен в руке тяжеловооруженного всадника.

Сравнительная редкость находок боевых топоров и отсутствие в комплексах, откуда происходят известные экземпляры, предметов из набора вооружения, специфического для тяжеловооруженных всадников, позволяют заключить, что боевые топоры являлись вспомогательным оружием ближнего боя и могли использоваться воинами как легковооруженными, так и защищенными панцирной броней. Боевой топор был наиболее эффективен во время затяжного кавалерийского боя, когда в тесной схватке отдельных групп длинное древковое оружие лишь мешало движению⁶¹. В ближнем бою, благодаря относительной легкости и большой убойной силе, боевым топором можно было при верно рассчитанном ударе проломить панцирь, нанести противнику глубокую рану. При равной величине замаха с рубящим клинком, несмотря на различие в весе, ударная мощь боевого топора выше за счет сужения площади, по которой наносится удар.

Рукоять чекана изготовлялась из дерева. Судя по изображению всадника с Сулекской писаницы, рукоять по длине

⁵⁸ Хоанг Ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда в Южной Сибири (VII в. до н. э.— XII в. н. э.).— СА, 1974, № 4, с. 120.

⁵⁹ Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы, табл. III, 69.

⁶⁰ Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, вып. 23, с. 143.

⁶¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 45.

Сводная таблица боевых топоров

Группа	Типы	Количество	Размеры, см	Территория	Период, вв.
Боевые	1 	3	14,4,5-1,5	Тува Минуса	IX-XII
	2 	2	13,5-4-3,7	Тува Минуса	VII-IX

несколько превосходит длину руки всадника от запястья до локтя⁶². Рукоять снабжена ременной петлей, чтобы при сильном ударе не потерять оружие. Важно отметить, что боевой топор свободно висел на запястье руки воина, держащего обеими руками древко копья. Отчетливо видны расширяющиеся лезвие и симметричный ему обух топора.

Боевые топоры встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках на сопредельных территориях, в частности на Алтае⁶³.

Весь имеющийся материал может быть наглядно представлен в сводной таблице, преобразование которой из-за недостаточного количества экземпляров представляется нецелесообразным (табл. 6).

⁶² Кызласов Л. Р. История Тувы..., рис. 41.

⁶³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., рис. 9, 11.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ДИСТАНЦИОННОГО БОЯ

Наступательное оружие дистанционного боя — оружие, предназначенное для поражения противника на расстоянии. Оно объединяет такие средства, как лук и стрелы, т. е. это метательное оружие, приводимое в действие руками.

Луки. Лук — ручное метательное оружие для ведения стрельбы, прицельного метания стрел.

В VI—XII вв. у кыргызов известны сложносоставные рефлексирующие луки. Кибить — рабочая часть лука, предназначенная для натяжения тетивы. Тетива — несущая часть лука, сообщающая ускорение стреле. Спинка — сторона кибити лука, направленная при стрельбе к цели. Внутренняя сторона — сторона кибити, обращенная при стрельбе к тетиве. Для большей прочности и эластичности их изготавливали из различных пород дерева и склеивали. Середина — место хвата кибити ладонью руки — рукоять. Плечо — гибкая часть кибити, играющая роль пружины для натяжения тетивы. Конец — часть кибити для крепления тетивы. Ушкоарочный вырез на конце — для закрепления петли тетивы. Сложносоставной лук имел обычно костяные накладки: срединная боковая — деталь, придававшая жесткость середине кибити лука, а концевая — концу кибити лука; срединная фронтальная деталь, служившая для усиления упругости середины кибити лука, а плечевая фронтальная — плеча лука (табл. XIII, 1). Рукоять и концы, которым с помощью накладки придавалась жесткость, были негнушимися частями лука, а плечи — гибкими.

О наличии луков у кыргызов свидетельствуют письменные источники¹ и изображения кыргызских воинов². О кыргызских луках упоминают в своих работах Г. Е. Грумм-Гржимай-

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, ч. 1, с. 325; Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 60.

² Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, табл. XVI—XVIII.

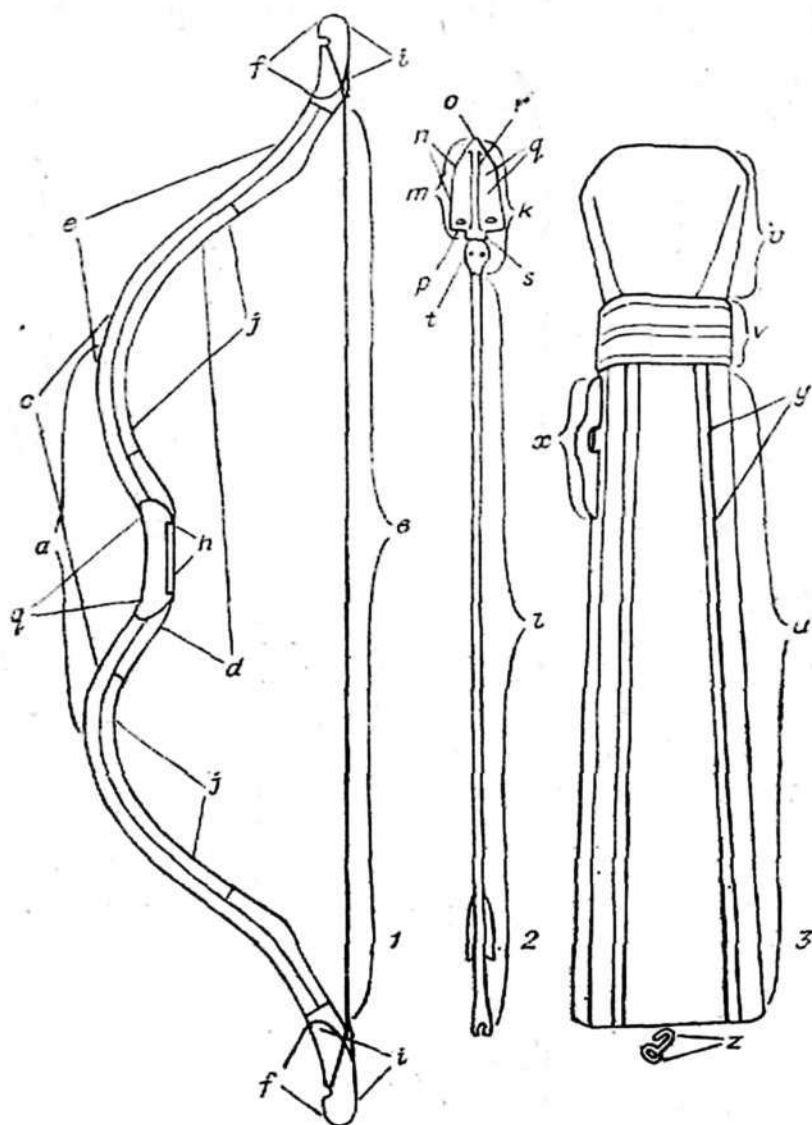

Табл. XIII. Наступательное оружие дистанционного боя.

1 — лук, 2 — стрела, 3 — колчан; а — кибить, б — тетива, с — спинка, д — внутренняя сторона; е — плечо, ф — концы, г — срединная боковая накладка, h — срединная фронтальная накладка, i — концевые накладки, j — плечевые фронтальные накладки, k — наконечник стрелы, l — древко стрелы, m — перо, n — сторона, o — острие, p — плечико, q — грань, r — лопасть, s — упор, f — свистунка, u — приемник колчана, v — накладка горловины, w — карман, x — плечи, y — накладки приемника, z — крюк.

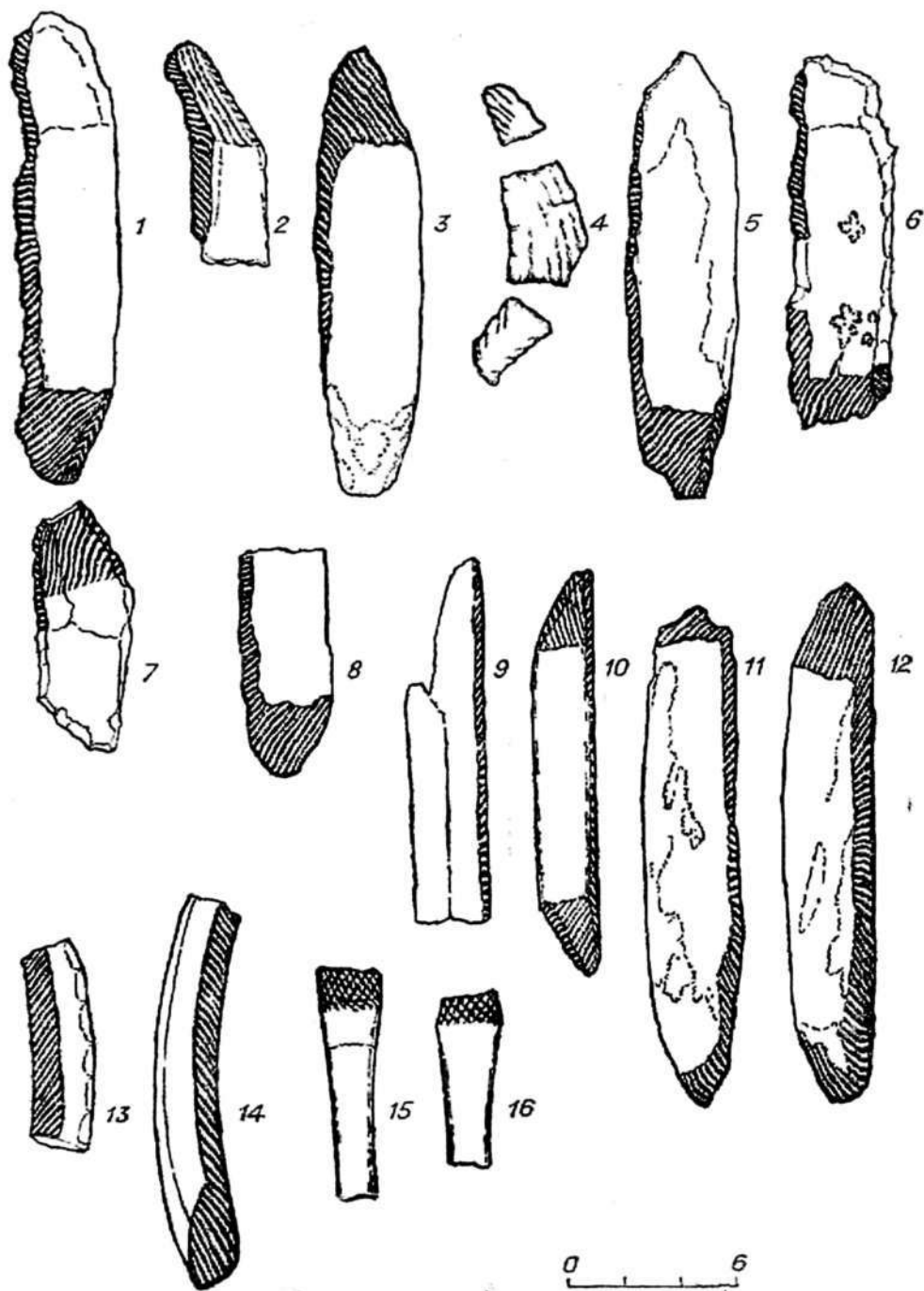

Табл. XIV. Накладки для лука.

1, 6, 13, 14 — тип 1; 2-5, 8-12 — тип 2; 7, 15, 16 — тип 3.

ло, В. П. Левашова, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, В. Г. Карцов, Н. А. Мальцева, Я. И. Сунчугашев, Ф. Х. Арсланова, Л. Р. Кызласов³.

Все кыргызские сложносоставные луки, реконструируемые на основе археологических материалов, подразделяются на типы — по наличию и местоположению костяных накладок.

Тип 1. С концевыми и срединными боковыми накладками. В нашем собрании экземпляры 1—3. Остатки луков данного типа найдены в Минусинской котловине (Уйбат II, к. 1; Капчалы II, к. 8) и в Восточном Казахстане (Бобровский могильник II, к. 6). Судя по находкам из Уйбата II и Бобровского могильника II, где накладки сохранили местоположение на истлевшей кибите, длина лука со спущенной тетивой достигала 130—134 см. Срединные боковые накладки массивные, трапецевидной формы. Длина накладок от 13,5 до 16,5, ширина от 2 до 3 см.

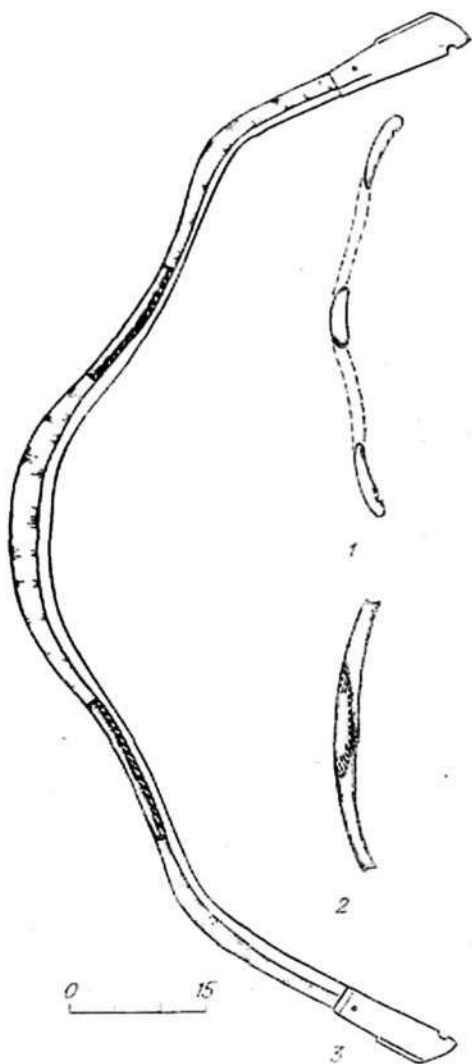

Табл. XV. Луки.

1 — тип 1; 2 — тип 2; 3 — тип 4.

По внутренней стороне, внешнему краю, обращенному к спинке, и концам накладки нанесена нарезка для склеивания с деревянной основой кибити и оплеткой из сухожилий. От концевых накладок сохранились фрагменты длиной до 18 и шириной в 2 см. По внутренней стороне, а у экземпляров из

³ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, Л., 1926, т. 2, с. 354; Левашова В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, с. 52; Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 64; Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены.— Тр. ГИМ, М., 1940, вып. 11, с. 50; Карцов В. Г. О чем говорят курганы Енисея. Абакан, 1961, с. 93; см. об этом также: История Сибири. Л., 1968, т. 1, с. 302; Сунчугашев Я. И. Краткие очерки из истории Хакасии. Абакан, 1968, с. 12; Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.) — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 104; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 103.

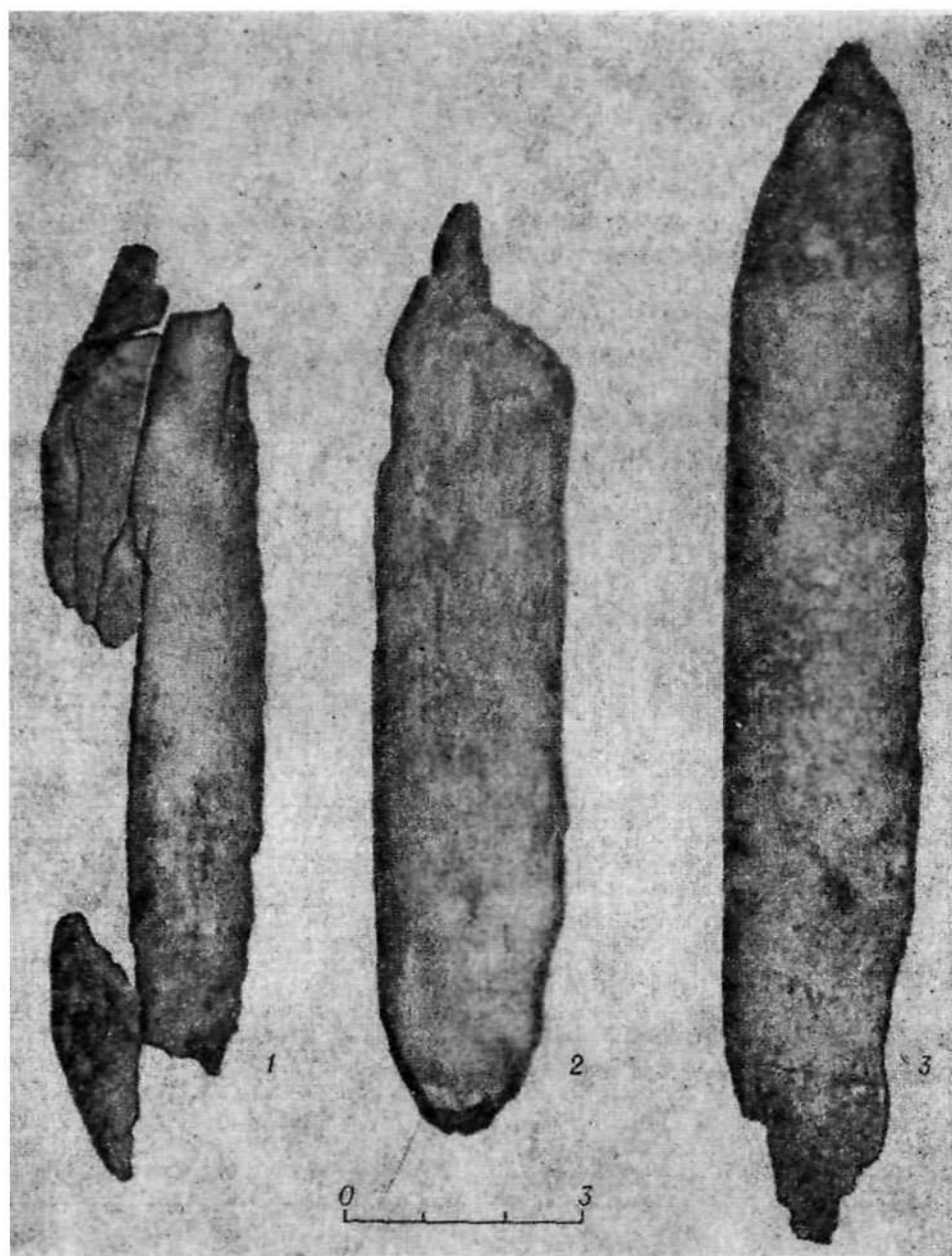

Табл. XVI. Накладки для лука.

1—3 — тип 2.

Калчалы и по внешнему краю, обращенному к спинке, нанесена косая нарезка.

Такие луки издавна были распространены во всем кочевническом мире VI—XIII вв.⁴ Они встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, па-

⁴ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 64.

мятников на сопредельных территориях — Алтае, Туве⁵ (табл. XIV, 1, 6, 13, 14; XV, 1).

Тип 2. *Со срединными боковыми накладками*. В нашем собрании экземпляры 4—12. Остатки луков данного типа найдены в Минусинской котловине (Капчалы II, к. 3; Тепсей III, погребение 67), Туве (Хемчик-Бом II, к. 25, 43; Салдам, к. 12; Шагонар; Бай-Даг) и Восточном Казахстане (Бобровский могильник II, к. 11).

Установить размеры лука можно лишь приблизительно. Судя по местоположению накладок в погребении 67 Тепсея III, длина кибити не превышала 120 см. Срединные боковые накладки трапецевидной формы. Длина накладки от 9 до 15, ширина 2—2,5 см. Все накладки имеют косую нарезку по внутренней стороне и внешнему краю, обращенную к спинке и концам (табл. XVI, 1—3).

Луки данного типа встречаются в синхронных кыргызским памятниках на сопредельных территориях — Алтае, Туве, Восточном Казахстане⁶ (табл. XIV, 2—5, 8—12; XV, 2).

Тип 3. *Со срединными боковыми и фронтальной накладками*. В нашем собрании экземпляры 13—15. Остатки луков данного типа найдены в Минусинской котловине (Капчалы II, к. 1), Туве (Тора-Тал-Арты, к. 4) и Восточном Казахстане (Бобровский могильник II, к. 6). Длина лука достигала 140 см. Срединные боковые накладки трапецевидной формы с выемкой для соединения с фронтальной накладкой. Длина срединных боковых накладок от 15 до 16, ширина 2 см. По внутренней стороне, внешнему краю, обращенному к спинке, и концам нанесена косая и ромбическая нарезка. Срединные фронтальные накладки узкие, прямоугольной формы, со слегка расширяющимися концами. Длина накладок до 12,5, ширина 1,2—1,4 см. По внутренней стороне и концам накладки нанесена косая и ромбическая нарезка (табл. XVII, 1—3).

Судя по находке остатков кибити из Бобровского могильника, отдельные части основы лука — плечи и детали рукояти — соединялись в месте приклеивания срединных накладок. Клин основания одного плеча кибити вставлялся в раздвоенный паз второго плеча и скреплялся деревянным шпунтом⁷.

⁵ Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае. — МЭ, Л., 1927, т. 3, вып. 2, рис. 12—14; Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве. — Тр. ТКАЭЭ, М.—Л., 1966, т. 2, табл. II, 11, 13.

⁶ Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. — Тр. ГИМ, М., 1941, вып. 16, с. 110; Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы. — ВМУ, 1964, сер. 9, № 4, табл. II, 59; Арсланова Ф. Х. Погребение тюркского времени в Восточном Казахстане. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 47.

⁷ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья..., с. 104.

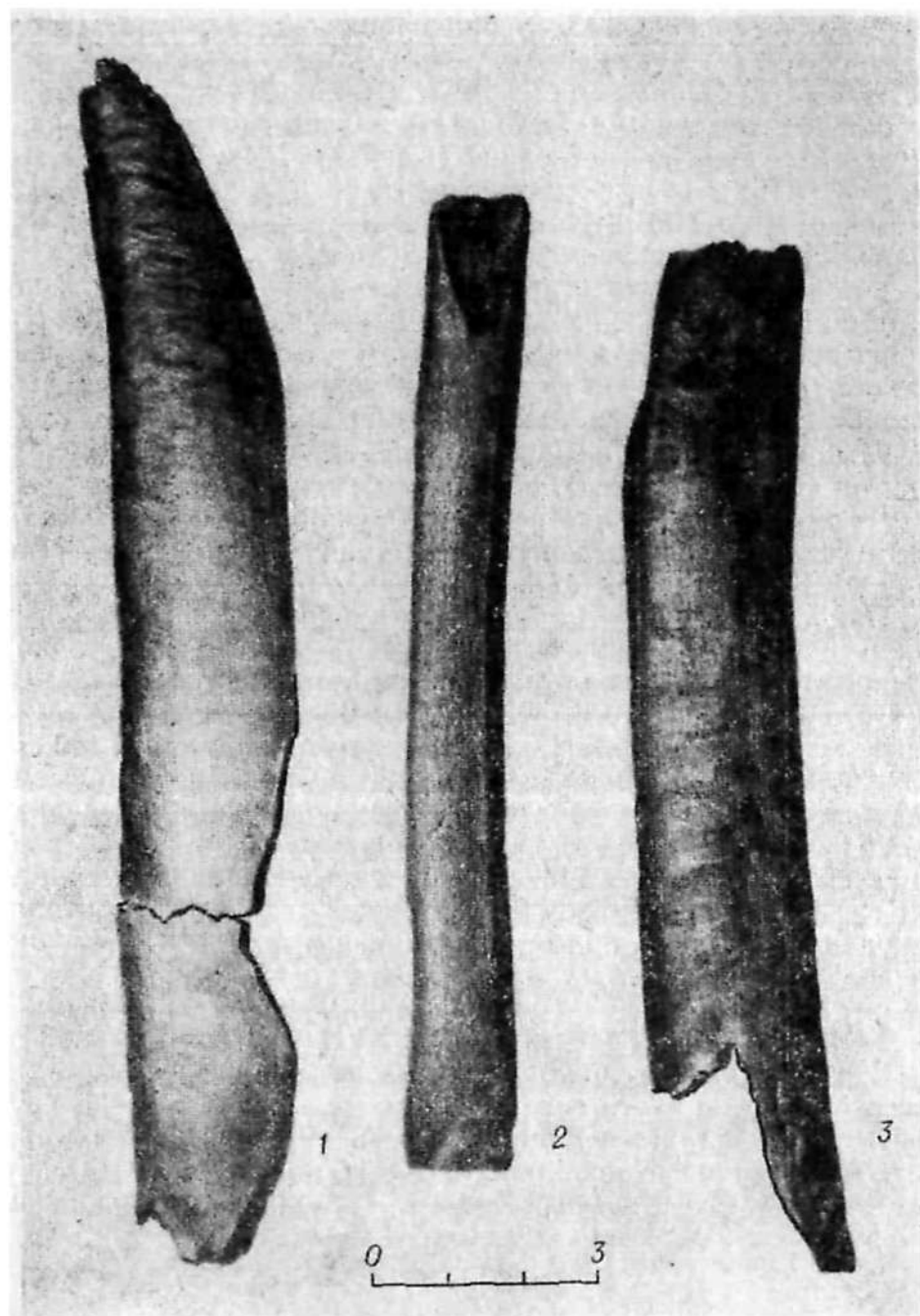

Табл. XVII. Накладки для лука.
1-3 - тип 3.

Луки данного типа известны в синхронных кыргызским памятниках на сопредельных территориях — Алтае, Туве⁸ (табл. XIV, 7, 15, 16).

Тип 4. С фронтальными плечевыми накладками. В нашем собрании экземпляр 16. Найден в Минусинской котловине в погребении на р. Есь. Длина лука со спущенной тетивой 120 см. Кибить лука состоит из деревянной планки — спинки, роговых плеч — накладок, образующих внутреннюю сторону. Концы лука с вырезами и упором для тетивы надставлены на окончании плеч и скреплены с основой кибити деревянными шпунтами. Длина роговых фронтальных накладок, вероятно, соответствует длине плеч от рукояти до уступа при подходе к концам — приблизительно 30, ширина 3 см. По внешней стороне по обоим краям накладки имеют косую нарезку. Вся поверхность кибити, за исключением концов, обклеена сплошным тонким слоем бересты.

Наиболее близкой в типологическом, хронологическом и территориальном отношении аналогией можно считать лук с фронтальными плечевыми накладками из Осинкинского могильника на Алтае⁹ (табл. XV, 3).

Сложносоставной лук появляется в Сибири еще на серовском этапе согласно периодизации неолита Прибайкалья¹⁰. Для районов Южной Сибири в литературе отмечено бытование сложносоставного лука скифского типа в I тыс. до н. э.¹¹. Наибольшее значение для изучения эволюции кыргызских луков имеют находки моделей луков таштыкской эпохи.

Модели таштыкских луков представляют собой уменьшенную копию «сложных М-образных луков, которые известны в VI—X вв.¹²». Оригинальная конструкция крепления тетивы и отсутствие накладок отличают модели этих луков от позднейших кыргызских. Однако общая для них конструкция кибити позволяет видеть в таштыкских луках форму, генетически предшествующую кыргызским лукам.

В VI—IX вв. у кыргызов бытуют сложносоставные луки с массивными срединными и концевыми накладками. Такие луки имели большую мощность и могли применяться универсально — и на войне, и на охоте.

Частые и продолжительные войны кыргызов с уйгурами в VIII—IX вв., усиление роли конного боя повлекли за собой

⁸ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 87; Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тувы. табл. I, 13, 84.

⁹ Савинов Д. Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.). Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 12.

¹⁰ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, М., 1950, ч. 1—2, № 18, с. 219.

¹¹ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 30.

¹² Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 127.

ряд изменений в конструкции лука. Исчезают концевые накладки, вместо которых, вероятно, использовали деревянные надставки. Последние «являлись более прочной заменой роговых, так как дерево труднее отклеивалось от кибиты, чем рог»¹³. Несколько уменьшаются размеры лука и срединных накладок. Такой лук был более приспособлен для скоростной стрельбы на близкой дистанции, более надежен, реже выходил из строя.

При скоростной стрельбе большая нагрузка на прочность и упругость приходится на середину лука, место соединения плеч кибиты. Поэтому в IX в. рукоять лука дополнительно укрепляется фронтальной накладкой, возможно, заимствованной от уйгурского лука. Процесс усовершенствования сложносоставного лука был постепенным, поэтому различные типы луков некоторое время сосуществовали. Это подтверждается находками луков первых трех типов в могильнике Капчалы II, а типов 1 и 3 в кургане 6 Бобровского могильника II. Остатки луков из синхронных памятников Алтая позволили предположить асимметрию плеч; в отношении кыргызских луков таких данных нет, за исключением единичного экземпляра из кургана 6 Бобровского могильника II, расположенного на периферии территориальных владений кыргызов. Этот лук мог быть предметом непосредственного заимствования.

Для назначения костяных деталей всех отмеченных типов луков при некоторых конструктивных различиях последних характерно много общего. Это соответствует традиционно сложившемуся в литературе мнению о том, что костяные накладки служили для придания жесткости, прочности скреплявшимся с ними частям кибиты лука. Костяные детали луков данных типов испытывались на прочность на излом, а не на изгиб. Не случайно они были расположены ребром по отношению к изгибу кибиты. Единственным исключением может быть срединная фронтальная накладка луков типа 3, использование которой явилось принципиальным технологическим усовершенствованием лука. С исчезновением жестких накладок широкое применение получает кость как материал, обладающий большей прочностью и упругостью.

В наибольшей мере это усовершенствование получило свое выражение в конструкции луков типа 4, где длинные фронтальные накладки являются составной частью плеч кибиты. Конструктивное устройство рукояти и окончаний плеч луков данного типа остается не вполне ясным, так как у сохранившегося экземпляра они скрыты под слоем бересты. Несомненно, что использование упругости кости — более прочного материала, чем дерево — для натяжения тетивы должно было

¹³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., с. 88.

значительно повысить эффективность стрельбы. Это полностью соответствует сведениям письменных источников о «роговых луках» кочевников¹⁴. Единичная находка рогового лука в кыргызском погребении IX—X вв.¹⁵ свидетельствует о зарождении этого типа луков в конце I тыс. н. э.

Позднее в Южной Сибири стали известны луки монгольского типа со срединной веслообразной фронтальной накладкой¹⁶. Находка в Осинкинском могильнике остатков лука со срединной веслообразной и плечевой фронтальными накладками позволяет считать луки монгольского типа упрощенной модификацией рогового лука. Вероятно, изготовление рогового лука было более трудоемким, нежели обычного сложносоставного. В луках монгольских типов некоторый эффект упругости срединной фронтальной накладки также используется, т. е. они сохраняют основной конструктивный принцип рогового лука.

Весь имеющийся в нашем собрании материал по лукам представлен в сводной таблице (табл. 7). Преобразование ее в типолого-хронологическую матрицу позволяет проследить основные пути эволюции кыргызского лука (табл. 8).

Лук играл большую роль в тактике ведения конного боя. Сложносоставной лук связан с прочной посадкой всадника в седле и набором вооружения легкой конницы, которая составляла основную массу кыргызского войска. Луками пользовались и тяжеловооруженные воины.

В боевом положении у лука была натянута тетива, для крепления которой на концах со стороны спинки имелся арочный вырез-ушко, а с внутренней стороны — упор, вокруг которого затягивалась петля тетивы.

В походном положении луки носились со снятой тетивой в специальных чехлах — налучьях, подвешивавшихся на правом боку всадника. По предположению Д. Ласло, одна деталь изображения кыргызского воина с Сулекской писаницы представляет собой «налучье длинное, почти прямолинейное, несколько изогнутое на конце, заканчивающееся резным украшением»¹⁷.

Стрелы. Стрела — метательное оружие дистанционного боя. Функциональное назначение — поражение цели на расстоянии.

Составные элементы: наконечник — рабочая часть, предназначенная для поражения цели; древко — несущая часть — для направления полета к цели.

¹⁴ См. об этом: Гумилев Л. И. Древние тюрки. М., 1967, с. 67.

¹⁵ КОАОМК, 395.

¹⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... с. 38.

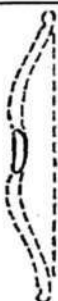

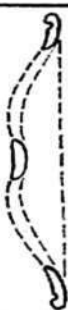

¹⁷ Laszlo G. Contribution a l'archeologie de l'epoque des migrations.— AAAS, Budapest, 1957, t. VIII, f. 1—4. s. 179.

Сводная таблица луков

Группа	Типы	Количество	Размеры, см	Территория	Период, вв.
Сложносоставные	1 	3	132	Минуса Восточный Казахстан	VI-IX
	2 	9	120	Минуса Тува Восточный Казахстан	IX-X
	3 	3	140	Минуса Восточный Казахстан	IX-X
	4 	1	120	Минуса	X-XII

Наконечник стрелы включает следующие детали: перо — проникающая, ударная часть; насад — несущая часть, предназначенная для крепления к древку; сторона — острый режущий край пера: острие — колющее окончание пера; плечико — сторона пера, обращенная к древку; грань — поверхность

Типолого-хронологическая матрица луков

Период, вв.	XII				
	X				
	X				
	IX				
	X				
	VI				
	V				
	III				

пера, ограниченная сторонами; лопасть — грань, возвышающаяся от основания пера; ярус — уступ, образуемый стороной лопасти пера; шип — выступ, образуемый плечиком лопасти пера; упор — выступ, ограничивающий перо наконечника стрелы при соединении с торцом верхнего конца древка; черешок — стержень насады, служащий для крепления в теле древка (табл. XIII, 2).

Вопросы изготовления, распространения и хронологии бытования наконечников стрел енисейских кыргызов получили известное освещение в археологической литературе. По мнению Л. А. Евтюховой, «...наконечники стрел, как находимые в погребениях, так и изображенные на скальных рисунках и у копенских всадников, имеют широкое перо, в большинстве случаев трехлопастное, иногда с вырезом на лопастях.»¹⁸ С. В. Киселев писал, что если «...в VI—VIII вв. кыргызы выделяли трехгранные и трехлопастные наконечники, аналогичные алтайским, то в IX—X вв. приоритет перешел к плоским наконечникам ромбовидной формы.»¹⁹

Л. Г. Нечаевой отмечено наличие у кыргызов трехлопастных наконечников «с серповидными и округлыми отверстиями в лопастях (в одном случае со стрельчатыми вырезами), массивных трехгранных наконечников с выемками у основания граней и упором, четырехгранных (в сечении ромбических, почти квадратных); плоских с остроугольным завершением, у одного из них конец частично срезан, благодаря чему имеет трапециевидную форму, двухперых наконечников стрел, с толстым округлым основанием и длинным черешком.»²⁰ О кыргызских наконечниках стрел пишет в ряде работ Л. Р. Кызласов. Им уточнено положение С. В. Киселева о времени бытования различных типов кыргызских наконечников стрел. Отмечается, что в курганах IX—X вв., раскопанных в Туве, представлены «...разнообразные наконечники стрел (трехгранные, четырехгранные, трехгранно-трехлопастные, трехлопастные узкие, трехлопастные массивные, с отверстиями и выемками внизу лопастей, плоские асимметрично-ромбические и обломки костяных свистулек от стрел).»²¹ Для XI—XII вв., по мнению Л. Р. Кызласова, характерны «...наконечники стрел с упором, новых по преимуществу типов (плоские асимметрично-ромбические большие и малые, долотовидные, лопаточкообразные, ромбические, трехгранные и четырехгранные лопаточки трехперые узкие, ланцетовидные и редко трехлопастные).»²²

Упоминания о бытовании стрел у кыргызов встречаются также в работах В. В. Радлова, А. В. Адрианова, С. А. Теплоухова, В. Г. Карцова, В. П. Левашовой, В. В. Бартольда, Р. В. Николаева, Я. И. Сунчугашева, Н. А. Мальцевой, Н. Д. Архипова²³.

¹⁸ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 104.

¹⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, М.—Л., 1949, № 9, с. 325.

²⁰ Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты.— Тр. ТКАЭЭ, М.—Л., 1966, т. 2, с. 112—114.

²¹ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 108.

²² Там же, с. 112.

²³ Радлов В. В. Сибирские древности. Спб., 1896, с. 55; Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1900, с. 10.

О наличии стрел у кыргызов свидетельствуют письменные источники²⁴ и изображения кыргызских воинов²⁵.

Все наконечники стрел енисейских кыргызов подразделены на группы (по форме сечения пера) и на типы (по форме пера).

Группа I. Трехлопастные. Отличительной особенностью таких наконечников является трехлопастное перо, обеспечивающее стреле высокие баллистические качества. Они были наиболее устойчивы в полете и наносили при попадании болезненные рваные раны²⁶.

Тип 1. *Вытянуто-пятиугольные*. В нашем собрании экземпляры 1—162. Найдены в Минусинской котловине (Таштык, погр. 10; Капчалы II, к. 2, 5, 8; Тепсей III, погр. 28, 67; Минусинск, к. 21, 24; Ржавый; Улуг-Биль; Терен-Хол, к. 3). Туве (Чинге, к. 41; Бий-Хем, к. 25, 30; Уюк-Тарлык, к. 51; Туран; Хуй-Бар; Тора-Тал-Арты, к. 4, 19; Хемчик-Бом II, к. 4, 25, 28, 29, 39, 40, 43; Кызыл-Булун), на Алтае (Яконур, к. 1; Гилево III, к. 10), в Казахстане (Зевакинский могильник, к. 97, 100; Бобровский могильник II, к. 1, 6, 11; Текели) и в Монголии (Ихе-Алык). Длина пера от 1,5 до 7,3, ширина пера от 1 до 4,5, длина черешка от 1 до 8 см. Наконечники с пером пятиугольных очертаний, остроугольным острием и прямыми плечиками. Лопастные некоторых экземпляров снабжены отверстиями округлой или полулунной формы (табл. XVIII, 1—9; табл. XIX, 1; табл. XX, 2).

Тип 2. *Удлиненно-шестиугольные*. В нашем собрании экземпляры 163—193. Найдены в Минусинской котловине (Капчалы II, к. 8; Ржавый; Черный Июс; Хызыл-Аал; Базайская), Туве (Тора-Тал-Арты, к. 4; Улуг-Хорум, к. 3; Бий-Хем, к. 28; Туран), на Алтае (Гилево III, к. 10). Длина пера от 3 до 6,5, ширина от 1 до 5, длина черешка от 2,5 до 6 см. Наконечники с пером шестиугольных очертаний, покатыми плечиками. Острие варьирует от остроугольного к тупоугольному. Лопастные при подходе к плечикам иногда снабжены отверстиями округ-

синск, 1902—1924, с. 68; Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, Л., 1929, т. 4, вып. 2, табл. II, 28, 61; Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, с. 48—49; Левашова В. П. Из далекого прошлого..., с. 52; Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк.— Соч. М., 1969, т. 2, с. 495; Николаев Р. В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск.— СА, 1972, № 2, с. 199; Сунчугашев Я. И. Краткие очерки из истории Хакасии. Абакан, 1968, с. 12; См. об этом также: История Сибири, т. 1, с. 299; Архипов Н. Д. Военное дело у хакасов в VI—XII вв.— В кн.: Вопросы науки в трудах молодых ученых Якутии. Якутск, 1971, с. 64—65.

²⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 352; Кюннер Н. В. Китайские известия..., с. 60.

²⁵ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 188, 190.

²⁶ Левашова В. П. Из далекого прошлого..., с. 52.

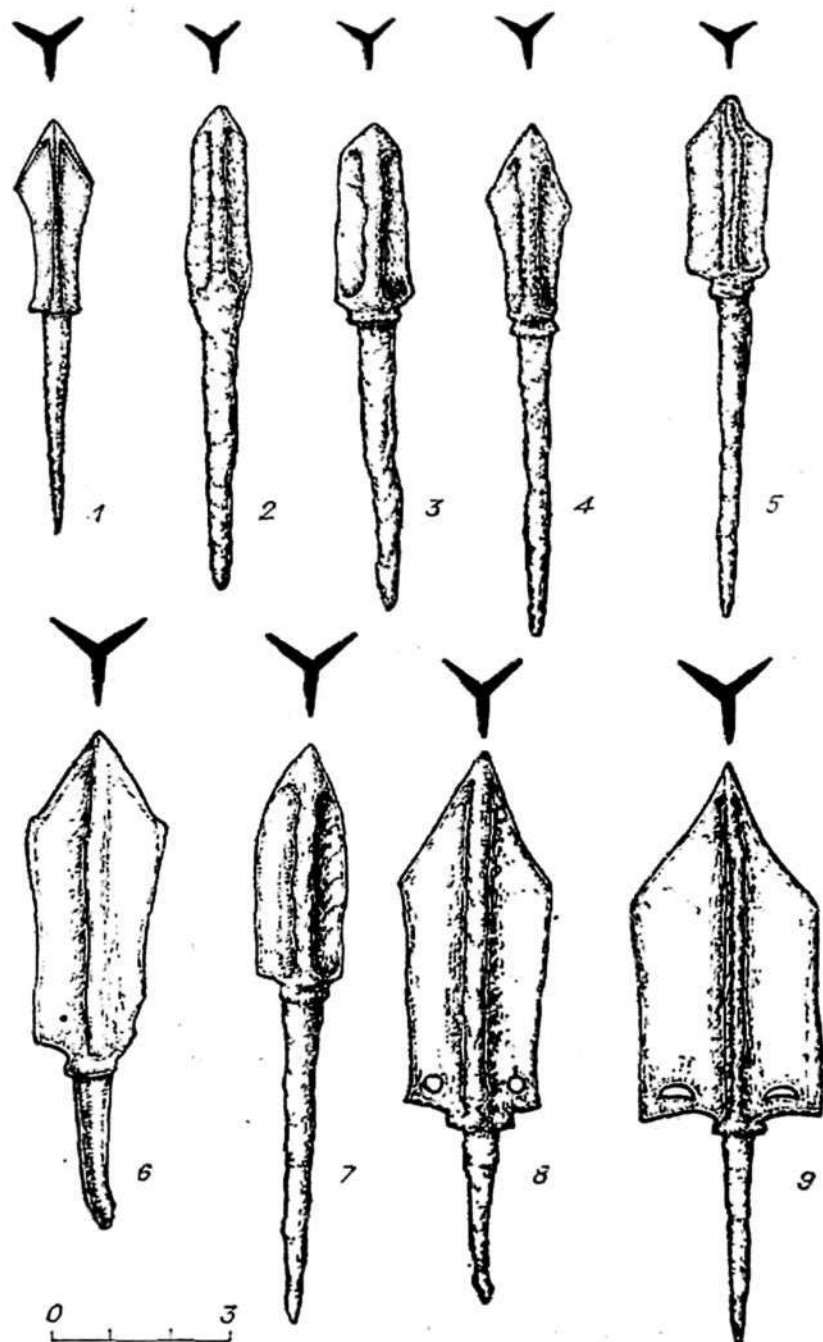

Табл. XVIII. Наконечники стрел.

1—9 — группа I, тип 1.

лой и фигурной формы (табл. XX, 1, 3; табл. XXI, 1—3; табл. XXII, 1; табл. XXIII, 1).

Тип 3. *Томары*. В нашем собрании экземпляры 194—197. Найдены в Минусинской котловине (Капчалы II, к. 2). Длина

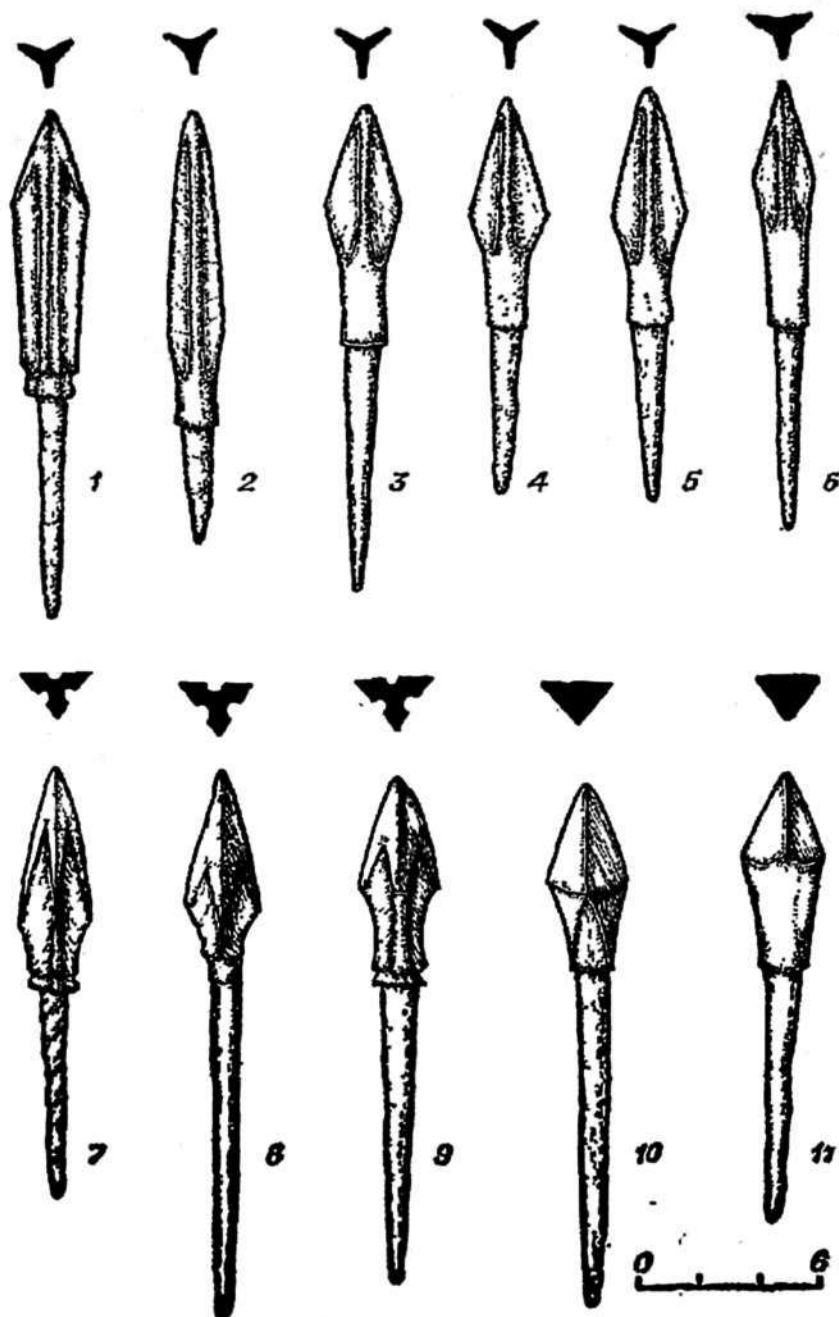

Табл. XIX. Наконечники стрел.

Группа I: 1 — тип 1; 2 — тип 5; 3—6 — тип 7; группа II: 7, 8 — тип 1;
9 — тип 2; группа III: 10, 11 — тип 1.

пера от 4 до 12, ширина от 3 до 5, длина черешка от 5,5 до 10 см. Наконечники с массивными широкими лопастями, тупым острием с небольшим остроугольным выступом в осно-

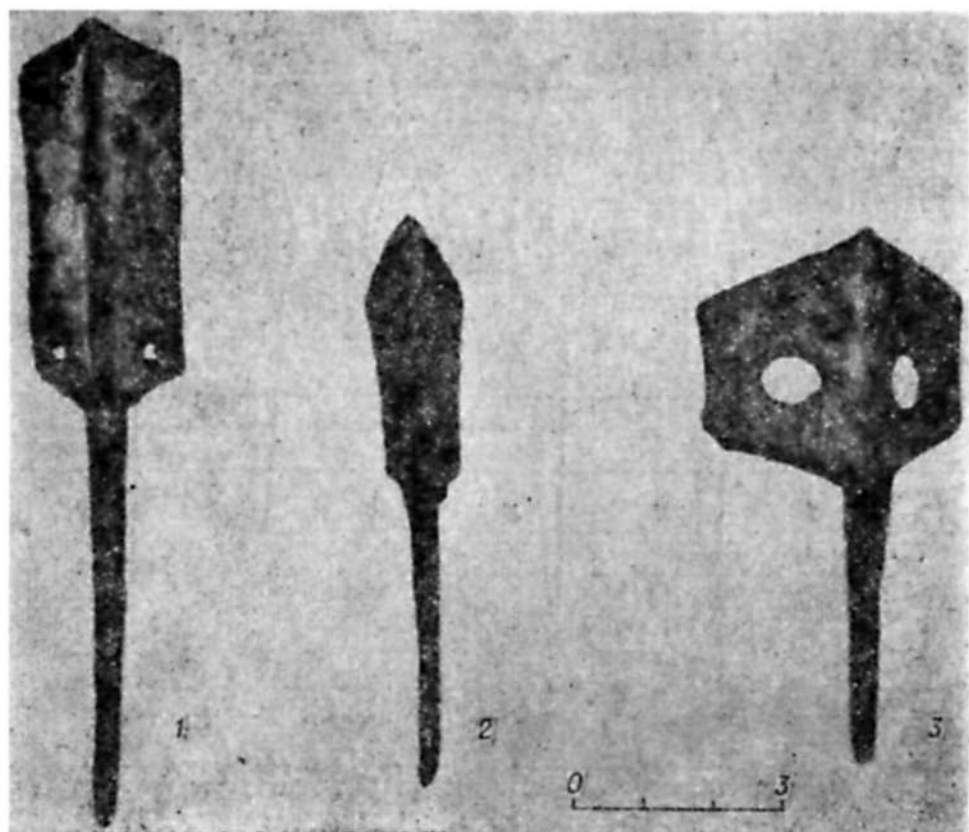

Табл. XX. Наконечники стрел.
Группа I: 1, 3 — тип 2; 2 — тип 1.

вании пера, вогнутыми плечиками. Лопастни при подходе к плечикам снабжены округлыми отверстиями (табл. XXIV, 1).

Тип 4. *Овально-крылатые*. В нашем собрании экземпляры 198—199. Найдены в Минусинской котловине (случайные находки) и в Туве (Тора-Тал-Арты, к. 4). Длина пера от 6 до 6,5, ширина от 3 до 4, длина черешка от 2,5 до 3 см. Наконечники с массивным широким пером, овальным острием, сторонами с выступающими крыльями и покатыми плечиками. Лопастни иногда снабжены округлыми и полулунными отверстиями.

Тип 5. *Асимметрично-ромбические*. В нашем собрании экземпляры 200—250. Найдены в Минусинской котловине (Тепсей III, м. 3, 67; Кизек-Тигей, к. 6; Терен-Хол, к. 3; Ермолаева; Ново-Камышенка; Хызыл-Аал), Туве (Бий-Хем, к. 28, 30; Бегре, к. 39; Чинге, к. 41; Уюк-Тарлык, к. 51; Улуг-Хорум, к. 1, 3; Хуй-Бар; Туран; Кызыл-Булун), на Алтае (Сростки, к. 2; Яконур, к. 1; Гилево III, к. 10), в Казахстане (Зевакинский могильник, к. 97, 100; Текели), в Монголии (Наинтэ-Сумэ). Длина пера от 2,7 до 7,5, ширина от 1,5 до 3,5, длина

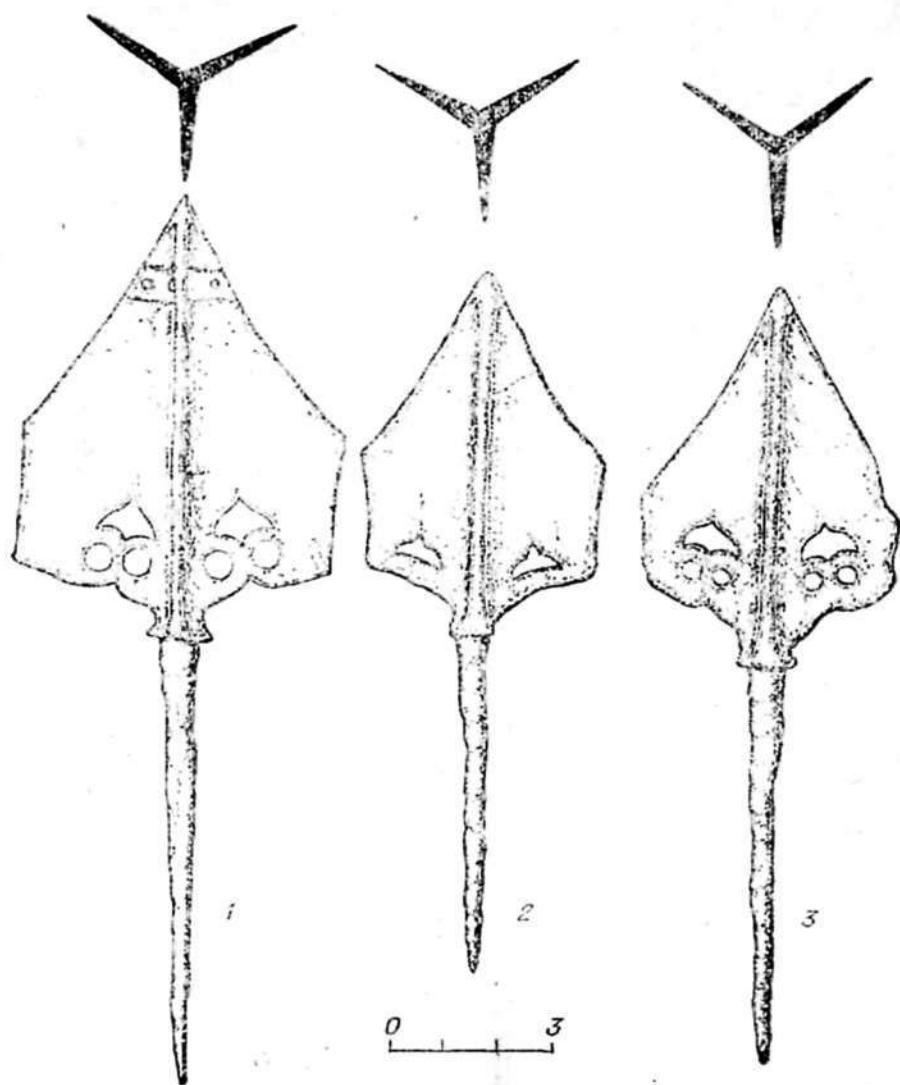

Табл. XXI. Наконечники стрел.
1—3 — группа 1, тип 2.

черешка от 2,5 до 7,5 см. Наконечники с ромбической формой пера, с покатыми и вогнутыми плечиками. Острие варьирует от остроугольного к тупоугольному. Лопасты при подходе к плечикам иногда снабжены фигурными отверстиями (табл. XIX, 2; табл. XXV, 1—6).

Тип 6. *Шипастые*. В нашем собрании экземпляры 260—269. Найдены в Минусинской котловине (Капчалы II, к. 5) и Туве (Бегре, к. 34). Длина пера от 3 до 8, ширина от 1 до 4,5, длина черешка от 3 до 9,7 см. Наконечники с пером прямоугольной формы, плечики которого завершаются остроугольными шипами. Острие пера варьирует от остроугольного к ту-

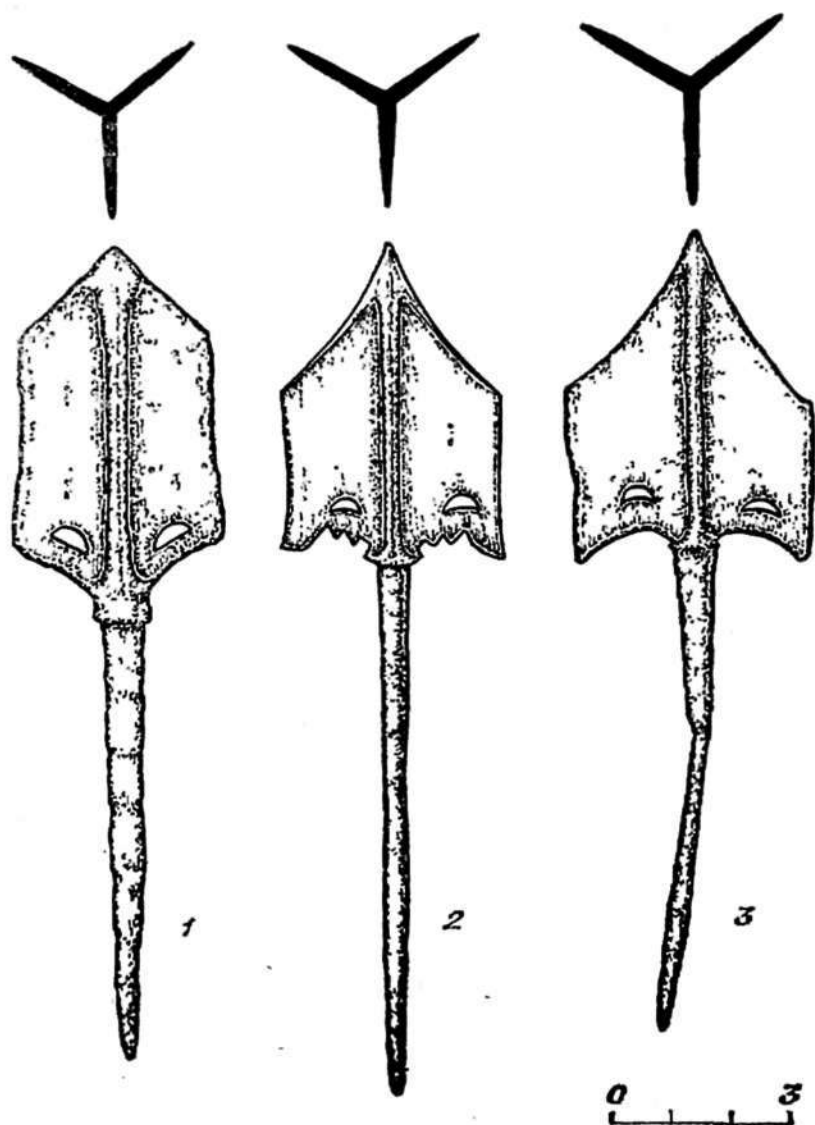

Табл. XXII. Наконечники стрел.
Группа 1: 1 — тип 2; 2, 3 — тип 6.

поугольному. Лопасты иногда снабжаются полулунными отверстиями (табл. XXII, 2, 3; табл. XXVI, 1).

Тип 7. *Боеголовковые*. В нашем собрании экземпляры 270—300. Найдены в Минусинской котловине (Терен-Хол, к. 3), Туве (Уюк-Тарлык, к. 51, 52; Салдам, к. 12; Шаньчиг, к. 19) и Казахстане (Зевакинский могильник, к. 97, 100). Длина пера от 2 до 5, ширина от 1 до 1,5, длина черешка от 2,5 до 5 см. Наконечники с выделенной боевой головкой, остроугольным острием, прямыми и покатыми плечиками, удли-

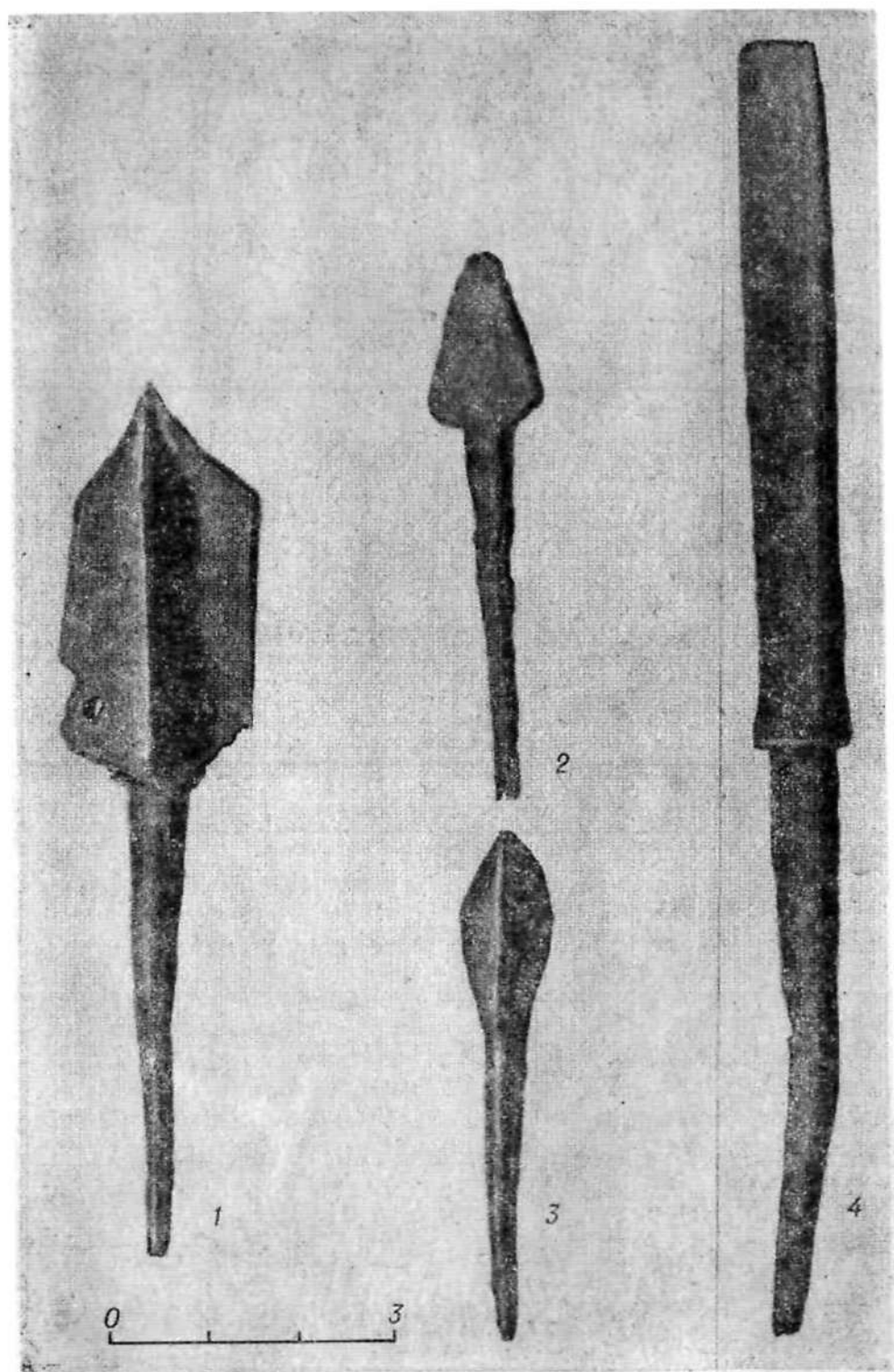

Табл. XXIII. Наконечники стрел.

1 — группа I, тип 2; 2 — группа VI, тип 1; 3 — группа I, тип 5; 4 — группа IV, тип 4.

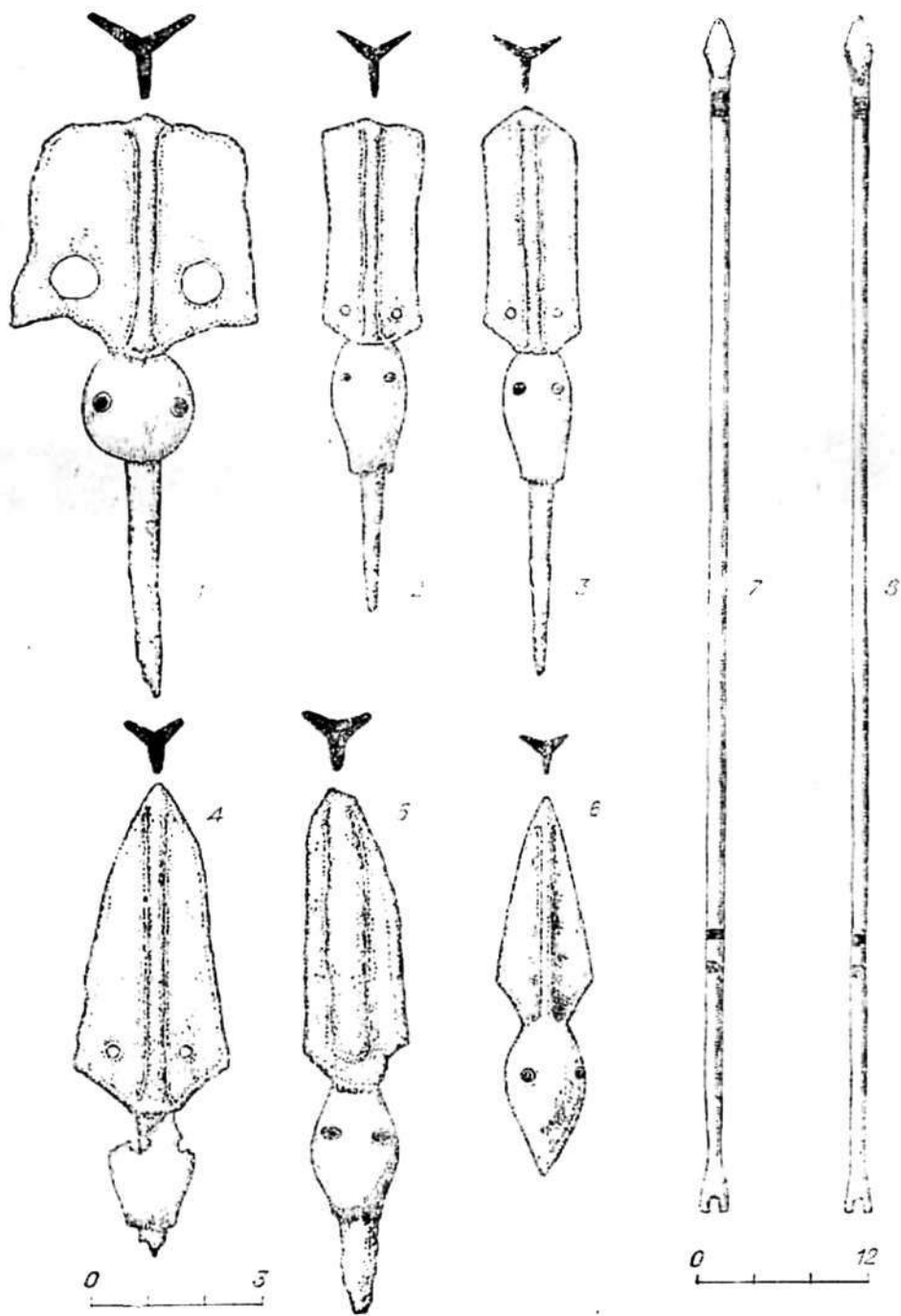

Табл. XXIV. Наконечники стрел.
 Группа I: 1 — тип 3; 2, 3 — тип 2; 4—6 — тип 5; 7, 8 — стрелы

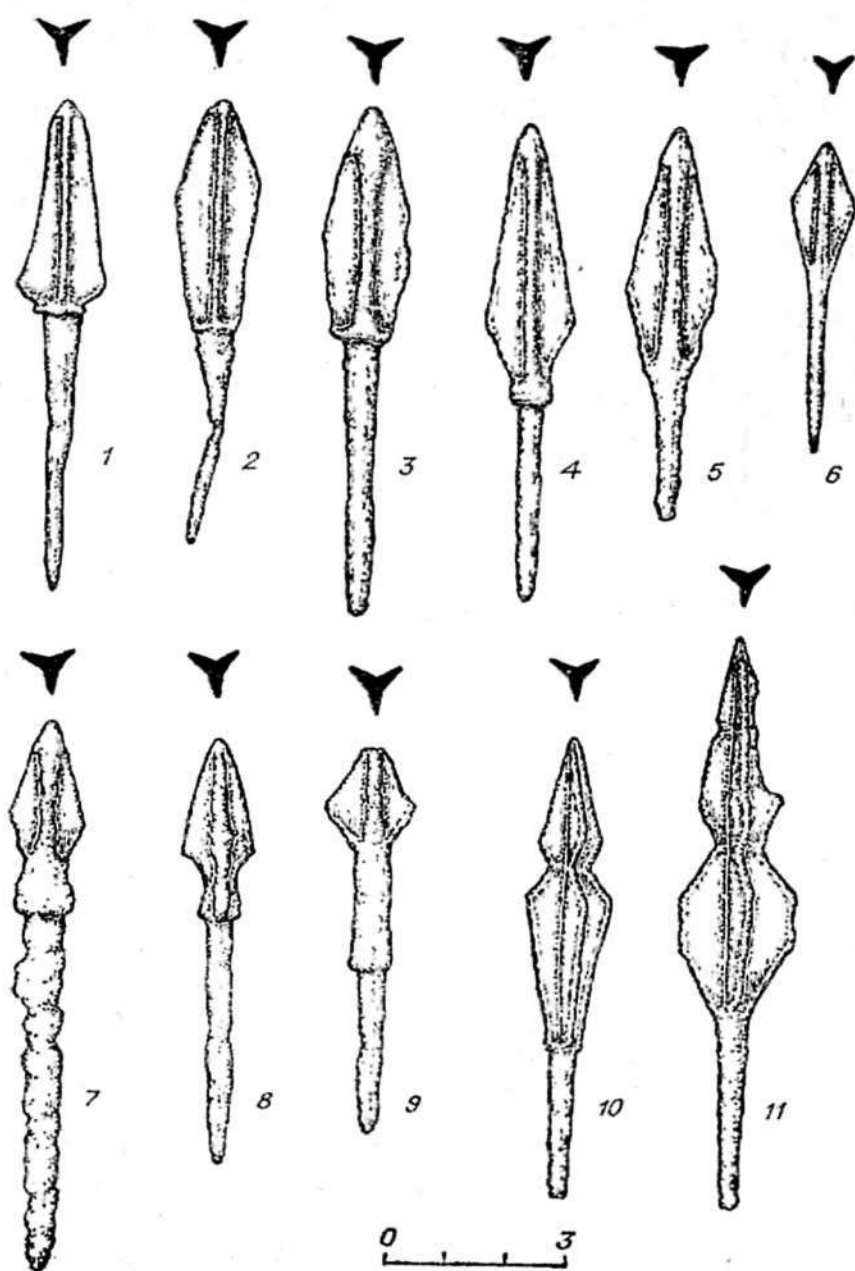

Табл. XXV. Наконечники стрел.
Группа I: 1-7 — тип 5; 8-10 — тип 7; 11 — тип 9.

ненной шейкой с упором (табл. XIX, 3-6; табл. XXV, 7-9; табл. XXVII, 7-12; табл. XXVIII, 3; табл. XXIX, 6).

Тип 8. Удлиненно-треугольные. В нашем собрании экземпляры 301-304. Найдены в Минусинской котловине (Капчалы, к. 2; Хызыл-Аал; Базайская). Длина пера от 3,5 до 6,5, шири-

Табл. XXVI. Наконечники стрел.

1 — группа I, тип 6; 2 — группа III, тип 1.

ются небольшими декоративными шипами (табл. XXV, 10, 11, табл. XXX, 3, 4).

Группа II. Трехгранно-трехлопастные. Отличительной особенностью наконечников данной группы является трехгранное сечение ударных граней пера и трехлопастное сечение плечиков. Подобные наконечники стрел представляют собой переходную форму от трехлопастных к трехгранным.

Тип 1. *Асимметрично-ромбические*. В нашем собрании экземпляры 331—349. Найдены в Минусинской котловине (Ржавый), Туве (Турац, к. 123; Шаньчиг, к. 1, 9; Хемчик-Бом II, к. 43; Улуг-Хорум, к. 1) и Казахстане (Текели). Длина пера от 2,5 до 6, ширина от 1 до 1,7, длина черешка от 2 до 6 см.

Наконечники с монолитной ромбической боевой головкой, остроугольным пером, трехлопастными плечиками (табл. XIX, 7, 8).

Тип 2. *Боеголовковые*. В нашем собрании экземпляры 350—371. Найдены в Туве (Бий-Хем, к. 30а; Тора-Тал-Арты, к. 19; Шаньчиг, к. 2). Длина пера от 2 до 4,5, ширина от 1 до 1,5, длина черешка от 1,5 до 5,5 см. Наконечники с монолитной боевой головкой, остроугольным острием, прямыми плечиками, трехлопастной шейкой, заканчивающейся упором (табл. XIX, 9).

а от 1 до 1,5, длина черешка от 4,5 до 6,6 см. Наконечники удлиненно-треугольной формы пера, с остроугольным острием, параллельными сторонами и прямыми плечиками.

Тип 9. *Ярусные*. В нашем собрании экземпляры 305—330. Найдены в Минусинской котловине (Ладейское). Длина пера от 5 до 9, ширина от 1,5 до 4, длина черешка от 2,5 до 8,5 см. Наконечники с остроугольным острием, тупоугольным или остроугольным уступами сторон лопастей, покатыми плечиками. Лопастей иногда снабжены округлыми отверстиями. У некоторых из наконечников плечики лопастей заверша-

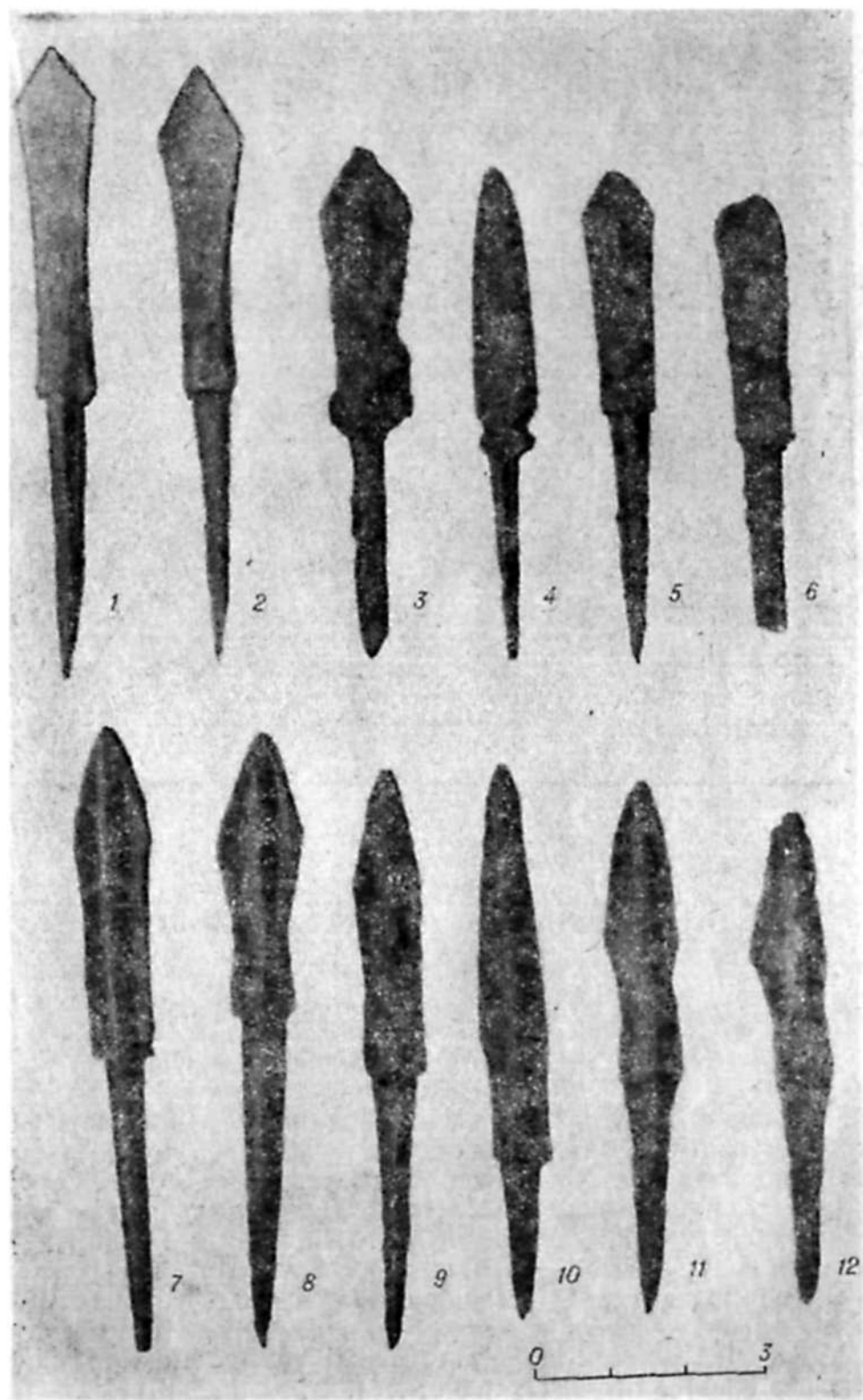

Табл. XXVII. Наконечники стрел.
1-5 — группа II, тип 2; 7-12 — группа I, тип 7; 6 — группа IV, тип 4.

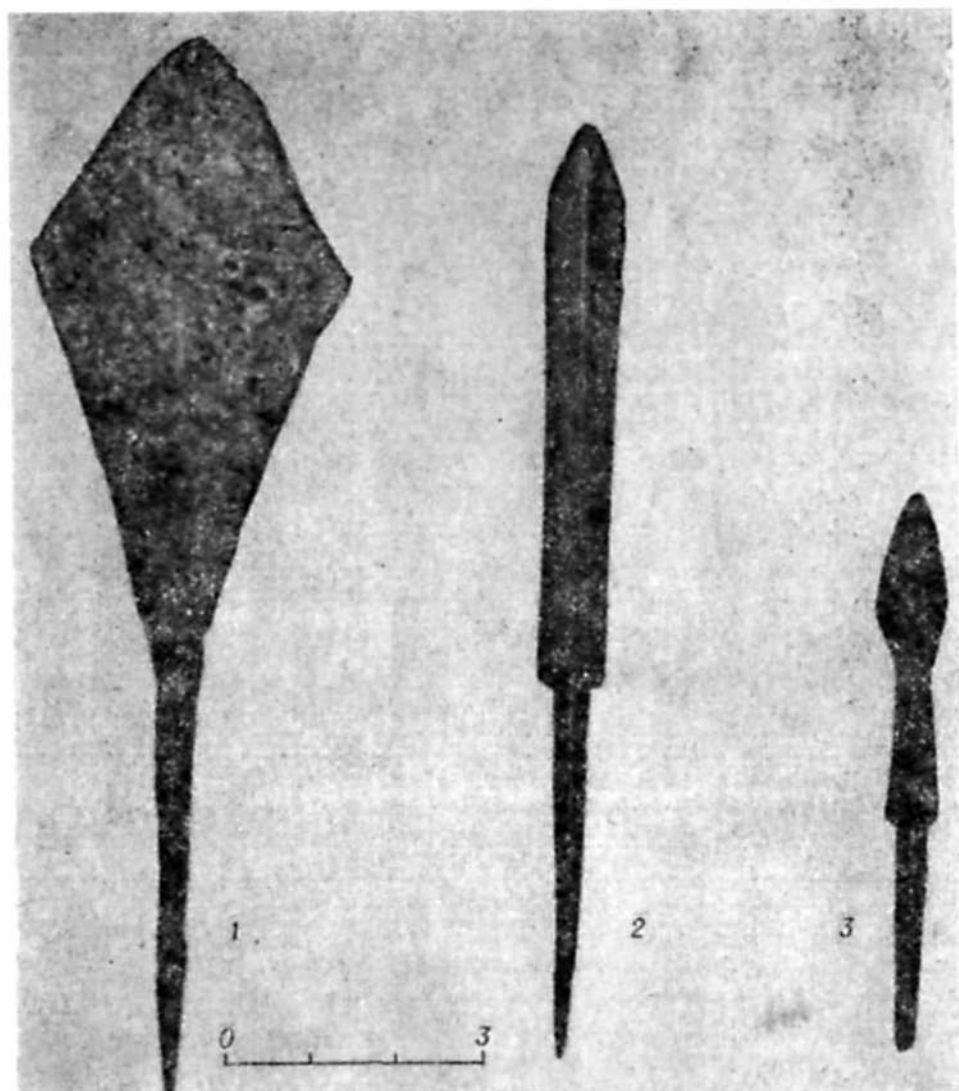

Табл. XXVIII. Наконечники стрел.

1 — группа VI, тип 2; 2 — группа IV, тип 3; 3 — группа I, тип 7.

Группа III. Трехгранные. Наконечники данной группы отличаются от других прежде всего трехгранной монолитной боевой головкой, завершающейся упором.

Тип 1. *Асимметрично-ромбические*. В нашем собрании экземпляры 372—377. Найдены в Туве (Шаньчиг, к. 18; Хемчик-Бом II, к. 47; Тора-Тал-Арты, к. 4) и Казахстане (Бобровский могильник II, к. 1, 6, 11). Длина пера от 3 до 3,5, ширина от 1,3 до 1,8, длина черешка от 4,2 до 7 см. Наконечники с монолитной боевой головкой, остроугольным острием, выступающим упором (табл. XIX, 10, 11; табл. XXVI, 2).

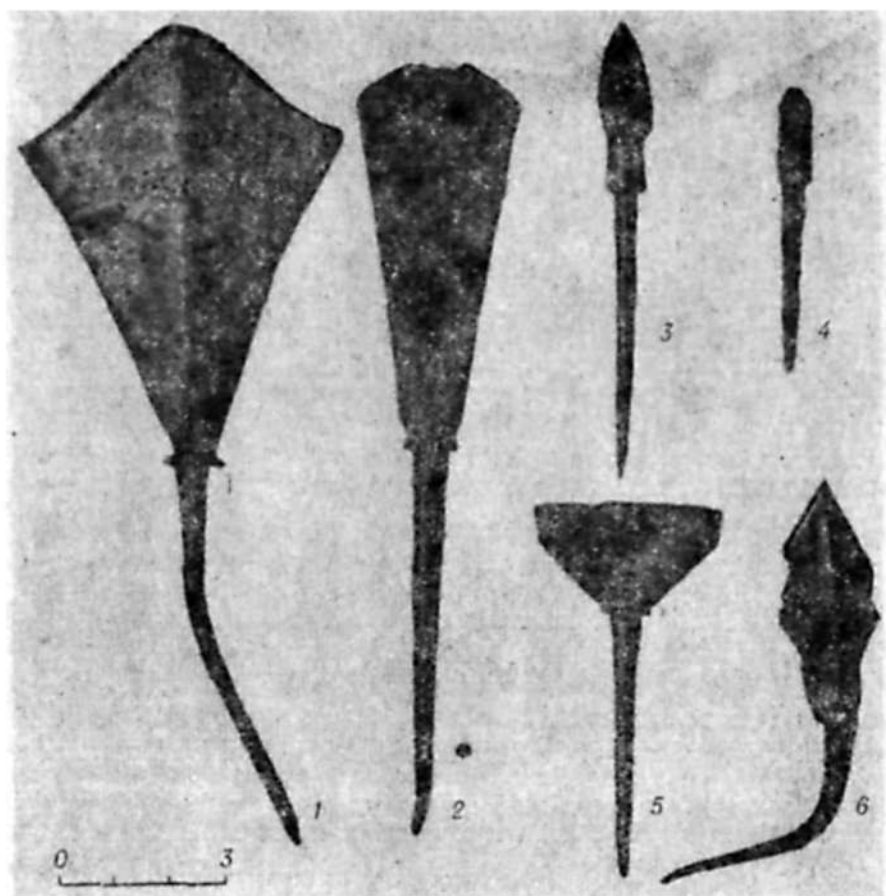

Табл. XXIX. Наконечники стрел.

1, 2 — группа VI, тип 2; 3 — группа III, тип 2; 4 — группа IV, тип 3; 5 — группа VI, тип 3; 6 — группа I, тип 7.

Тип 2. *Боеголовковые*. В нашем собрании экземпляры 378—387. Найдены в Туве (Туран, к. 112; Салдам). Длина пера от 1,7 до 4,5, ширина от 1 до 1,5, длина черешка от 3,5 до 6 см. Наконечники с монолитной боевой головкой, остроугольным острием, прямыми плечиками, удлиненной шейкой, завершающейся упором (табл. XXIX, 3).

Группа IV. *Четырехгранные*. Отличительной особенностью наконечников данной группы является четырехгранная монолитная боевая головка с упором.

Тип 1. *Асимметрично-ромбические*. В нашем собрании экземпляры 388—402. Найдены в Минусинской котловине (Черная, к. 12), Туве (Уюк-Тарлык, к. 51; Шапчыг, к. 18; Тора-Тал-Арты, к. 4; Саглы, к. 9) и Казахстане (Зевакинский могильник, к. 97; Бобровский могильник II, к. 1, 6, 11). Длина пера от 2 до 4,5, ширина от 1 до 1,2, длина черешка от 3 до 3,5 см. Наконечники с ромбической боевой головкой, завер-

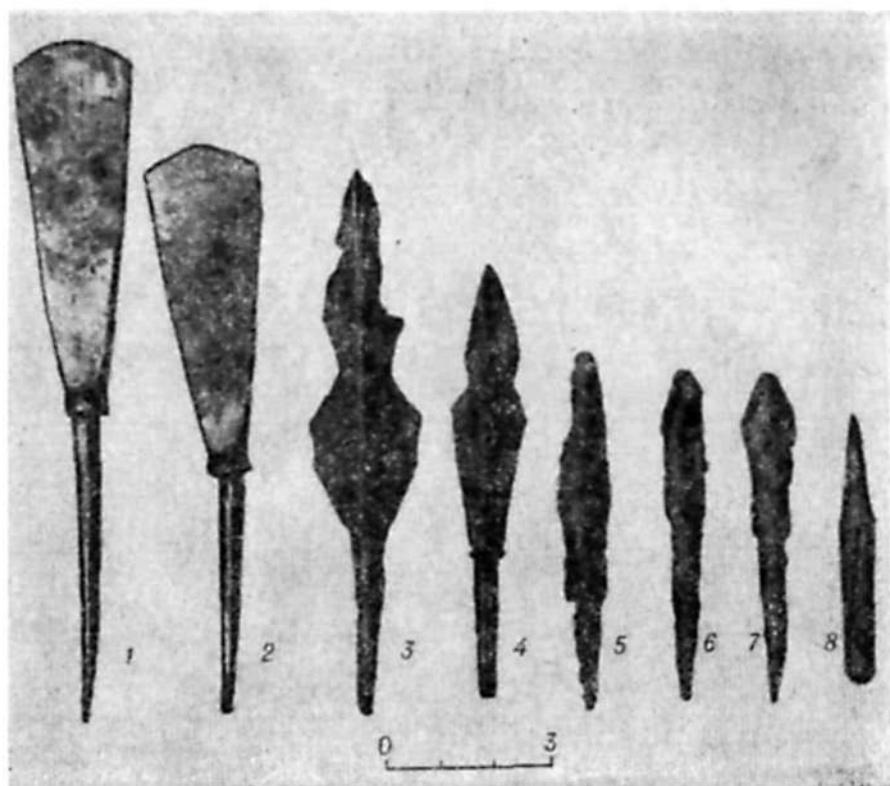

Табл. XXX. Наконечники стрел.

1, 2 — группа I, тип 9; 3, 4 — группа I, тип 7; 5—7 — группа VI, тип 2; 8 — группа IV, тип 5.

шающей упором и остроугольным острием (табл. XXXI, 1; табл. XXXII, 1—5).

Тип 2. *Боеголовковые*. В нашем собрании экземпляры 409—445. Найдены в Минусинской котловине (Черная, к. 12; Кизек-Тигей, к. 3), Туве (Уюк-Тарлык, к. 50, 51; Бегре, к. 34; Малиновка, к. 1; Шаньчиг, к. 23; Саглы, к. 40; Тора-Тал-Арты, к. 4), на Алтае (Нечунаево, к. 2) и в Казахстане (Зевакинский могильник, к. 97). Длина пера от 2,7 до 7, ширина от 1 до 1,5, длина черешка от 2,5 до 6 см. Наконечники с ромбической боевой головкой, остроугольным острием, удлиненной шейкой, завершающейся упором (табл. XXXI, 2—4).

Тип 3. *Удлиненно-треугольные*. В нашем собрании экземпляры 446—454. Найдены в Минусинской котловине (Хырхаса; Малиновый лог), Туве (Уюк-Тарлык, к. 50; Шаньчиг, к. 23; Улуг-Хорум, к. 1; Кызыл-Булун) и Казахстане (Зевакинский могильник, к. 97). Длина пера от 2,5 до 6,5, ширина головки 1, длина черешка от 0,5 до 7,8 см. Наконечники с удлиненно-треугольной боевой головкой, остроугольным острием, параллельными гранями и упором. Иногда на гранях при под-

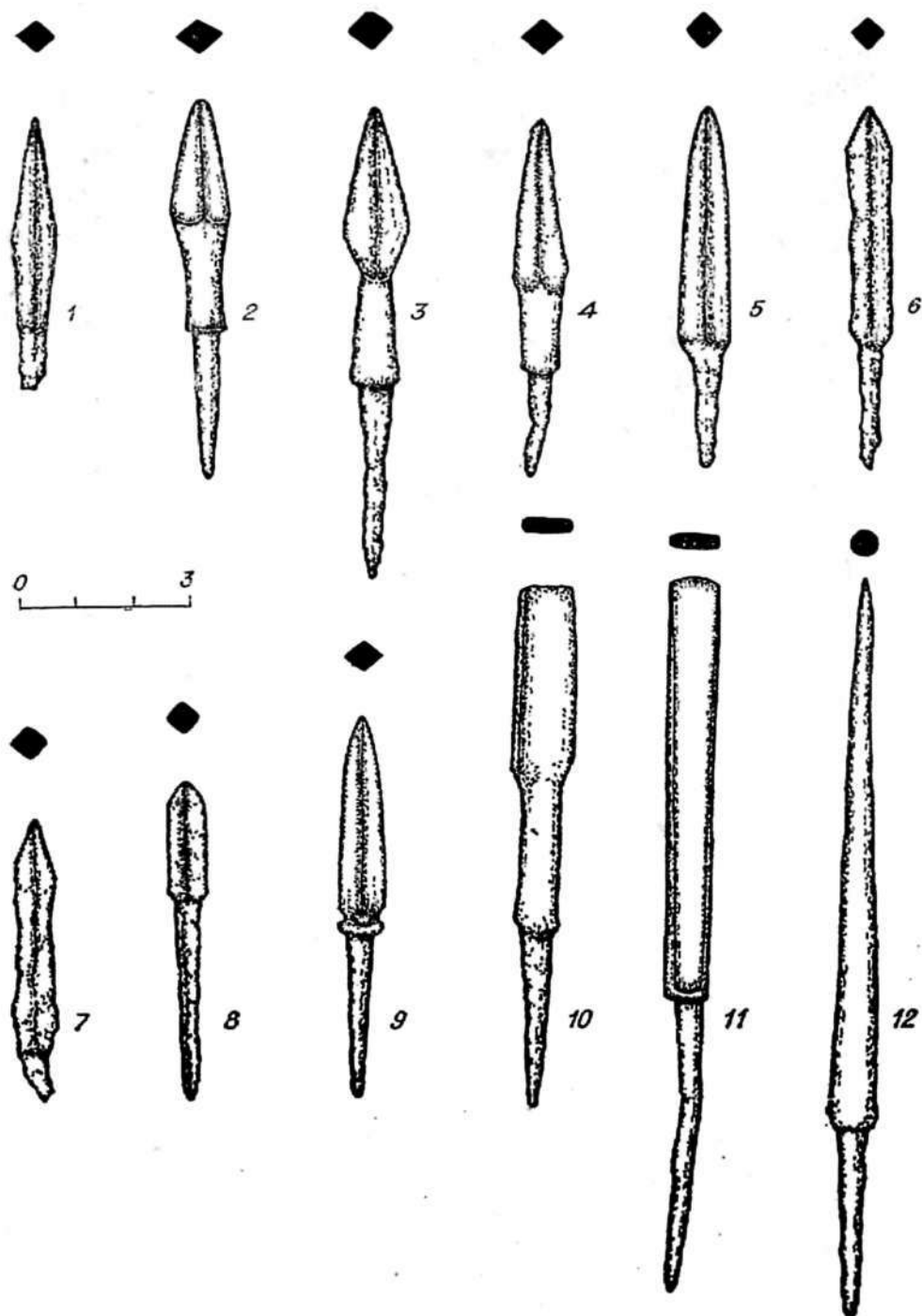

Табл. XXXI. Наконечники стрел.

Группа IV: 1 — тип 1; 2—4 — тип 2; 5—9 — тип 3; 10, 11 — тип 4; 12 — группа V, тип 2.

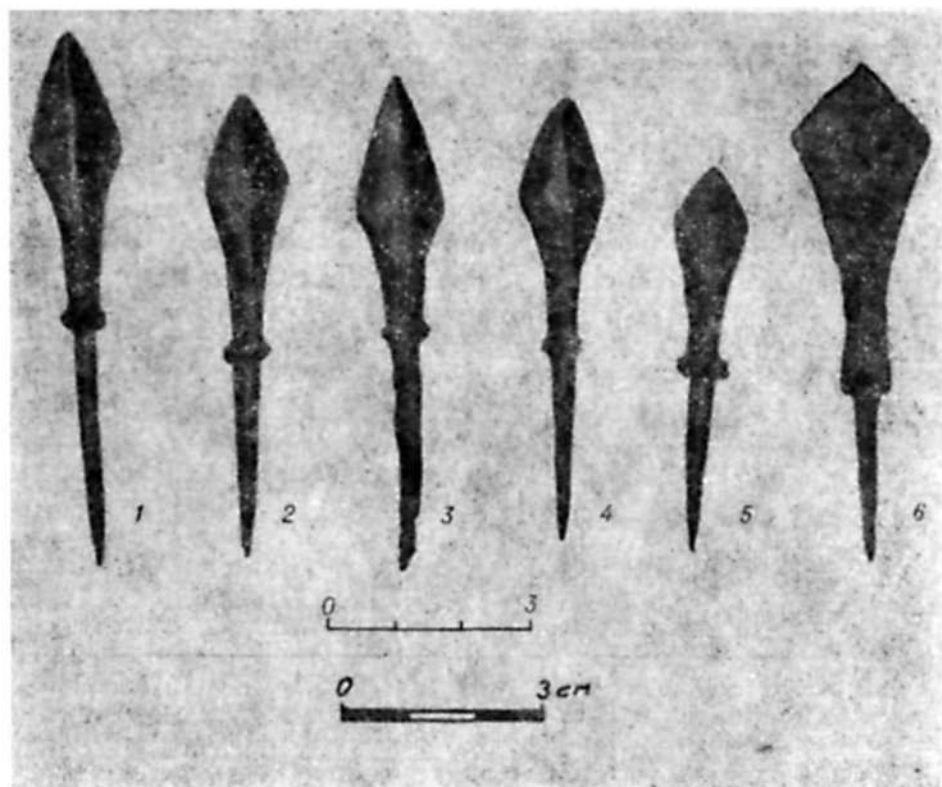

Табл. XXXII. Наконечники стрел.
1—5 — группа IV, тип 1; 6 — группа VI, тип 2.

ходе к упору имеются выемки перехвата (табл. XXVIII, 2; табл. XXIX, 4; табл. XXX, 8; табл. XXXI, 5—9).

Тип 4. *Томары*. В нашем собрании экземпляры 455—467. Найдены в Минусинской котловине (Черная, к. 12; Све-Тух, к. 3, Ржавый; Сартыков), Туве (Уюк-Тарлык, к. 5; Шаньчиг, к. 23; Бай-Даг; Кызыл-Булун) и в Казахстане (Текели). Длина пера от 2,5 до 7, ширина пера 1, длина черешка от 2 до 3,5 см. Наконечники с вытянуто-трапециевидным пером, тупым острием и упором (табл. XXIII, 4; табл. XXXI, 10, 11).

Группа V. *Круглые*. Отличительная особенность наконечников данной группы — округлое в сечении, удлиненное «пулевидное» перо.

Тип 1. *Вытянуто-прямоугольные*. В нашем собрании экземпляры 468—470. Найдены в Туве (Шаньчиг, к. 23) и Казахстане (Зевакинский могильник, к. 100). Длина пера 5, ширина 0,7, длина черешка 4,5 см. Наконечник с вытянуто-цилиндрическим пером, остроугольным острием, завершающимся упором.

Тип 2. *Удлиненно-треугольные*. В нашем собрании экземпляр 471. Найден в Минусинской котловине (Хырхаса). Длина пера 10, ширина 0,8, длина черешка 3,5 см. Наконечник с па-

раллельно сужающимися гранями, остроугольным острием и упором (табл. XXXI, 12).

Группа VI. Плоские. Наконечники этой группы отличаются от других прежде всего плоским пером, завершающимся упором. Подобные наконечники наиболее просты в изготовлении.

Тип 1. *Удлиненно-треугольные*. В нашем собрании экземпляры 472—475. Найдены в Минусинской котловине (Хырхаса; Базайская) и в Туве (Шаньчиг, к. 23; Хемчик-Бом II, к. 14). Длина от 4,6 до 6, ширина от 0,8 до 1, длина черешка от 3,5 до 4 см. Наконечники с узким треугольным пером, остроугольным острием, прямыми плечиками (табл. XXIII, 2; табл. XXXIII, 1).

Тип 2. *Асимметрично-ромбические*. В нашем собрании экземпляры 476—653. Найдены в Минусинской котловине (Быстрая, к. 3; Уйбат II, к. 1; Есь; Ташеба, к. 5; Оглахты III, к. 3; Терен-Хол, к. 3; Базайская; Ржавый), Туве (Бай-Даг; Уюк-Тырлык, к. 51; Берге, к. 34; Туран; Шагонар; Кызыл-Булу; Шаньчиг, к. 23; Тора-Тал-Арты, к. 4; Улуг-Хорум, к. 1, 3; Демир-Суг, к. 1; Ортаа-Хем II, к. 8; Малиновка, к. 1; Хемчик-Бом, к. 34) и в Казахстане (Бобровский могильник II, к. 1, 6, 11). Длина пера от 2 до 10, ширина от 1 до 6, длина черешка от 1 до 8 см. Наконечники с ромбической формой пера, выступающим упором. Острие пера варьирует от остроугольного к тупоугольному (табл. XXVII, 1—5; табл. XXVIII, 1; табл. XXIX, 1, 2; табл. XXX, 1, 2, 5—7; табл. XXXII, 6; табл. XXXIII, 2—5, 7, 8, 10, 11; табл. XXXIV, 1—3, 6; табл. XXXV, 1, 3).

Тип 3. *Боеголовковые*. В нашем собрании экземпляры 654—690. Найдены в Минусинской котловине (Кизек-Тигей, к. 1; Тюхтаты) и в Туве (Уюк-Тарлык, к. 51; Демир-Суг; к. 1). Длина пера от 1,3 до 8, ширина от 1 до 2, длина черешка от 2,5 до 5,7 см. Наконечники с выделенной боевой головкой, остроугольным острием, прямыми плечиками, удлиненной шейкой с упором (табл. XXXIV, 4).

Тип 4. *Томары*. В нашем собрании экземпляры 691—732. Найдены в Минусинской котловине (Черная, к. 12; Терен-Хол, к. 3; Ладейское; Конгурэ) и в Туве (Бай-Даг; Уюк-Тарлык, к. 51; Шаньчиг, к. 23). Длина пера от 2,5 до 8, ширина от 0,8 до 6, длина черешка от 2 до 9 см. Наконечники с прямоугольной формой пера, тупым широким острием, пологими плечиками, с упором (табл. XXIX, 5; табл. XXXIV, 6).

Тип 5. *Овально-крылатые*. В нашем собрании экземпляры 733—744. Найдены в Минусинской котловине (Сарагашенский спуск): Длина пера от 3,5 до 4, ширина от 2 до 5, длина черешка от 5,5 до 6 см. Наконечники с плоским овальным пером, округлым острием, выступающими крыльями сторон, покатыми плечиками и упором (табл. XXXIII, 9).

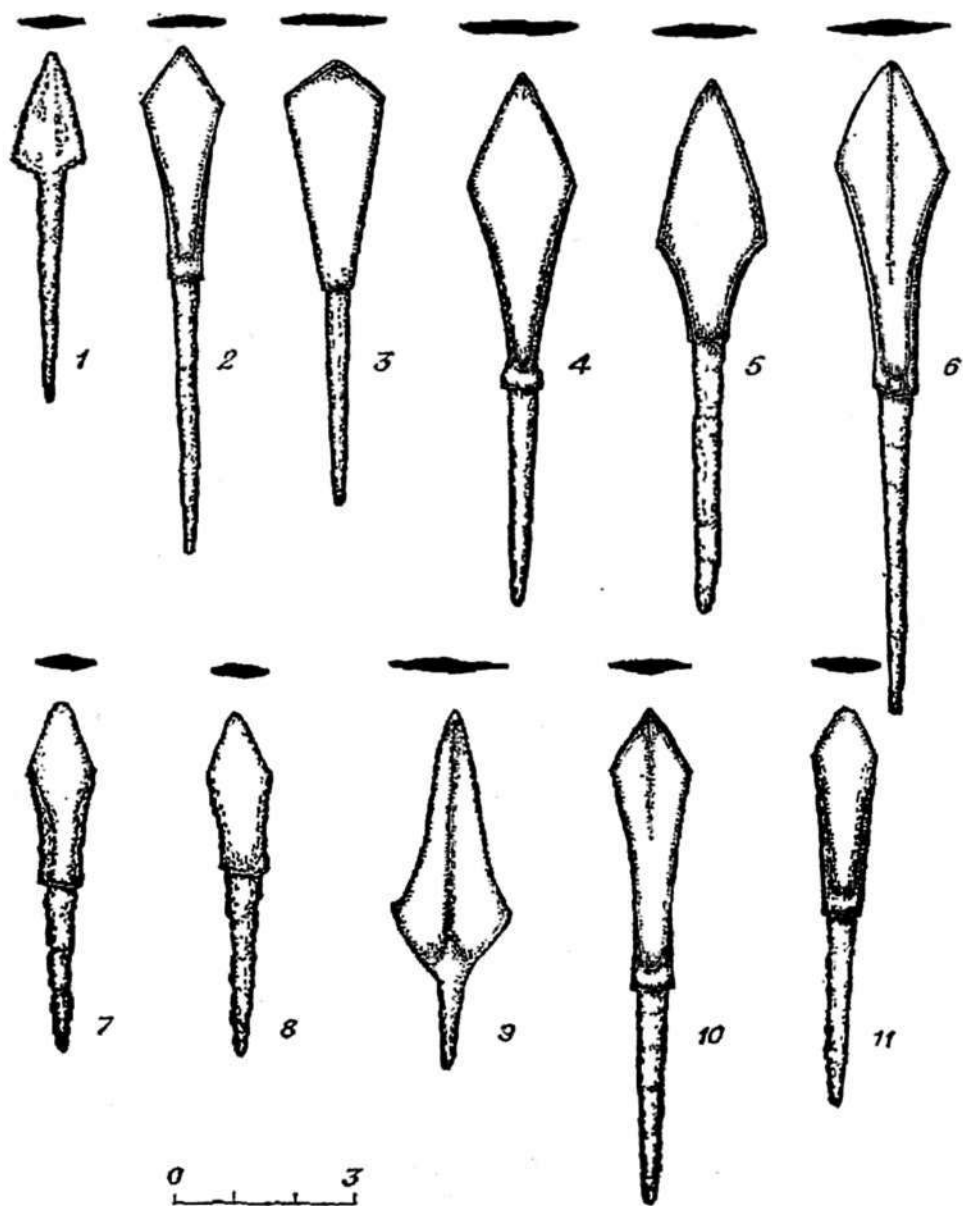

Табл. XXXIII. Наконечники стрел.
 Группа VI: 1 — тип 1; 2—5, 7, 8, 10, 11 — тип 2; 6 — тип 3; 9 — тип 5.

Группа VII. Двухлопастные. Отличительной особенностью наконечников данной группы является двухлопастное плоское сечение пера с выступающим по центру ребром основания пера. Их можно отнести к типу асимметрично-ромбических. В нашем собрании экземпляры 745—750. Найдены в Минусинской котловине (Ржавый) и в Туве (Тора-Тал-Арты, к. 4). Длина пера от 6,5 до 8, ширина от 3 до 3,5, длина череш-

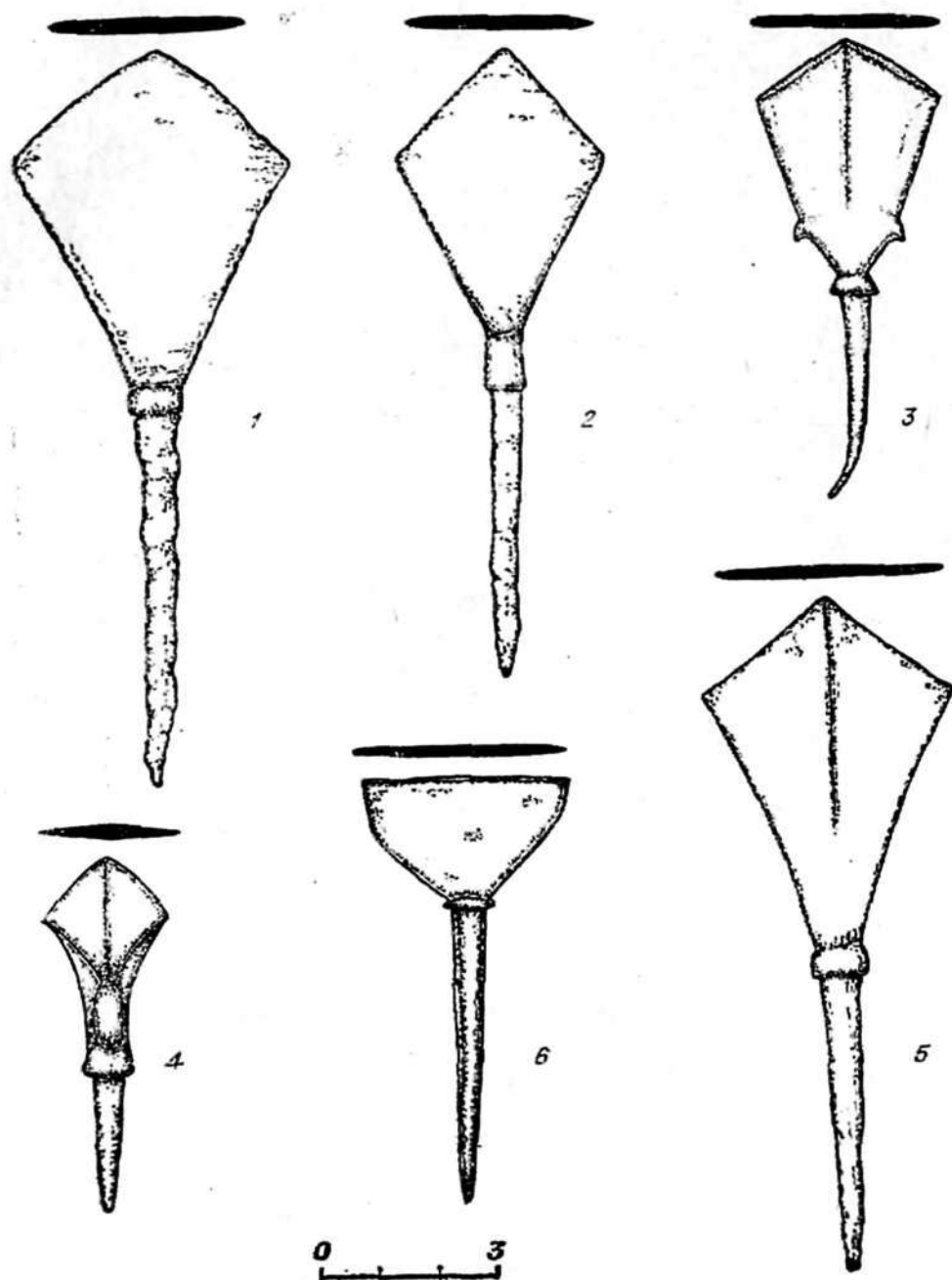

Табл. XXXIV. Наконечники стрел.

Группа VI: 1 — 3, 5 — тип 2; 4 — тип 3; 6 — тип 4.

ка от 1,5 до 2 см. Наконечники с ромбической формой пера, остроугольным острием, покатыми плечиками.

О бытовании различных типов железных наконечников стрел в генетически предшествующую кыргызской таштык-

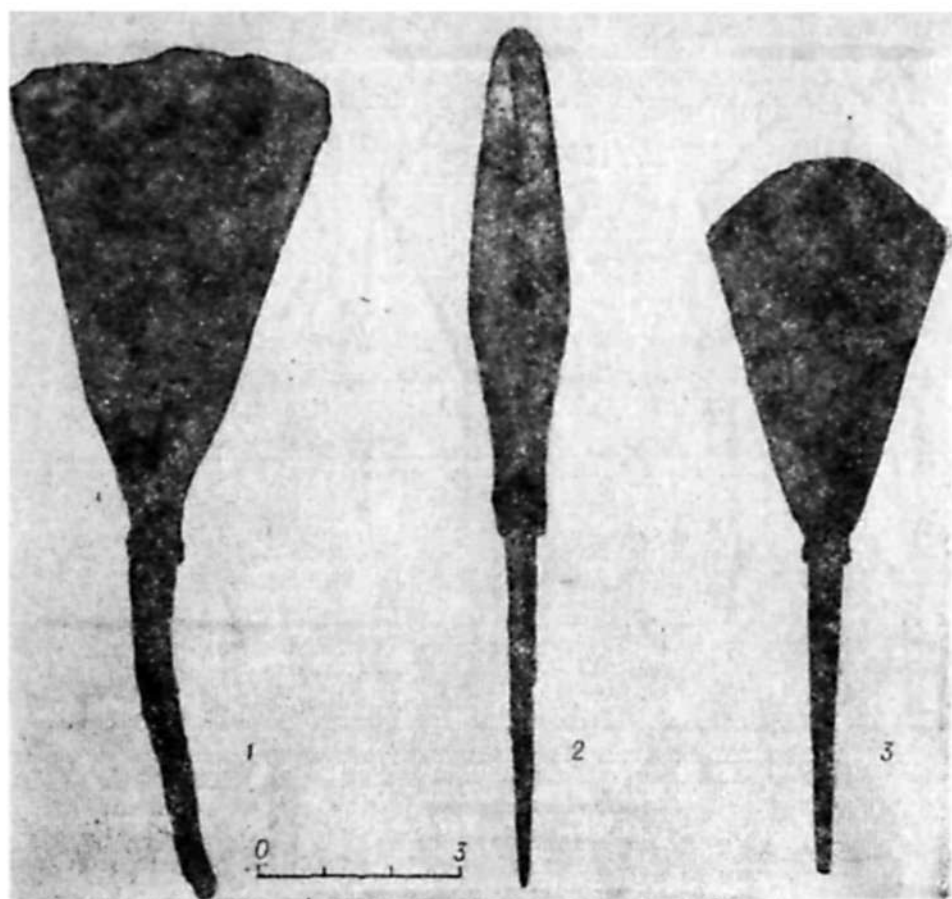

Табл. XXXV. Наконечники стрел.
1—3 — группа VI, тип 2.

скую эпоху известно немного. В таштыкских памятниках III—V вв. встречаются трехлопастные асимметрично-ромбические, ярусные, удлиненно-треугольные.

В VI—VIII вв. данные типы трехлопастных наконечников стрел претерпевают дальнейшую эволюцию. Асимметрично-ромбические становятся массивнее; острие пера, наряду с остроугольным, приобретает тупоугольные очертания; плечики лопастей иногда имеют вогнутую форму; на лопастях делают отверстия.

Наряду с асимметрично-ромбическими в это время появляются трехлопастные наконечники с вытянуто-пятиугольными очертаниями пера, которые вплоть до конца I тыс. н. э. были основным типом. Функционально они предназначались для поражения незащищенного панцирем противника. Такие наконечники наиболее устойчивы в полете, с их распространением значительно возросли дальность и эффективность прицельной стрельбы из лука.

Если асимметрично-ромбические и вытянуто-пятиугольные наконечники применялись главным образом для поражения незащищенного противника, то для ярусных и удлиненно-треугольных возможно было и иное, специализированное использование.

Ярусные наконечники, распространенные преимущественно на таежной периферии Минусинской котловины, сохраняли высокие баллистические качества широколопастного наконечника с проникающими ударными свойствами выделенной боевой головки. Подобные наконечники, как и удлиненно-треугольные, очевидно, предназначались для поражения противника, защищенного не металлическим доспехом, а покрытием из иных материалов: кожи, войлока, кости и др. Если воин имел небольшой нагрудный панцирь, служивший защитой от ударов копья, то его противник мог достаточно эффективно использовать такие стрелы для нанесения глубокой болезненной раны, для ограничения действия щита и т. д. О том, что ярусные наконечники применяли и для поражения незащищенного противника, свидетельствуют большая величина лопастей и остроугольное оформление яруса некоторых экземпляров.

В IX—X вв. трехлопастные наконечники претерпевают дальнейшие изменения. Как уже отмечалось, наиболее распространены в этот период вытянуто-пятиугольные наконечники. Наряду с ними и асимметрично-ромбическими для поражения незащищенного противника использовались удлиненно-шестиугольные наконечники и томары. При формально-типологических различиях в устройстве пера они близки в конструктивном решении сторон лопастей, острия, весовых соотношениях. Да и в формально-типологическом отношении некоторые асимметрично-ромбические приближаются к удлиненно-шестиугольным, а томары — к вытянуто-пятиугольным.

Однако среди наиболее распространенных вытянуто-пятиугольных наконечников наблюдаются существенные расхождения в размерах и соотношении сторон острия, плечиков. Наряду с массивными широколопастными наконечниками выделяются узколопастные с вытянутыми сторонами, усиленным граненым острием. Функционально подобные наконечники предназначались для пробивания брони. Более специализированные функции, в том числе поражение незащищенного противника, благодаря своей конструкции имели шипастые и боеголовковые. Так, назначением шипастых было застревание в теле противника, а боеголовковых — более глубокое проникновение ударной боевой головки в тело. Трехлопастные наконечники использовались и для того, чтобы вывести из строя боевого коня противника.

В IX—X вв. для поражения незащищенного противника начинают применять и плоские наконечники: асимметрично-ромбические, удлинненно-треугольные, томары. Впервые плоские асимметрично-ромбические наконечники стали известны в Минусинской котловине еще в таштыкскую эпоху, однако не получили широкого распространения. Появление плоских наконечников у кыргызов в IX—X вв. можно связывать с выходом их в Центральную Азию и знакомством с военным искусством монгольских племен. В качестве редкой формы встречены двухлопастные наконечники. Применением и усовершенствованием конструкции панцирного доспеха у кыргызов обусловлено было широкое распространение граненых бронебойных наконечников стрел. В IX—X вв. появляются трехгранно-трехлопастные наконечники, сохранявшие трехлопастную конструкцию сторон, плечиков, шейки и трехгранное сечение острия и ударных граней. В дальнейшем наконечники подобной конструкции, достаточно эффективные для пробивания брони, но сложные в изготовлении, повсеместно заменяются трехгранными и четырехгранными с остроугольной монолитной боевой головкой. Близкие по конструкции боевой головке эти наконечники различаются как асимметрично-ромбические и боеголовковые, благодаря наличию у последних удлинненной шейки, способствовавшей более глубокому проникновению в тело противника.

Наряду с бронебойными наконечниками, предназначенными для пробивания брони пластинчатого панциря, выделяются наконечники со специализированной функцией раздвижения колец кольчуги: четырехгранные удлинненно-треугольные; круглые удлинненно-треугольные и вытянуто-пятиугольные, а также наконечники для рассеечения колец кольчуги — четырехгранные томары.

XI—XII вв. в развитии наконечников стрел у кыргызов можно назвать новым этапом. Резко уменьшается количество трехлопастных наконечников, и они уже не имеют прежнего значения.

Для поражения незащищенного противника применяют преимущественно небольшие асимметрично-ромбические, вытянуто-пятиугольные и боеголовковые наконечники с узкими вытянутыми лопастями и трехгранным сечением острия; возможно, их использовали и в качестве бронебойных. Очень редко встречаются трехлопастные наконечники неизвестной ранее формы — овально-крылатые с широкими лопастями, выступающими крыльями и округлым острием. Наряду с поражением незащищенного противника, их могли применять и для нанесения раны боевому коню. Основную роль в поражении незащищенного противника играли плоские наконечники, большинство из которых имеет асимметрично-ромбическую форму. Плоские наконечники, проигрывая трехло-

пастным в баллистическом отношении, значительно проще в изготовлении, что существенно сказалось на увеличении количества стрел в колчане и повысило частоту и интенсивность стрельбы, хотя и несколько сократило дистанцию полета стрелы. Для асимметрично-ромбических наконечников XI—XII вв. характерны различные размеры — от миниатюрных до массивных, а также тупоугольное острие с небольшим ребром по центру, покатые плечики, переходящие в уплощенный упор. Тупоугольное острие способствовало не только нанесению широкой раны, но обладало некоторыми бронебойными свойствами, могло применяться для рассеечения колец кольчуги. Массивные асимметрично-ромбические наконечники, очевидно, использовали и для того, чтобы вывести из строя боевого коня. Той же цели служили и массивные томары, и овально-крылатые наконечники. Некоторое распространение в XI—XII вв. получили плоские боеголовковые наконечники с остроугольным сечением, прямыми плечиками и длинной шейкой. Форма этих наконечников приспособлена для глубокого проникновения в пораженную поверхность.

В эволюции бронебойных наконечников в XI—XII вв. значительных изменений не наблюдается. Исчезают вследствие сложности изготовления или невысоких баллистических качеств трехгранно-трехлопастные и круглые наконечники. Продолжают сохранять свое значение наиболее удачные типы четырехгранных наконечников: асимметрично-ромбические и боеголовковые, предназначенные для пробивания брони пластинчатого панциря; удлинненно-треугольные — для раздвижения и томары — для рассеечения колец кольчуги (табл. XXXI, 10, 11).

Трехлопастные наконечники встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках с сопредельных территорий: вытянуто-пятиугольные в Туве²⁷, на Алтае²⁸, в Казахстане; удлинненно-шестиугольные на Алтае²⁹, в Казахстане; асимметрично-ромбические на Алтае³⁰ и Тянь-Шане³¹; шипастые на Алтае³²; боеголовковые в Казахстане; ярусные в Сибири³³; плоские: асимметрично-

²⁷ Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.—СЭ, 1966, № 3, рис. 10, 22.

²⁸ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. XXXI, 10.

²⁹ Там же, табл. XXXI, 45.

³⁰ Там же, табл. XXXI, 9.

³¹ Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины.— В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, рис. 16.

³² Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. XIX, 16.

³³ Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, М., 1952, № 24, рис. 11, 20, 22, 26.

ромбические на Алтае, в Казахстане³⁴, на ТяньШане³⁵, в Монголии³⁶ и боеголовковые в Туве, на Алтае; томары на Алтае и в Казахстане. Трехгранно-трехлопастные наконечники асимметрично-ромбического типа обнаружены в Сибири³⁷; трехгранные: асимметрично-ромбические на Алтае³⁸, в Казахстане и Монголии³⁹, боеголовковые на Алтае⁴⁰; четырехгранные асимметрично-ромбические в Туве⁴¹, удлиненно-треугольные на Алтае⁴²; томары на Алтае. Круглые наконечники удлиненно-треугольного типа встречаются на Алтае⁴³.

Весь имеющийся материал представлен здесь в виде сводной таблицы (табл. 9).

Преобразуя сводную таблицу в матрицу встречаемости признаков групп и типов наконечников, выделяем типы наконечников с повторяющейся формой пера — устойчивые типы (УТ). Нами выделено девять УТ. Три из них характерны для IV—VI групп, что составляет 58% от общего числа наконечников, три — для II—III групп, или 31%, и три для одной, I группы, или 1% (табл. 10).

Проследим движение УТ по группам: 1) УТ соответствует 49% в I группе и 67% в V группе, среднегрупповой процент — 16; 2) УТ соответствует 9% в I группе, среднегрупповой процент — 1; 3) УТ соответствует 1% в I группе, 17% в IV группе и 15% в VI группе, среднегрупповой процент — 4; 4) УТ соответствует 0,6% в I группе и 5% в VI группе, среднегрупповой процент — 0,8; 5) УТ соответствует 20% в I группе, 47% во II группе, 37% в III группе, 18% в IV группе; 65% в VI группе и 100% в VII группе, среднегрупповой процент — 41; 6) УТ соответствует 3% в I группе, среднегрупповой процент — 0,5; 7) УТ соответствует 9% в I группе, 53% во II группе, 63% в III группе, 54% в IV группе и 13% в VI группе, среднегрупповой процент — 27; 8) УТ соответствует 1% в I группе;

³⁴ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, рис. 208.

³⁵ Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, рис. 16.

³⁶ Владимирцов Б. Я. Этнолингвистические исследования в Урге, Уртинском и Кентейском районах. — В кн.: Северная Монголия. Л., 1927, вып. 2, рис. 1, 7, 9.

³⁷ Материалы по доисторической археологии России. — Зап. ИРАО, Спб, 1899, т. 11.

³⁸ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. — МИА, М. — Л., 1956, № 43, табл. VII, 1, 2.

³⁹ Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии. — СА, 1957, № 2, рис. 14, б.

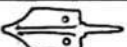

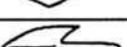

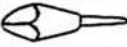

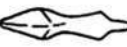
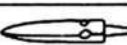

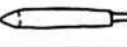

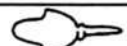

⁴⁰ Грязнов М. П. История древних племен..., табл. XI, 5.

⁴¹ Кызласов Л. Р. История Тувы..., табл. II, 15.

⁴² Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г. — Тр. ГИМ, М., 1926, вып. 1, с. 60.

⁴³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. XI, 8; Грязнов М. П. История древних племен..., табл. V, 16; IX.

Сводная таблица наконечников стрел

Группы	Типы	Размеры, см	Количество	Территория	Период, гг.
I 	1 	4,4·2,7·4,5	162	Минуса Тува	VI-XII
	2 	4,7·3·4,2	31	Минуса, Тува, Алтай	IX-X
	3 	8·4·7,7	4	Минуса	IX-X
	4 	6·3,5·2,7	2	Минуса Тува	XI-XII
	5 	5·2,2·5	60	Минуса, Тува Алтай, Казах- стан, Монголия	VI-XII
	6 	5,5·3·6,3	10	Минуса Тува	IX-X
	7 	3,5·1,2·3,7	31	Минуса, Тува, Казахстан	IX-X
	8 	5·1,3·5,5	4	Минуса	VI-VIII
	9 	7·2,7·5,5	26	Минуса	VI-VIII
II 	1 	4,2·1,3·4	18	Минуса, Тува, Казахстан	IX-X
	2 	3,2·1,2·3,5	21	Тува	IX-X
III 	1 	3,2·1,5·5,6	6	Минуса Казахстан	IX-X
	2 	3·1,2·4,7	10	Тува	IX-X
IV 	1 	3,2·1,2·3,2	14	Минуса, Тува, Казахстан	IX-XII
	2 	4,8·1,2·4,2	43	Минуса, Тува Алтай, Казахстан	IX-XII
	3 	4,5·1·4	9	Минуса, Тува, Казахстан	IX-XII
	4 	4,4·1·2,7	13	Минуса Тува	IX-XII
V 	1 	5·0,7·4,7	3	Тува Казахстан	IX-X
	2 	10·0,8·3,5	1	Минуса	IX-X
VI 	1 	5,2·0,9·3,7	5	Минуса Тува	IX-X
	2 	6·3,5·4,5	178	Минуса, Тува, Казахстан	IX-XII
	3 	4,6·1,5·9,8	37	Минуса Тува	XI-XII
	4 	5,2·3,4·5,5	41	Минуса Тува	IX-XII
	5 	6,2·3,5·5,7	12	Минуса	XI-XII
VII 		6,7·3,2·1,7	6	Минуса Тува	IX-X

Матрица встречаемости типов и групп наконечников стрел

I — количество; (I) — групповой %; [I] — общий %.

9		26 (7) [3,3]						
8		4 (1) [0,4]			9 (11) [0,9]	1 (33) [0,1]	5 (2) [0,6]	
7		31 (9) [4]	21 (53) [2,4]	10 (63) [1]	43 (54) [5,2]		37 (13) [4,8]	
6		10 (3) [1]						
5		60 (20) [1,8]	18 (47) [2,3]	6 (37) [0,7]	1,4 (18) [1,7]		178 (66) [22]	6 (100) [0,7]
4		2 (0,6) [0,2]					12 (5) [1,5]	
3		4 (1) [0,4]			13 (17) [1,6]		41 (15) [5]	
2		31 (9) [4]						
1		162 (49) [20]				3 (67) [0,3]		
УТ Гр		I 	II 	III 	IV 	V 	VI 	VII

11% в IV группе; 33% в V группе и 2% в VI группе, среднегрупповой процент — 6; 9) УТ соответствует 7% в I группе, среднегрупповой процент — 1.

В соответствии с величиной среднегруппового процента устанавливаем ранжирование УТ по пятибалльной шкале:

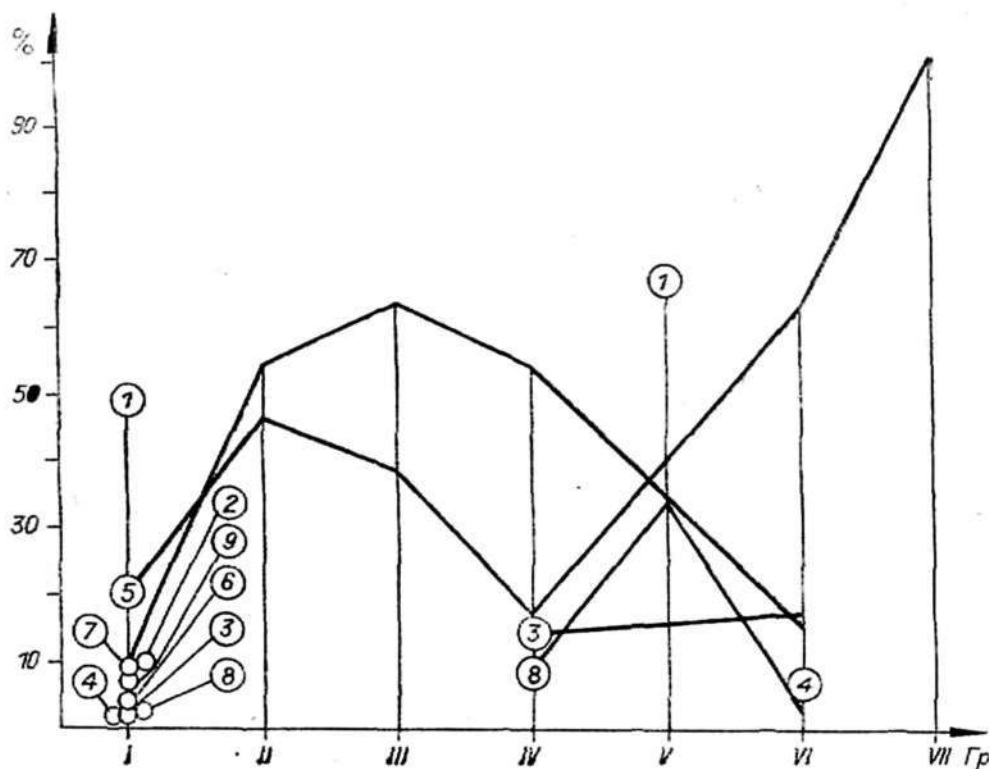

Рис. 4. График среднего группового процента наконечников стрел.
1, 4, 9 — специализированное УТ; 2, 3 — универсальные УТ

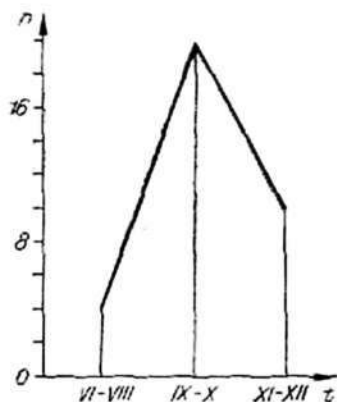
$q_{11}) = 2$; $q_{12}) = 0,1$; $q_{13}) = 0,5$; $q_{14}) = 0,1$; $q_{15}) = 5$; $q_{16}) = 0,5$;
 $q_{17}) = 3$; $q_{18}) = 0,7$; $q_{19}) = 0,1$.

Ранг среднего группового процента дает нам функциональное различие УТ по группам: УТ рангом свыше 2 баллов — это полифункциональные, или универсальные. Колебание универсальных УТ по группам на графике показывает, что в рамках I группы они не являются основными. Зато во II—IV группах универсальные УТ преобладают, т. е. в группах, функционально предназначенных для пробивания брони, наиболее значимых в плане боевого применения; здесь быстрее складываются оптимальные формы пера.

Исключение для бронебойных наконечников составляет группа V, где универсальные УТ не представлены. Однако редкость находок подобных наконечников — 0,4% к общему числу по сравнению с 1,5% остальных бронебойных — позволяет отнести наконечники V группы к поисковой форме.

Ранг среднего группового процента в 2 балла и ниже дает нам специализированные УТ, характерные для решения локальных задач, либо представляющие собой поисковую форму при выработке наиболее оптимальных вариантов пера.

Рис. 5. График изменения количества типов стрел по хронологическим периодам. Усл. обозначения см. на рис. 2.

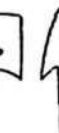

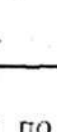
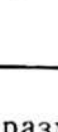
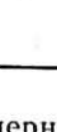
Примером специализированных типов наконечников, предназначенных для поражения незащищенного панцирем противника, могут служить УТ 2, 4, 6, 9, не представленные в бронебойных группах (рис. 4).

В хронологической шкале обращает на себя внимание резкое колебание количества типов по периодам, составляющим цикл эволюции кыргызских наконечников стрел. В первом периоде (в VI—VIII вв.) бытуют четыре типа, количественно 104 экземпляра; универсальные типы 20%, специализированные—80%. Характерно распространение в течение периода наконечников лишь одной группы. Ко второму периоду (IX—X вв.) относится 20 типов (семь групп), количественно 370, универсальные типы 63%, специализированные — 37%. В третьем периоде (в XI—XII вв.) было известно 12 типов (три группы), количественно 276, универсальные типы — 70%, специализированные — 30%. Налицо отчетливая тенденция к универсализации форм наконечников на протяжении всего рассматриваемого времени. Резкое возрастание количества типов во втором периоде можно связать с нуждами войны, которую вели тогда кыргызы с уйгурами. Причем наибольший поиск наилучшего варианта пера наконечника наблюдается в бронебойных группах, впервые появившихся в связи с утяжелением панцирного доспеха. В третьем периоде количество типов уменьшается с 20 до 12, при возрастании среднетипового числа наконечников с 18 до 23, что свидетельствует об оптимизации форм, отмирании поисковых вариантов. Учитывая, что бронебойные наконечники известны были в течение второго и третьего периодов, проведем количественный анализ типов по преобладающей функциональной группе—наконечникам, предназначенным для поражения незащищенного панцирем противника. Здесь прослеживается отчетливая тенденция возрастания количества типов с 4 до 10 и затем уменьшения их до 8. Среднетиповое число наконечников в первом и втором периодах почти не изменилось — 26 и 25,6, а в третьем периоде возросло до 31 (рис. 5).

Налицо поиск оптимальной формы наконечника и обретение ее — 5) УТ. В третьем периоде 5) УТ в числе преобладающей группы составляет 47% (табл. 11).

Важным показателем в определении количественных изменений наконечников являются их размеры. Проследим эти

Типолого-хронологическая матрица наконечников стрел

Период, вв.	XII — XI										
											
	X — IX										
											
	VIII — VI										
											
	> — III										

изменения по размерному индексу q_2 , который выводится по трем величинам: длине и ширине пера и длине черешка.

1) $q_2 = (53,6 + 15,8) : 2 = 34,7$;

2) $q_2 = 59,2$;

3) $q_2 = (246,4 + 111,9 + 100,6) : 3 = 119$;

4) $q_2 = (56,7 + 123,7) : 2 = 90$;

5) $q_2 = (55 + 22 + 15,4 + 25,9 + 94,5 + 36,4) : 6 = 41,7$;

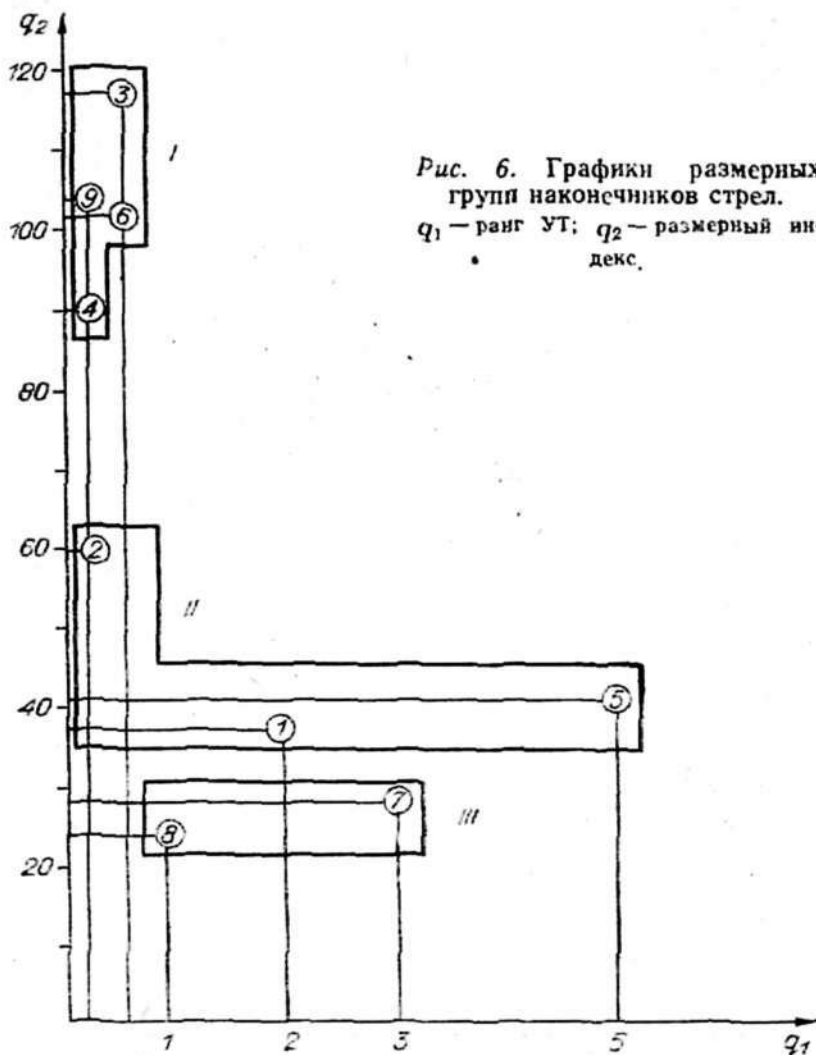

Рис. 6. Графики размерных групп наконечников стрел.

q_1 — ранг УТ; q_2 — размерный индекс.

6) $q_2 = 103,8$;

7) $q_2 = (15,9 + 16,8 + 16,9 + 24,4 + 67,6) : 5 = 28,3$;

8) $q_2 = (36,9 + 18 + 17,4) : 4 = 25$;

9) $q_2 = 103,9$.

Предложенный график сопоставленных показателей УТ дает три размерных группы: первая — массивные УТ (3, 4, 6, 9—108, или 14%); вторая — средние УТ (1, 2, 5,—478, или 65%); третья — мелкие УТ (7, 8 — 161, или 21%). Хронологически наконечники по размерам располагаются следующим образом. В первом периоде массивные УТ составляют 26 (25%), средние — 74 (72%), мелкие — 4 (3%); во втором: массивные — 41 (12%), средние — 224 (68%), мелкие — 78 (20%), в третьем: массивные — 38 (9%); средние — 160 (69%), мелкие — 94 (23%) (рис. 6).

То есть происходило постепенное уменьшение количества массивных наконечников и возрастание мелких при константе средних. При этом средних наконечников на протяжении всего рассматриваемого времени насчитывалось не менее $2/3$ от общего числа. Такое направление можно интерпретировать как выработку оптимального размера наконечника наряду с уже отмеченной выше тенденцией к поиску оптимальной формы.

Относительно территориальных различий в разнообразии форм кыргызских наконечников стрел (из-за неравномерной изученности кыргызских памятников на различных территориях) нет репрезентирующих данных. Однако центр распространения форм наконечников определяется с достаточной долей вероятности. В IX—X вв. известно было в Минусинской котловине 19 типов, в Туве — 17, на Алтае — 9, в Казахстане — 10; в XI—XII вв. — в Минусинской котловине — 11 типов, в Туве — 10. Таким образом, в течение IX—XII вв. основным центром распространения наконечников стрел различных типов у енисейских кыргызов оставалась Минусинская котловина.

В целом эволюция кыргызских наконечников стрел VI—XII вв. характеризовалась выработкой универсальных, оптимальных по форме и размерам наконечников, результатом чего явились рост и последовавшее за ним уменьшение числа типов, некоторое уменьшение размеров наконечников, увеличение количества наконечников универсальных типов среди общего числа наконечников стрел. Эволюционные процессы наблюдались в рамках одной функциональной группы, предназначенной для поражения незащищенного противника. Здесь происходит замена преобладающей группы наконечников — трехлопастных на плоские, сокращение числа типов, рост среднетипового числа, уменьшение размеров наконечников. В рамках броневой функциональной группы эволюция протекала медленнее, постепенно исчезали экспериментальные группы и типы, отмечалось некоторое уменьшение среднетипового числа, размеры наконечников остались константными. Одна из функций броневых наконечников передается преобладающей группе — расчленение колец кольчуги. Эволюция в сторону оптимизации форм и размеров, универсализации функционального назначения наконечника происходит путем упрощения сложных форм, что в известной степени сказалось на снижении баллистических качеств в преобладающей группе в связи с заменой трехлопастных наконечников плоскими (см. рис. 5).

Приведенные положения верифицируются аналогом с общими изменениями в военном деле, характерными для рассматриваемого времени у исторических общностей, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызам. Преобладание плоских наконечников — общая закономерность для кочевого

мира с начала II тыс. н. э. В то же время наблюдается некоторое уменьшение размеров лука, увеличение числа стрел у одного всадника. Эти изменения связаны с характером дистанционного конного боя. Повысилась интенсивность и частота стрельбы из лука, несколько сократилась дистанция полета стрелы. Применение лука и стрел стало типичным для различных этапов боя.

Для многих наконечников стрел преобладающей группы — трехлопастных и плоских — характерно наличие на лопастях при подходе к плечикам округлых, полулунных и разнообразных фигурных отверстий. О назначении этих отверстий в литературе высказывались различные мнения. Предположение о том, что их использовали для устрашения, так как они издавали свист в полете, было экспериментально отвергнуто В. Г. Карцовым⁴⁴. Предположение И. Хампеля о назначении отверстий для привязывания зажигательного материала вполне вероятно. Однако его нельзя признать исчерпывающим, поскольку почти все трехлопастные наконечники имеют отверстия, а потребность в зажигательных стрелах вряд ли была столь велика. Возможно, наличие отверстий на лопастях в какой-то степени способствовало улучшению баллистических качеств трехлопастного наконечника в полете. Однако, вероятнее всего, эти отверстия являлись украшениями⁴⁵. Разнообразие форм фигурных отверстий, несомненно, свидетельствует об их декоративно-эстетическом назначении. Как известно, в средневековье с развитием профессионализма военного сословия был распространен культ воина-богатыря, его боевого коня и оружия. Предметы вооружения получили соответствующие имена, девизы, богато украшались, что, по представлениям того времени, должно было благотворно сказаться на поражающих свойствах оружия, способствовать успеху в бою. Очевидно, с такой же целью украшали наконечники стрел и кыргызы. Так, отверстия расположены на лопастях при подходе к плечикам, в противоположной стороне от острия и ударных граней, т. е. не оказывают воздействия на ударную проникающую способность наконечника.

Насад трехлопастных и реже плоских наконечников стрел снабжался полым костяным шариком — свистункой (см. табл. XXIV, 1—5). Такие свистунки, овально-удлиненные по линии насада, с цилиндрическим проемом для черешка наконечника и тремя округлыми или овально-прямоугольными отверстиями на сферическо-выпуклой части, придавались преимущественно широколопастным массивным и средним по размерам наконечникам. Наиболее широко костяные свистунки были распространены у кыргызов в VI—X вв. В XI—

⁴⁴ Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района, с. 48.

⁴⁵ Там же.

XII вв. они встречаются значительно реже. Иногда свистунки делали из железа, несъемные, цельнокованные, с округлыми отверстиями на сферическо-выпуклой поверхности. В редких случаях железная свистунка расположена не за упором, а встроена в окончание пера при подходе к плечикам, так что плечики лопастей «набегают» на поверхность свистунки (см. табл. XXIV, 6).

О назначении костяных шариков-свистунков существует одностороннее, широко распространенное мнение. Свистунки издавали в полете устрашающий пронзительный свист, что усиливало эффект атаки, вносило панику в ряды противника, расстраивало его ряды. Свистящие стрелы, применявшиеся в кочевом мире в течение I тыс. н. э., по свидетельству источников, были известны еще гуннам⁴⁶. Однако это нельзя считать единственным назначением костяных шариков. Вероятно, они использовались для прочности крепления наконечников на верхнем конце древка. Не случайно костяными шариками снабжались преимущественно широколопастные наконечники с массивным черешком, который мог расколоть верхний конец древка в момент насаживания. В пользу этого предположения свидетельствует наличие у кыргызов свистунок без отверстий⁴⁷.

Древко стрелы — основная ее часть, обеспечивающая направление полета⁴⁸. В кыргызских памятниках, за редким исключением, не обнаружены, что объясняется обрядом трупосожжения. Несколько стрел с сохранившимися древками найдено А. Н. Липским в Минусинской котловине в погребении на р. Есь⁴⁹. Древки стрел представляют собой точеные, округлые в сечении, цилиндрические деревянные стержни, изготовленные из березы, чуть сужающиеся при подходе к ушку. Длина их 48, ширина 0,8 см. На тыльной стороне древка врезано ушко арочной формы для натяжения тетивы глубиной 0,5 см. На сужающейся части древка при подходе к ушку нанесено два пояса красного и зеленого цвета. Окраска древков служила для распознавания стрел с различными по функциональному назначению наконечниками. Стрелы хранились в колчане оперением вверх. «Различная окраска нижней части древков позволяла воину безошибочно извлекать из колчана нужную стрелу»⁵⁰. В IX—XII вв. (этим временем датируется погребение на р. Есь) у кыргызов бытовали открытые колчаны с карманом, в которых стрелы носились наконечни-

⁴⁶ Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960, с. 63.

⁴⁷ Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением..., с. 129.

⁴⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966, с. 49.

⁴⁹ КОАОМК, 395.

⁵⁰ Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве, с. 324.

ками вверх. Для распознавания наконечников по назначению цветные пояски на древке были излишни. Вероятно, их наносили по традиции и имели они декоративно-символическое значение. Не случайно цвета поясков совпадают с цветовой гаммой кыргызских знамен.

Оперение у стрел из погребения на р. Есь не сохранилось. Оперение придавало стреле устойчивость в полете и способствовало меткости прицельной стрельбы⁵¹. Материалом для оперения служили перья крыльев разных птиц⁵². Насколько об этом можно судить по изображению на Сулекской писанице, оперение кыргызских стрел было двуперым⁵³. Величина лопастей оперения зависела от длины и веса стрелы⁵⁴. У кыргызских стрел соотношение длины лопастей оперения и древка стрелы, судя по изображениям, колебалось от 1:5 до 1:7⁵⁵. Встречается оперение двух форм: удлиненно-треугольной и полуовальной⁵⁶.

Колчаны. Колчан—футляр для хранения и ношения стрел. Приемник — полость колчана для приема стрел. В VI—XII вв. приемник колчана имел деревянный каркас и днище, обтянутый берестой в несколько слоев. Вокруг горловины и днища делалось дополнительное утолщение. Накладки — костяные детали для укрепления берестяных стенок приемника и горловины колчана. Карман — берестяная стенка над тыльной стороной горловины колчана. Петля — деталь для продевания ремня портупеи. Крюк — приспособление для закрепления колчана в наклонном положении (табл. XIII, 3).

Так как лук и стрелы являлись важными элементами вооружения кыргызских воинов, колчан был совершенно необходимой принадлежностью снаряжения воина. На изображениях кыргызских воинов почти всегда имеются колчаны.

Сведения о кыргызских колчанах приводятся в работах Л. А. Евтюховой, В. П. Левашовой, Л. Р. Кызласова, Л. Г. Нечаевой, Ф. Х. Арслановой⁵⁷.

Кыргызские колчаны подразделяются на типы по форме горловины и способу ношения в них стрел.

Тип I. *Закрытые.* В нашем собрании экземпляр I. Найден в Минусинской котловине в Сырском чаа-тасе (к. 3); длина 48, ширина внизу 14, сверху — 9 см. Колчан овально-ци-

⁵¹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., с. 50.

⁵² Там же, с. 51.

⁵³ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 190.

⁵⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие..., с. 51.

⁵⁵ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 189, 190.

⁵⁶ Там же, рис. 189, 190.

⁵⁷ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 62; Левашова В. П.

Два могильника кыргыз-хакасов.—МИА, М., 1952, № 24, с. 133; Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас.—СА, 1955, вып. 24, с. 252; Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением..., с. 114; Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья..., с. 104.

лиندрической формы, с постепенным сужением от днища к горловине. Обычно закрытые колчаны имели деревянную крышку и днище. Стрелы в колчанах подобного типа хранились наконечниками вниз. Для определения назначения наконечника стрелы на древко близ ушка наносились цветные пояса — метки. Наконечники стрел в колчане из Сырского чаа-таса были, по-видимому, сняты перед погребением; обнаружены лишь обгоревшие древки⁵⁸. Из приспособлений для подвешивания колчана сохранился массивный железный крюк с кольцом.

Колчаны закрытого типа известны в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках с сопредельных территорий — Алтая, Тувы, Западной Сибири⁵⁹ (табл. XXXVI, 1).

Тип 2. *С карманом*. В нашем собрании экземпляры 2—16. Найдены в Минусинской котловине (Уйбатский чаа-тас, к. 1; Уйбат II, к. 1; Капчалы II, к. 3, 8, 13; Таштык; Тепсей III, к. 67; Кизек-Тигей, к. 1, 4), Туве (Тора-Тал-Арты, к. СХ-59-17, СХ-59-4, СХ-59-18) и Восточном Казахстане (Бобровский могильник II, к. 6, 11). Длина 87, ширина внизу 22, вверху — 14, высота колчана 17 см. Приемник имеет овально-цилиндрическую форму с постепенным сужением к горловине. Карман колчана расширяется кверху, верхний край закруглен. Горловина и лицевая поверхность экземпляров 2, 3, 7, 8, 10, 11, 13, 14 укреплены орнаментированными костяными накладками. Костяная накладка горловины колчана из Уйбат II орнаментирована двумя рядами волнот, промежутки между которыми заштрихованы параллельными горизонтальными линиями⁶⁰. Накладки горловины колчанов из Таштыка украшены двумя рядами волнот с циркульным орнаментом (табл. XXXVII, 1, 4). На узкие накладки приемника колчана наносились орнамент из волнот, циркульный узор, ромбы, прямоугольник; иногда на таких накладках нет орнамента (табл. XXXVII, 2, 3, 5—13). Фрагменты костяных пластинок из Тора-Тал-Арты, украшенные циркульным узором, вероятно, являются остатками петель (табл. XXXVII, 14, 15).

Берестяной корпус экземпляров из Бобровского могильника II укреплен каркасом из деревянных планок, а один из них имел сплошную деревянную заднюю стенку и укрепленный деревянными планками карман с прикрытием из разно-

⁵⁸ Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас, с. 253.

⁵⁹ Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае, рис. 13; Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, рис. 10, 27, 55; Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах. — Басандайка / Тр. ТГУ и ТГПИ, Томск, 1947, табл. 75.

⁶⁰ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 62.

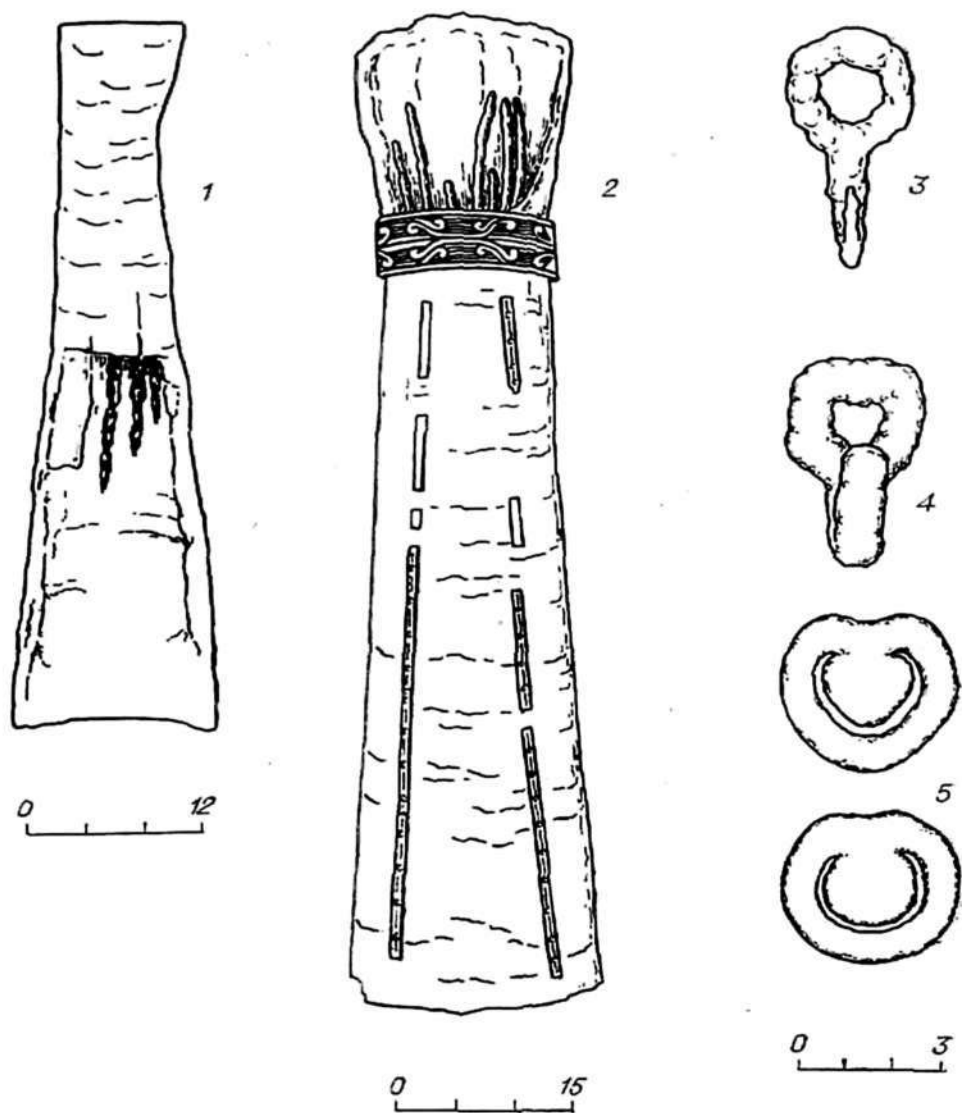

Табл. XXXVI. Колчаны.

1 — тип 1; 2 — тип 2; 3, 4 — крючки; 5 — кольца.

цветной ткани в виде трезубца⁶¹. Ряд экземпляров отнесен к данному типу по местоположению наконечников стрел и наличию орнаментированных накладок. Стрелы в колчанах подобного типа хранились наконечниками вверх, для быстроты и удобства извлечения которых и служил открытый карман. Из приспособлений для подвешивания колчана к поясу сохранились обломки костяных петель, железные крючья и петли (табл. XXXVIII). Вместимость колчана — от 30 до 100 стрел.

⁶¹ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья..., с. 104.

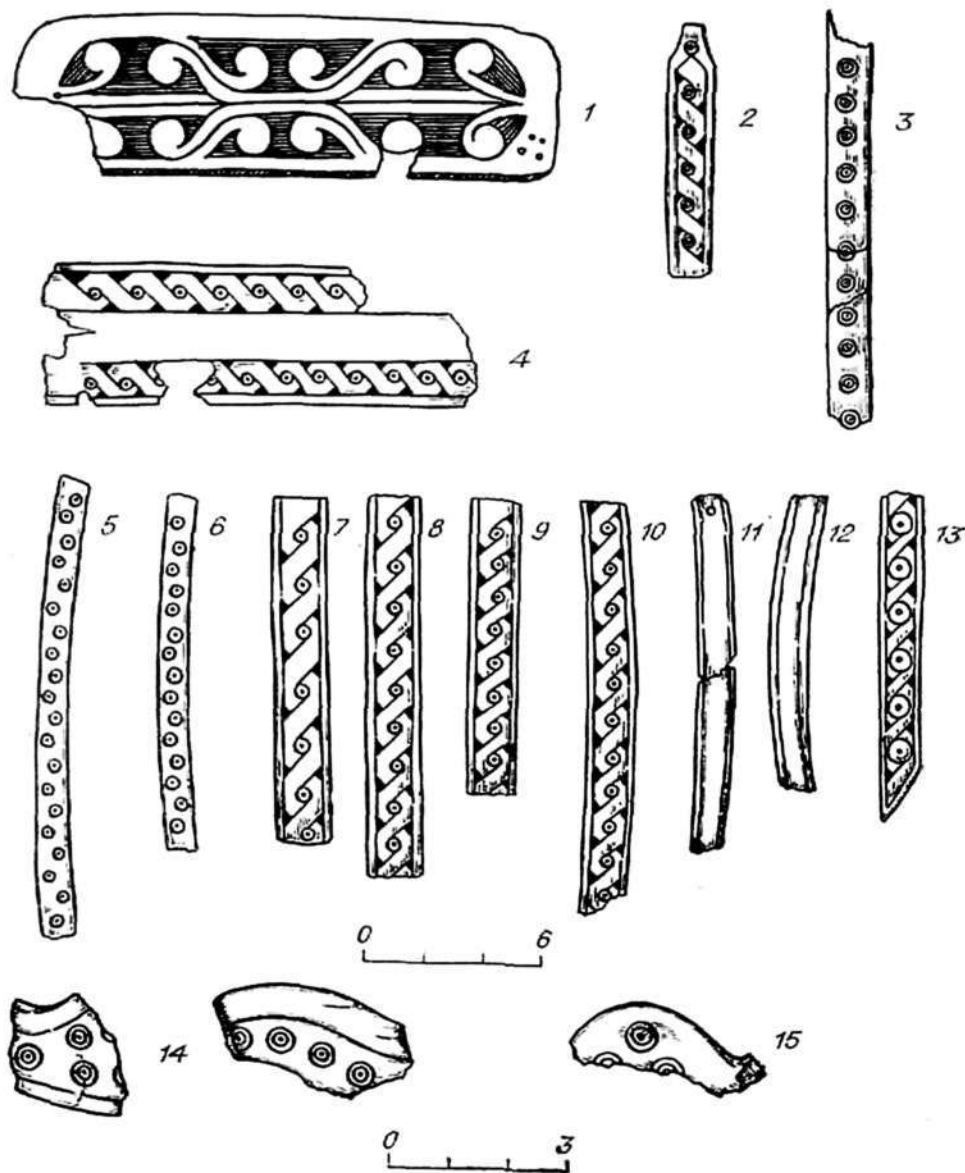

Табл. XXXVII. Костяные накладки колчанов.
1, 4 — горловины, 2, 3, 5—13 — приемники; 14, 15 — петли.

Колчаны с карманом известны в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках с сопредельных территорий — Алтая, Тувы⁶² (табл. XXXVI, 2).

В памятниках таштыкской эпохи, генетически предшествующей кыргызской, встречаются миниатюрные берестя-

⁶² Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г., рис. 18, 50; Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, рис. 10, 96.

Табл. XXXVIII. Петля колчана из Ник-Хая.

ные закрытые колчаны типа горитов⁶³ и железных крючьев с перекладиной. Подобные колчаны «с горизонтально срезынным верхом»⁶⁴ были широко распространены в начале новой эры и продолжали бытовать у кыргызов в VI—VIII вв.

Вероятно, незначительные размеры и небольшая вместимость колчана закрытого типа, неудобства в извлечении стрел, вложенных наконечниками вниз (например, трехлопастные наконечники могли застревать, цепляться за стенки приемника), отрицательно влияли на скорострельность и продолжительность стрельбы. В условиях интенсивных войн с тюрками и уйгурами в VIII—IX вв. футляр для ношения стрел совершенствовался. Колчаны увеличивались в размерах, повысилась вместимость, изменился способ хранения стрел. Возможно, для облегчения извлечения стрел их стали помещать наконечниками вверх еще в колчанах-горитах. Но в таком колчане стрелы не могли удержаться в течение продолжительного времени, особенно при быстрой езде. Именно этим обусловлено появление у колчана кармана, имевшего иногда дополнительное матерчатое прикрытие. С увеличением размеров и вместимости берестяного корпуса колчана с карманом необходимо было дополнительное укрепление деревянного каркаса планками или внешними костяными накладками. Традиция укреплять колчаны ornamentированными костяными деталями, подробно исследованная по материалам колчанов XIII—XIV вв. из памятников кочевников Восточной Европы⁶⁵, известна в Саяно-Алтае с VII—XII вв.⁶⁶ Ornamentальные мотивы на таких деталях у кыргызов и других кочевников Саяно-Алтая близки — это преимущественно циркулярный узор, ряды волнот. Они отличаются от более сложного геометрического и изобразительного орнамента позднейших колчанов и могут быть выделены в местный

⁶³ Кызыласов Л. Р. Таштыкская эпоха... с. 87.

⁶⁴ Там же, с. 129.

⁶⁵ Малиновская Н. В. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными ornamentированными обкладками на территории евразийских степей. — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974. с. 132—175.

⁶⁶ Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгул-Тайге. — Тр. ТКАЭЭ, М.—Л., 1960, т. I, рис. 64; Уманский А. П. Археологические раскопки Ледебур в Горном Алтае. — Учен. зап. ГАНИИИЯЛ, Горно-Алтайск, 1964, вып. 6, табл. 12, 31.

Свободная таблица колчанов

Типы	Количество	Размеры, см	Территория	Период, вв.
1 	1	48·9·14	Минуса	VI-IX
2 	15	87·14·22	Минуса Тува Казахстан	IX-XII

южносибирский вариант традиции украшения колчанов орнаментированными накладками (табл. 12).

Судя по изображениям кыргызских воинов, колчан носился у пояса на правом боку в наклонном положении — для удобства извлечения стрел и устранения помех при ходьбе. Колчан крепился на пояском или перекидном ремне-портуpee с помощью костяных петель, железных колец и крючков. Костяные петли и железные кольца служили для продевания верхнего ремня портуpees, железные крючья — для ремня, крепившегося к днищу, который удерживал колчан в наклонном положении. В Бобровском могильнике «при сравнительно хорошей сохранности колчанов приспособления для их подвешивания обнаружены не были. В кургане колчаны лежали под скелетами лошадей, в саадаках»⁶⁷.

Традиция применения саадаков на Среднем Енисее известна с таштыкской эпохи⁶⁸, хотя в кыргызских памятниках на этой территории какие-либо остатки саадаков не обнаружены. Возможно, это объясняется тем, что изготавливались они из недолговечных материалов.

⁶⁷ Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья..., с. 104.

⁶⁸ Архив ИА, р-1, 4010, рис. 151.

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Защитное вооружение предназначено для предохранения воина от поражения в бою. Защитное вооружение кыргызов VI—XII вв. включает доспех—для защиты тела воина; наголовье—для защиты головы; накладные щитки—для защиты рук, ног, груди; щит предохраняет голову и корпус воина.

Панцирь. Панцирь—металлическое покрытие доспеха, составленное из отдельных пластин. Элементы панциря: нагрудник, прикрывающий переднюю часть корпуса; плечи, рукава, спина, ворот, подол. Пластины, составляющие отдельные части панциря, различались по конструкции, числу и расположению отверстий для крепления (табл. XXXIX, 1).

Сведения о кыргызских панцирях содержатся в работах Д. А. Клеменца, Я. Аппельгрена-Кивало, В. П. Левашовой, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева, А. Д. Грача, Л. Г. Нечаевой,

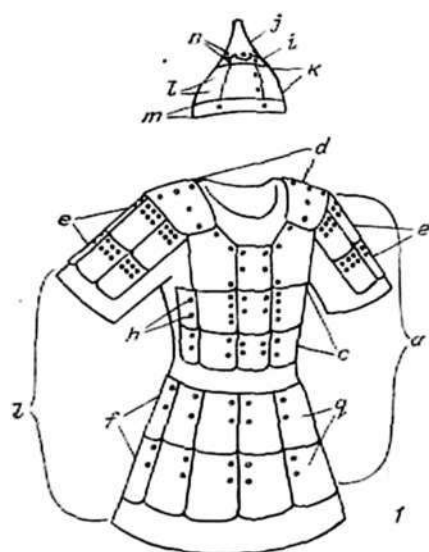

Табл. XXXIX. Защитное вооружение.
1 — доспех, 2 — шлем: а — панцирь, б — подкладка, с — нагрудник, d — плечи, е — рукава, f — подол, q — пластины, h — заклепки, i — наверхие шлема, j — втулка наверхия, k — тулья, l — пластины тулья, m — обруч, n — заклепки.

Л. Р. Кызласова¹. До настоящего времени не найдено ни одного неповрежденного кыргызского панциря. Поэтому судить о них можно лишь на основании находок отдельных пластин и изображений кыргызских воинов в панцирном облачении.

Все реконструируемые кыргызские панцири подразделяются на типы — по форме доспеха и составляющих его пластин.

Тип 1. *Нагрудные*. В нашем собрании экземпляры 1—3. Найдены в Минусинской котловине (Батени, Каныгино, Белый Яр). Длина пластин от 5,5 до 12,2, ширина от 2,2 до 3,5 см. Пластины прямоугольно-вытянутой формы с двумя симметричными отверстиями по краям. В отверстиях одной из пластин из Белого Яра сохранились заклепки с округлой полусферической шляпкой. Края пластин деформированы. Внешний вид нагрудного панциря может быть реконструирован на основе находки целых экземпляров нагрудных панцирей из Степного Чумыша на Алтае². Подобный панцирь представлял собой прямоугольник, составленный из сплетенных, горизонтально уложенных прямоугольных панцирных пластин. По краям нагрудный панцирь имел железную окантовку, сплошную по вертикали и из отдельных звеньев по горизонтали. Такой панцирь облегал переднюю часть корпуса воина, оставляя свободными плечи и руки. Пластины кыргызских нагрудных панцирей не сцеплялись между собой, а крепились заклепками к подкладке, составлявшей, вероятно, одно целое с верхней одеждой воина. Не имели эти панцири и окантовки по краям. Нагрудные панцири известны из более ранних и синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятников с сопредельных территорий — Алтая, Казахстана³ (табл. XL, 1, 12, 13, табл. XLI, 1).

Тип 2. *Чешуйчатые*. В нашем собрании экземпляры 4—12. Найдены в Минусинской котловине (Белый Яр, Малиновый

¹ Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886, с. 166; Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, S. 6; Левашова В. Н. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, с. 54; Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 104; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, М. — Л., 1949, № 9, с. 325; Грач А. Д. Исследование могильника Улуг-Оймак и Улуг-Хорум. — АО 1965 г., М., 1966, с. 31; Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тар-Арты. — Тр. ТКАЭЭ, М. — Л., 1966, т. 2, с. 114; Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников Енисейской письменности. — СА, 1960, № 3, рис. 6.

² Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, рис. 7.

³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ, как источник по истории алтайских племен. М. — Л., 1965, рис. 4, 13; Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1956, т. 1, рис. 33.

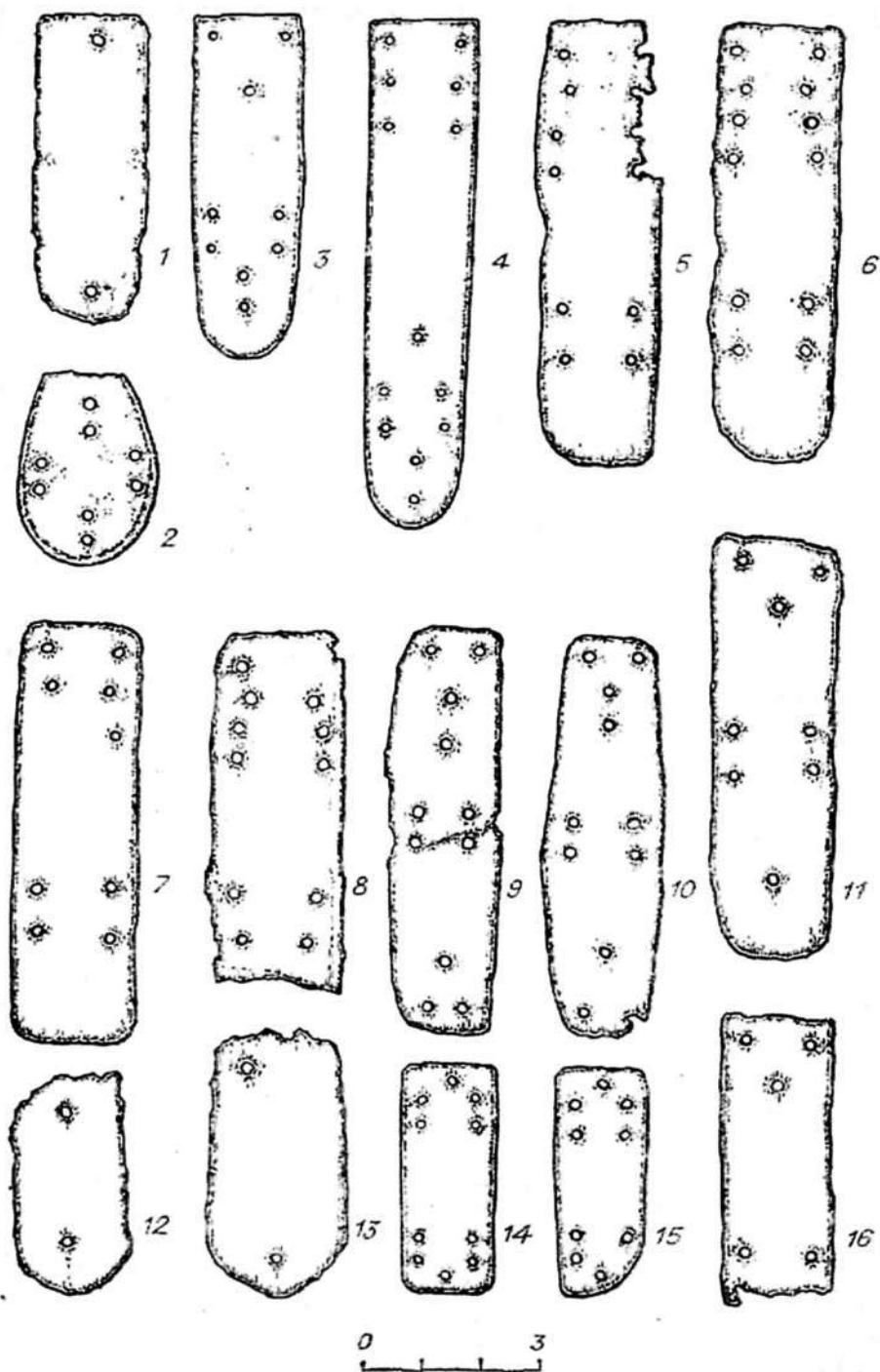

Табл. XI. Панцирные пластины.
 1, 12-13 — тип 1; 2-11, 14-16 — тип 2

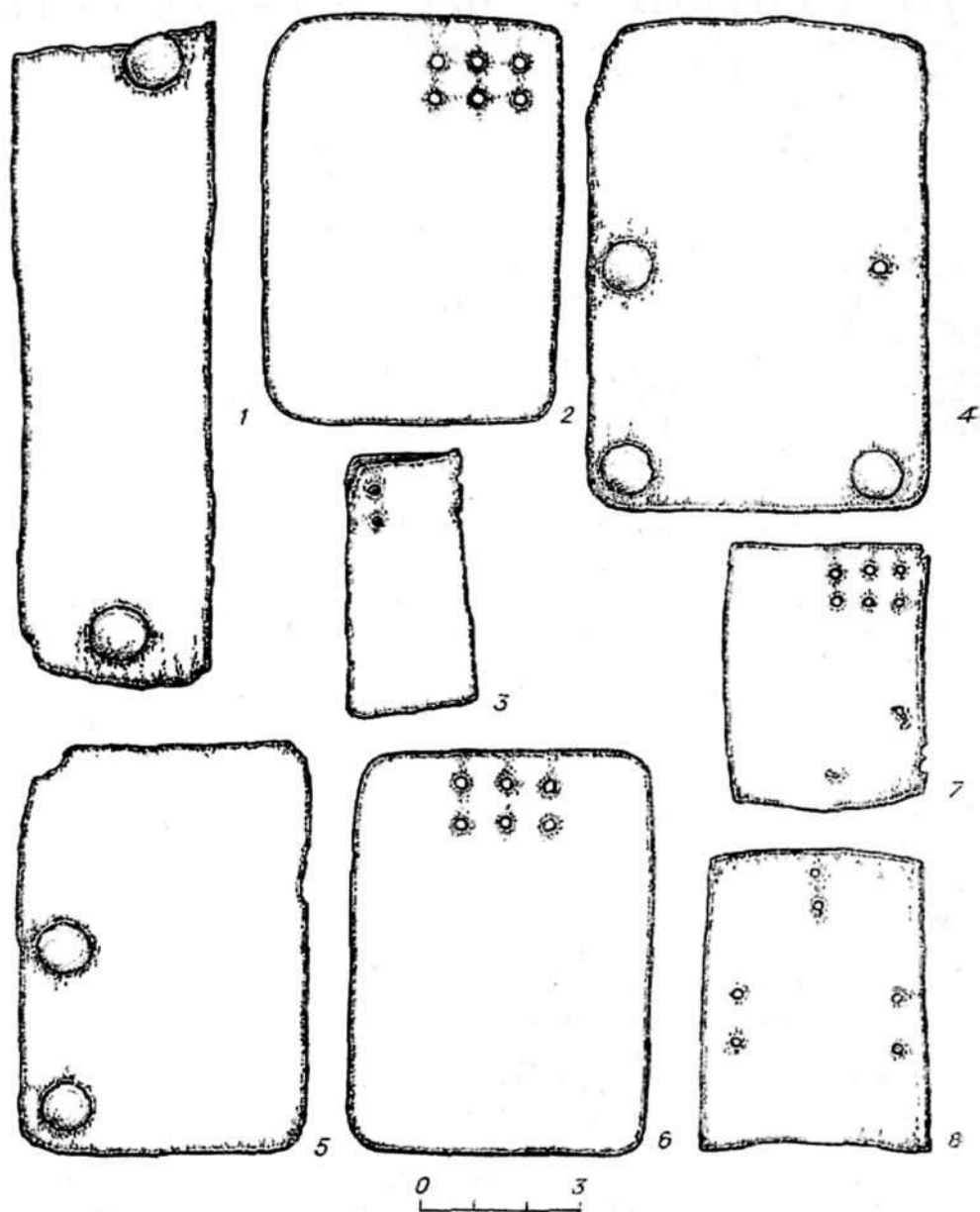

Табл. ХLI. Панцирные пластины.

1 — тип 1; 2—8 — тип 3.

Лог, Терен-Хол, к. 3); Туве (Элегест, к. 21, Тора-Тал-Арты, к. СХ-59-4, СХ-59-17, Улуг-Хорум, к. 1) и в Западной Сибири (Архиерейская заимка, к. 5). Длина пластин от 3,2 до 9, ширина от 2 до 3 см. Пластины прямоугольно-вытянутой формы с округлым нижним краем. Экземпляр из Белого Яра округло-овальной формы с прямым верхним краем.

Пластины несколько отличаются величиной, количеством

и расположением отверстий. Отверстия сконцентрированы в верхней и нижней части пластины, реже в центре и по краям. Встречаются следующие варианты расположения отверстий: 1) по 4 в 2 ряда по верхнему и по 2 в 2 ряда по нижнему краю; 2) по 3 в 2 ряда по верхнему краю, 1 в центре и 6 по нижнему краю; 3) 4 отверстия треугольником к центру пластины по верхнему краю, 4 в центре и 3 по нижнему краю; 4) 3 отверстия треугольником к центру пластины по верхнему краю, 4 в центре и 1 по нижнему краю; 5) 3 отверстия треугольником к центру пластины по верхнему краю и 6 — по нижнему; 6) 3 отверстия треугольником к центру пластины по верхнему краю и 2 — по нижнему; 7) 3 отверстия треугольником к центру пластины по верхнему краю, 8 в центре и 2 по нижнему краю; 8) 1 по верхнему краю, 5 в центре и 6 по нижнему краю; 9) по 2 по верхнему и нижнему краю и по 2 по обеим сторонам в центре; 10) по 4 по обеим сторонам от верхнего до нижнего края пластины. Различия в количестве и положении отверстий на пластинах зависят от способа закрепления или нашивания пластин на мягкую подкладку. Пластины скреплялись таким образом, чтобы округленный нижний край верхней пластины частично перекрывал прямой верхний край нижней пластины.

В могильнике Улуг-Хорум найдены пластины различной величины от одного панциря; их местоположение определялось конфигурацией защитного облачения. Внешний вид чешуйчатого панциря можно реконструировать при сопоставлении пластин с изображениями кыргызских воинов. Кыргызский чешуйчатый панцирь имел вид «глухой рубахи», состоящей из узких пластин, с широким отверстием для головы, полами выше колен и рукавами до середины предплечья⁴. Так как в числе находок чешуйчатого панциря нет пластин для защиты плеч, реконструкция этой части панциря затруднительна.

Следует признать более вероятным, что пластины пришивались на панцирную подкладку, а не соединялись ременной вязкой. Края «обшлага» рукавов и подола, выступающие за ряд панцирных пластин, отчетливо видны на изображении воинов из Кум-Тура⁵. Для защиты плеч служили деревянные накладные щитки⁶ овальной формы⁷.

Чешуйчатый панцирь обеспечивал надежную защиту, был достаточно гибок, чтобы не стеснять движений, но очень тя-

⁴ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 69.

⁵ Le Cog A. von. Von Land und Leuten in Ostturkistan. Leipzig, 1928, fig. 36.

⁶ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 60.

⁷ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 325.

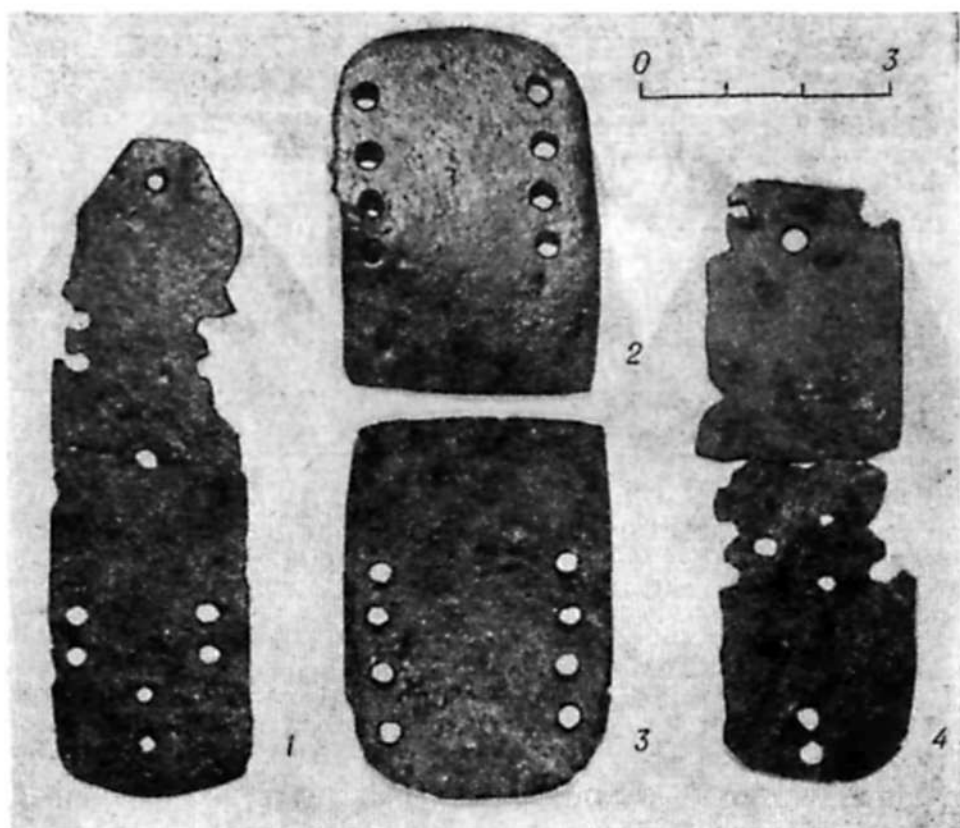

Табл. XLIII. Панцирные пластины.
1—4 — тип 2.

жел⁸. Поэтому воины облачались в панцирь лишь перед сражением. Не случайно кыргызские всадники в таком доспехе изображены в момент атаки.

Пластины от чешуйчатого панциря встречаются в синхронных, близких по культурно-хозяйственному типу кыргызским, памятниках с сопредельных территорий — Алтая, Тувы и Западной Сибири⁹ (таб. XL, 2—11, 14—16; табл. XLII, 1—4).

Тип 3. *Пластинчатые*. В нашем собрании экземпляры 13—15. Найдены в Минусинской котловине (Абаза, Белый Яр). Длина пластин от 5,5 до 11,5, ширина от 5 до 7,5 см. Широкие пластины прямоугольной формы с округлыми углами. Все пластины однотипны, исключая два экземпляра из Абазы, один из которых плавно изогнут по длине, второй имеет сре-

⁸ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 59.

⁹ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... табл. V, 1. Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге.— Тр. ТКАЭЭ, М.—Л., 1966, т. 2, рис. 29; Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах.— Басандайка / Тр. ТГУ и ТГПИ, М., 1947, с. 156.

занный правый верхний угол, остальные отличаются размерами, количеством и расположением отверстий.

Отверстия расположены либо в 2 ряда по верхнему краю, либо по 1 отверстию одиночно по углам и сторонам пластины. Характерны следующие варианты расположения отверстий: 1) по 3 в 2 ряда вдоль верхнего края пластины в правом углу; 2) по 3 в 2 ряда вдоль верхнего края пластины в центре; 3) по 3 в 2 ряда вдоль верхнего края в левом углу; 4) по 3 в 2 ряда вдоль верхнего края пластины в правом углу и по 1 на правой стороне в центре и правом нижнем углу; 5) по 1 на правой стороне пластины в центре и верхнем углу; 6) по 1 на левой стороне пластины в центре и левом углу; 7) по 1 в правом и левом верхнем углу и по сторонам в центре; 8) по 1 на левой стороне на небольшом расстоянии от центра; 9) по 2 в правом верхнем углу и в центре и по 1 в правом нижнем углу; 10) 5 отверстий по центру от верхнего до нижнего края и по 1 с правой и с левой сторон (см. табл. XLI, 2—8).

Различия в количестве и расположении отверстий на пластинах зависят от их местоположения в составе панциря. Пластины крепились к мягкой подкладке с помощью заклепок с округлой полусферической шляпкой.

Внешний вид кыргызского пластинчатого панциря можно реконструировать при сопоставлении пластин панциря из Абазы, сохранившихся в достаточном количестве, с изображениями воинов в защитном облачении. При определении местоположения пластины в составе панциря следует учитывать расположение отверстий, концентрация которых указывает на место крепления. Пластины нашивались на подкладку вертикально по длине, нижний край не имел отверстий, так как перекрывал верхний край нижней пластины.

С учетом этих соображений определены 12 пластин для рукавов, 2 пластины для плеча, 13 пластин нагрудника и 30 пластин подола. В наборе недостает по одной пластине для плеч и нагрудника. Исходя из симметрии человеческого тела, соответствующие данные можно дополнить, дублируя левую и правую стороны. Определенные таким образом детали панциря соответствуют следующим величинам: длина рукавов 16, ширина (периметр полуокружности) 12 см; длина плеч 5,5, ширина 11,5 см; длина нагрудника 30, ширина сверху 22, ширина внизу (периметр полуокружности) 30 см; длина подола 18, ширина (периметр окружности) 90 см. Общая длина панцирной рубашки 50 см.

В отличие от предыдущих примерных реконструкций, воспроизведение пластинчатого панциря можно считать более точным, так как оно построено на следующих критериях соответствия: расположение отверстий на пластинах, число пластин и пропорции человеческого тела (табл. XLIII).

У реконструированного пластинчатого панциря оставалась незащищенной спина, что, возможно, объясняется неполной сохранностью доспеха. Не исключено, что такой элемент доспеха вообще отсутствовал, так как в бою тяжеловооруженный воин был обращен лицом к врагу, а спину мог прикрывать откинутый на ремень щит.

Пластинчатый панцирь из Абазы по сопутствовавшим ему вещам, в частности железному котлу, был датирован автором находки А. Н. Липским X—XIV в.¹⁰ Находки пластин от пластинчатого панциря в синхронных памятниках за пределами Минусинской котловины на сопредельных территориях нам не известны.

О характере защитного облачения в предшествующую кыргызской таштыкскую эпоху можно судить лишь на основании единичных находок и изображений таштыкских воинов в длиннополой защитной одежде¹¹, покрытой панцирными пластинами, с высоким воротником, подобно облаченному в панцири тохарским всадникам из Восточного Туркестана¹². Из таштыкских пластин уцелела лишь одна, изготовленная из папьемаше, покрытая красным лаком¹³. Вероятно, панцири неместного происхождения были единичными. Однако сам факт приобретения дорогостоящего защитного облачения не из металла наводит на мысль, что таштыкские панцири составлялись не из железных пластин. Об этом свидетельствует и их конфигурация: с длинными рукавами и полами до пят, увеличивавшими вес доспеха и стеснявшими движения. Возможно, детали панциря в таштыкское время изготовлялись из органических материалов — кости, дерева, кожи, войлока — и поэтому сохранились до наших дней. Костяные панцирные пластины известны среди находок в памятниках с сопредельных территорий в широком хронологическом диапазоне: от эпохи раннего железа¹⁴ и средневековья

0 12

Табл. XLIII. Реконструкция пластинчатого панциря.

¹⁰ КОАОМК, 40.

¹¹ Левашова В. П. Из далекого прошлого..., рис. 18; Грязнов М. П. Миннаторы Таштыкской культуры.— АС, Л., 1971, вып. 13, рис. 7.

¹² Le Coq A. von Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925, fig. 32, 33.

¹³ Киселев С. В. Древняя история..., с. 433.

¹⁴ Новгородова Э. А. К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 223.

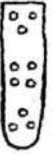
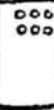
до этнографической современности. Причем у мохэ сосуществовали костяные и железные панцири. Традиция защищать наиболее уязвимые участки тела деревянными деталями, панцирем сохранялась и в кыргызское время. Подтверждается выдвигаемое положение и комплексом наступательного вооружения тыштыкской эпохи. Трехлопастные ярусные стрелы с проникающей боевой головкой, метательные копья — дротики — и короткие мечи, приспособленные для нанесения колющего удара, были достаточно эффективны против костяного доспеха.

В IV—V вв. в Саяно-Алтае появляются в наборе вооружения всадников массивные копья с асимметрично-ромбическим пером и нагрудные панцири. Вероятно, такие панцири проникают и на Средний Енисей. Известные находки свидетельствуют о более простой конструкции кыргызских нагрудных панцирей по сравнению с алтайскими.

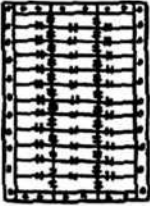

Под влиянием затяжных войн с тюрками кыргызы вынуждены были усовершенствовать защитные доспехи. Относительно широкое распространение в VIII—XI вв. получают чешуйчатые панцири, дополнявшиеся накладными деревянными щитками. Основные находки чешуйчатых панцирей происходят из кыргызских памятников IX—X вв. в Туве, ставшей театром наиболее интенсивных военных действий кыргызов против уйгуров. Большой вес и громоздкость чешуйчатого панциря послужили причиной его дальнейшего

Таблица 13

Сводная таблица панцирей

<i>Типы</i>	<i>Количество</i>	<i>Размеры, см</i>	<i>Территория</i>	<i>Период, вв.</i>
1 	3	8,8·2,7	Минуса	VI—IX
2 	9	6,2·2,2	Минуса Тува Западная Сибирь	IX—XII
3 	3	7,6·5	Минуса	XII—XIII

Типолого-хронологическая матрица панцирей

Период, вв.	XIII - XII	
	XII - IX	
	IX - VI	
	VI - III	
		

усовершенствования. В XII в. уже известен пластинчатый доспех с более рациональной защитой корпуса воина, улучшается конструкция ворота и плеч панциря (табл. 13; табл. 14).

Сравнительная редкость находок остатков панциря в кыргызских памятниках свидетельствует, что защитное оружие было принадлежностью тяжеловооруженных воинов. Легковооруженный воин носил обычную одежду, дополнявшуюся накладными щитками.

Накладные щитки. Деревянные накладные щитки дополняли защитный доспех кыргызского воина. Время не сохранило для нас этих щитков, а если учесть господствовавший у кыргызов обряд трупосожжения, вероятность такой находки в будущем невелика. Поэтому о них можно судить лишь по письменным источникам и изображениям кыргызских воинов.

Упоминают о деревянных накладных щитках в своих работах Г. Е. Грумм-Гржимайло, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, Н. Д. Архипов¹⁵.

Деревянные накладные щитки составлялись из отдельных деталей и соединялись поперечными перекладинами¹⁶. Они служили для прикрытия незащищенных панцирем частей тела: ног — от колена до голеностопа, рук — от кисти до локтей, и мест, требующих усиленной защиты, — груди, плеч. Щитки-поножи изображены у копенских всадников¹⁷. Верхняя часть щитка завершается тупоугольным расширением, к низу щиток сужается, облекая ногу. У всадника с Сулекской писаницы «круглый щиток — зеркало прикрывает грудь, овальные плечи»¹⁸. Такие щитки могли не только предохранять от поражения, но и с помощью ремней укреплять панцирь. Источники свидетельствуют об эффективности подобного защитного средства от стрел и сабель¹⁹. Однако деревянные щитки должны были увеличивать громоздкость панциря и ограничивать подвижность всадника. Судя по имеющимся данным, накладные щитки применялись кыргызами в VI—X вв.

Шлемы. Шлем — металлическое покрытие защитного наголовья, предназначенное для предохранения головы воина. Составные элементы шлема: навершие — коническая мисюрка, скреплявшая верхний край пластин тульи шлема; втул-

¹⁵ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. 2, с. 354; Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 104; Киселев С. В. Древняя история... с. 325; Архипов Н. Д. Военное дело у хакасов в VI—XII вв. — В кн.: Вопросы науки в трудах молодых ученых Якутск. Якутск, 1971, с. 66.

¹⁶ Кюнер Н. В. Китайские известия..., с. 60.

¹⁷ Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены. — Тр. ГИМ, М., 1940, вып. 11, рис. 54.

¹⁸ Киселев С. В. Древняя история..., с. 325.

¹⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. — Л., 1950, ч. 1, с. 352.

ка — деталь навершия для крепления плюмажа; тулья — сферическое покрытие головы из металлических пластин; обруч — пластина, стягивающая края пластин тульи шлема; заклепки — крепления со шляпкой, соединявшие отдельные детали шлема (табл. XXXIX, 2).

Основным источником для изучения кыргызских шлемов служат изображения воинов и единичные находки. Сведения о кыргызских шлемах содержатся в работах С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова²⁰.

Имеющийся в нашем собрании единственный шлем отнесен к *сфероконическому* типу — по конфигурации тульи. В нашем собрании экземпляр 1. Найден в Минусинской котловине близ г. Абаза. Диаметр обруча 22, высота шлема 21,5 см. Тулья из восьми пластин соединена с навершием заклепками. На навершии укреплен высокая втулка с широким раструбом, заканчивающимся узорчато вырезанными в виде фигурной скобы язычками и четырьмя заклепками. По нижнему краю тульи шлем стянут нешироким пластинчатым обручем с двумя рядами заклепок. Шлем отнесен автором находки А. Н. Липским по сопутствующим вещам к X—XIV вв.²¹ (табл. XLIV).

Изображения кыргызских воинов в шлемах в целом дополняют наши представления о шлемах этого периода. Шлемы воинов с Сулекской писаницы схематичны и напоминают плюмаж, два обруча, спускающуюся с затылочной части бармицу²². Шлем воина из Кум-Тура имеет навершие, сферическую тулью, обруч и бармицу²³. Близкие по форме шлемы известны из синхронных памятников кочевников Восточной Европы²⁴.

Судя по изображениям таштыкских воинов, шлемы сфероконической формы были известны на Среднем Енисее уже в таштыкскую эпоху. Появление шлема такой формы, широко распространенной на Востоке, очевидно обусловлено осо-

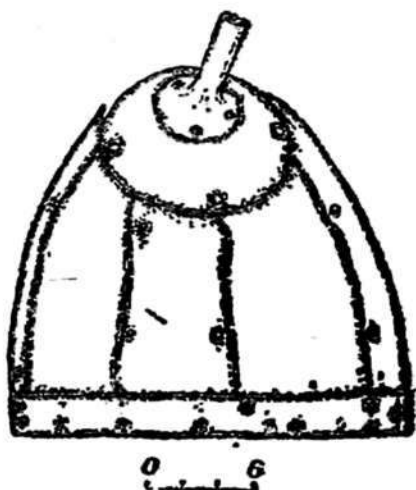

Табл. XLIV. Шлем.

²⁰ Киселев С. В. Древняя история..., с. 325; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 122.

²¹ КОАОМК, 406.

²² Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 187, 197.

²³ А. von Le Coq. Von Land und Leuten in Ostturkistan, fig. 36.

²⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоардынских ханов. М., 1966, с. 33.

бенностями маневренного конного боя. «Отвесный удар, нанесенный по сфероконическому шлему, безвредно скользил вниз по плоскости тульи. Преимущество такой формы шлема обеспечило ему многовековое существование, особенно в районах конно-сабельного боя»²⁵.

Малочисленность находок шлемов и связь их с изображениями воинов с панцирем позволяют отнести этот вид вооружения к принадлежности тяжеловооруженных воинов. Шлем надевался на мягкую подкладку. Втулка украшалась, как правило, плюмажем²⁶.

Для легковооруженных воинов наголовьем, в какой-то мере предохранявшим голову от удара, служил обычный головной убор. Реконструкцию головного убора кыргызских легковооруженных воинов приводит Л. А. Евтюхова: «...головной убор, трактованный в виде спадающих на плечи или спинку каких-то развевающихся мягких линий. По всей вероятности, так изображены шапки с пришитыми на макушке пушистыми звериными хвостами...»²⁷

Щиты. Щит — прикрытие, предназначенное для предохранения головы и корпуса воина от поражения. В ближнем бою он использовался для отражения ударов как одно из средств фехтования.

Щиты или какие-либо их детали в кыргызских памятниках не обнаружены. Поэтому о наличии щитов у кыргызов можно судить лишь на основании сведений письменных источников и изображений кыргызских воинов. О применении щитов кыргызскими воинами упоминают В. П. Левашова²⁸ и Н. А. Мальцева²⁹.

Щиты изготовлялись из отдельных деревянных планок, соединенных поперечиной³⁰. Деревянная основа щита, возможно, обтягивалась с наружной стороны кожей.

Представление о форме кыргызских щитов дают изображения воинов на литых бляшках³¹. Характерная деталь каждой фигурки — круглый предмет в 1/2 роста, находящийся за спиной на уровне головы. Вероятнее всего, так изображались откиннутые за спину, чтобы не стеснять движения рук, щиты. Щиты круглой формы имели окантовку по краю. Они носились на перекидных ремнях: в боевом положении на левой руке или груди, а в походном — за спиной. Такой щит был достаточно эффективным прикрытием от стрел и сабель³². Сведения о кыргызских щитах могут быть отнесены к VI—IX вв.

²⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.—Л., 1971, вып. 3, с. 25.

²⁶ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 122.

²⁷ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 106.

²⁸ Левашова В. П. Из далекого прошлого..., с. 54.

²⁹ См. об этом: История Сибири. Л., 1968, т. 1, с. 299.

³⁰ Кюннер Н. В. Китайские известия..., с. 60.

³¹ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., рис. 194—196.

³² Кюннер Н. В. Китайские известия..., с. 60.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КЫРГЫЗОВ

Комплекс вооружения. Типологическая классификация материалов по вооружению енисейских кыргызов позволяет свести отдельные виды оружия в единый комплекс боевых средств. Эти обобщенные сведения можно представить в виде сводной таблицы (табл. 15).

Сопоставление изменений, происходивших в отдельных видах на протяжении рассматриваемого времени, позволяет выделить три периода в развитии комплекса боевых средств тяжеловооруженного кыргызского воина, представленных на типолого-хронологической матрице (табл. 16).

Хронологические рамки бытования отдельных видов оружия не всегда строго совпадают с «границами» выделенных периодов, что вполне объяснимо для такого сложного и многопланового процесса, как развитие военного дела. Тем не менее прослеженные этапы характерны для эволюции всех основных видов вооружения и отражают определенную закономерность в развитии военного дела для изучаемой территории той эпохи. Необходимо отметить, что изменения происходят главным образом в вооружении тяжеловооруженного воина. Это свидетельствует о его решающей роли в развитии военного дела в целом (рис. 7).

На первом этапе (VI—VIII вв.) облик кыргызского тяжеловооруженного воина представляется следующим: всадник был облачен в нагрудный пластинчатый панцирь, конический шлем и деревянные накладные щитки-поножи, наручья. Важным элементом защитного вооружения являлся деревянный щит, возможно, обтянутый кожей и усиленный металлическими пластинами. Кыргызский воин был вооружен длинным обоюдоострым мечом, копьем с асимметрично-ромбическим наконечником на длинной втулке, боевым топором с узким лезвием и высоким обухом, сложносоставным луком, усиленным концевыми и срединными боковыми накладками, стрелами с трехлопастными наконечниками. Стрелы хранились в колчане закрытого

Сводная таблица кыргызского оружия и вооружения

Раз- делы	Виды	Груп- пы	Типы	Коли- чество	Размеры, см	Территория	Период, вв.
Наступательное ОбВ	Мечи	I	1-2	3	66·11	Минуса	VI-IX
		II	1-2	5	60·10	Минуса Восточный Казахстан	VI-IX
	Палаш	I	1-3	5	80·10	Минуса	IX-X
		II	1-4	9	75·10	Минуса, Тува, Алтай	IX-XII
	Сабли	I	1-5	6	80·8	Минуса Тува	IX-XII
		II	1-3	7	80·8	Минуса Восточный Казахстан	X-XII
	Копья	I	1-2	9	20·10	Минуса, Тува, Зап. Сибирь, Вост. Казахстан	VI-XII
		II		4	18·9	Тува	IX-X
		III		2	20·10	Минуса	IX-X
		IV		1	21·14	Тува	XI-XII
Топоры		1-2	3	14·4·3	Минуса Тува	VI-XII	
Наступательное ОдВ	Луки		1-4	16	110·140	Минуса, Тува, Восточный Казахстан	VI-XII
	Стрелы	I	1-9	330	4·3·4	Минуса, Тува, Казахстан, Ал- тай, Монголия	VI-XII
		II	1-2	39	2,5·1,5·5	Минуса, Тува, Казахстан	IX-X
		III	1-2	16	3·1·4	Минуса, Тува, Казахстан	IX-X
		IV	1-4	79	3,5·1·3	Минуса, Тува, Казахстан	IX-XII
		V	1-2	4	7·0,7·4	Минуса, Тува, Казахстан	IX-X
		VI	1-5	273	5·3·5	Минуса, Тува, Казахстан	IX-XII
		VII		6	7·3·2	Минуса Тува	IX-X
Колчаны		1-2	16	70·11·18	Минуса, Тува, Казахстан	VI-XII	
Защит- ное воо- ружение	Панцири		1-3	15	7,5·3	Минуса Тува	VI-XII
	Шлем			1	22·21	Минуса	IX-XII

Типолого-хронологическая матрица кыргызского оружия и вооружения

Период, вв.	XII - XIII	
	IX - X	
	VI - VIII	

типа наконечниками вниз. Для распознавания форм наконечников на древки стрел близ арочного выреза наносились цветные пояски-метки.

В состав снаряжения боевого коня входили войлочная или меховая попона, жесткое седло на деревянной основе со стременами, крепившееся подпружным, нагрудным и подхвостным ремнями, и узда с железными удилами (табл. XLV).

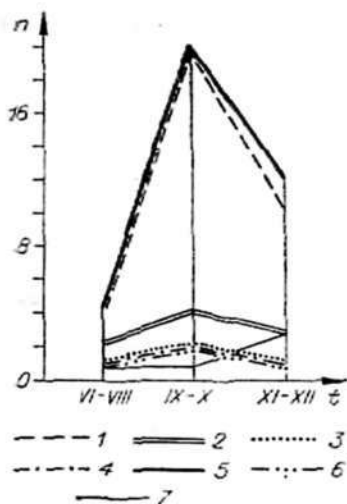

Рис. 7. График изменения количества типов кыргызского оружия и вооружения по хронологическим периодам.

1 — рубяще-колющее оружие; 2 — копья; 3 — топоры; 4 — луки; 5 — стрелы; 6 — колчаны; 7 — панцири.

На втором этапе (IX—X вв.) в наборе вооружения кыргызских панцирных всадников происходит ряд существенных изменений. Повышается роль защитного вооружения. Корпус воина предохраняет от ударов чешуйчатый панцирь с рукавами до середины предплечья и полами выше колен, усиленный в местах, требующих дополнительной защиты, — на груди и плечах — деревянными накладными щитками. Конечности рук и ног защищены наручьями и поножами, голова — сфероконическим шлемом с бармицей. Применение щита становится излишним. Всадник вооружен прямым однолезвийным палахом, копьем с вытянуто-ромбическим или жаловидным наконечником (пикой), боевым топором с узким лезвием и высоким обушком, сложносоставным луком со срединными боковыми и фронтальными накладками, стрелами с трехлопастными, трехгранно-трехлопастными, трехгранными, че-

Табл. XLV. Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина VI—VIII вв.

Табл. XLVI. Реконструкция тяжелооруженного кыргызского воина IX—X вв.

тырехгранными (бронбойными) наконечниками. Стрелы хранились во вместительном открытом колчане с карманом наконечниками вверх. Колчан украшался костьюными орнаментированными накладками.

В снаряжение боевого коня помимо жесткого седла со стременами и узды с удилами входила защитная попона, усиленная деревянными накладными щитками и цокрывавшая его корпус «от брюха до ног»¹ (табл. XLVI).

¹ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 60.

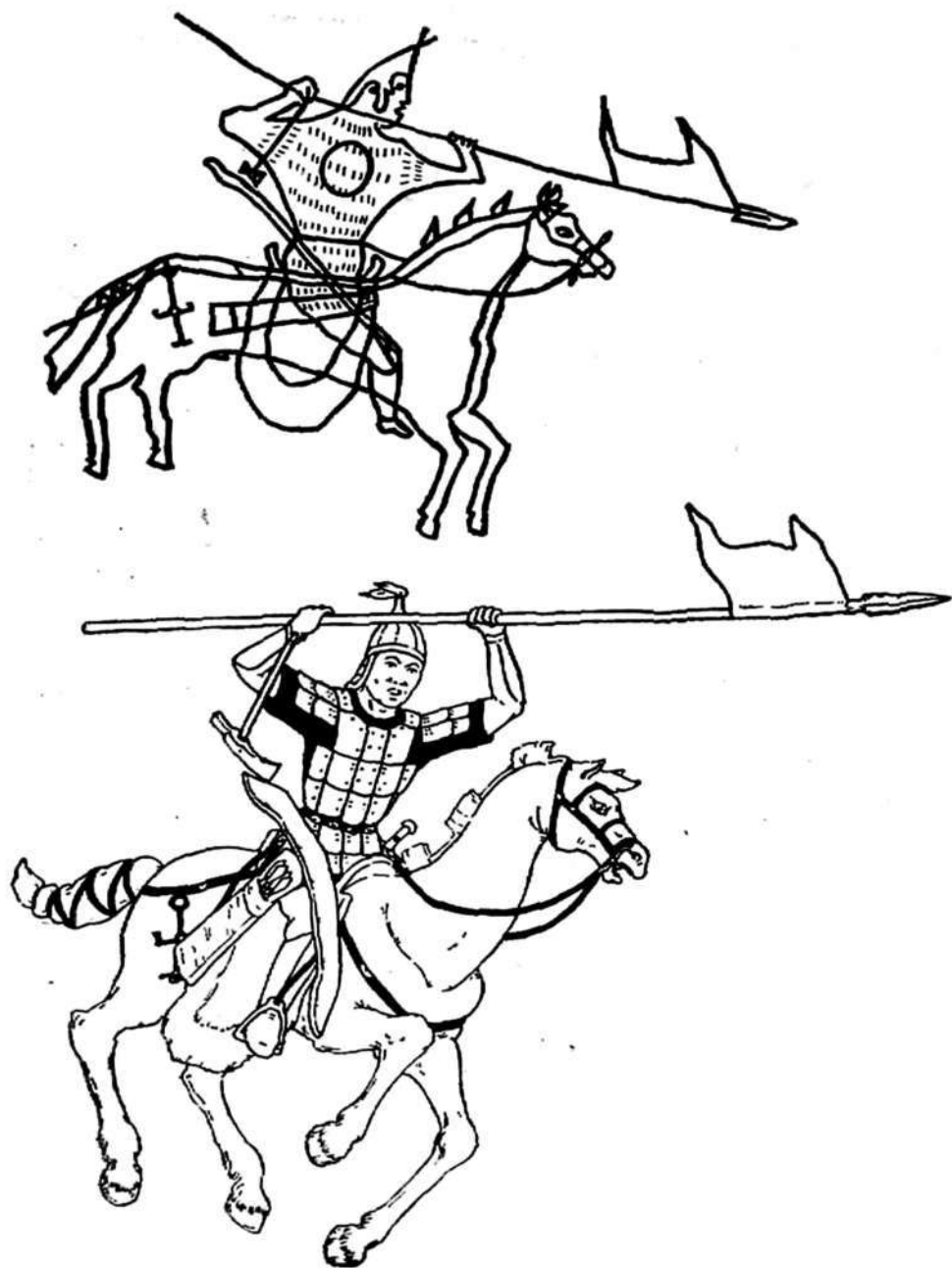

Табл. XLVII. Реконструкция тяжеловооруженного кыргызского воина XI—XII вв.

На третьем этапе (XI—XII вв.) в составе вооружения тяжеловооруженного воина-всадника происходят дальнейшие изменения. Воин защищен пластинчатым панцирем, наручьями, поножами, сфероконическим шлемом и бармицей. В набор вооружения входят прямой однолезвийный палаш с обоюдоост-

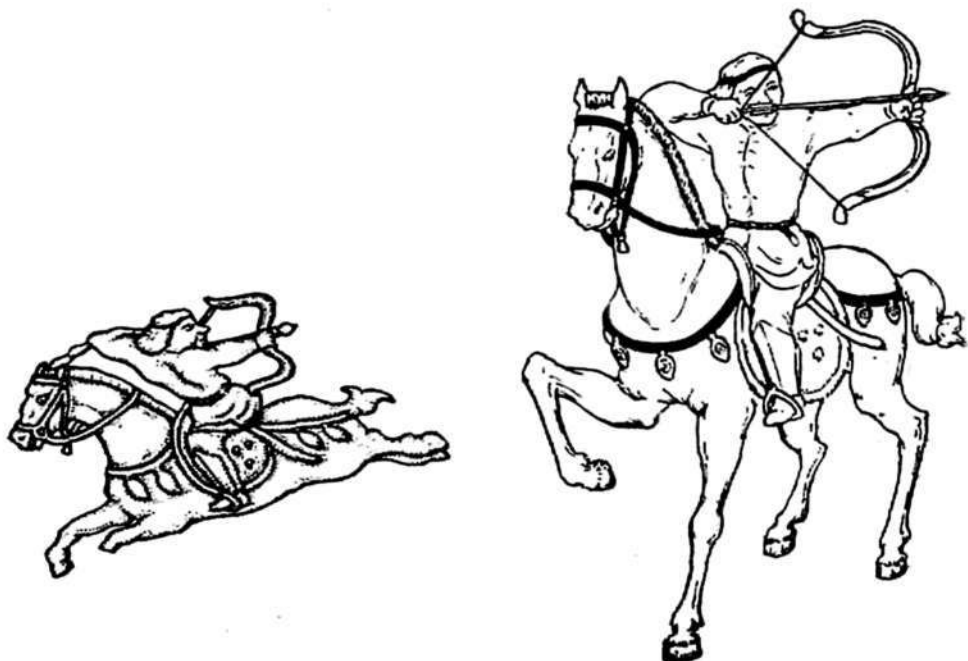

Табл. XLVIII. Реконструкция легковооруженного кыргызского воина VI—XII вв.

рым острием, прямая сабля с рукоятью, скошенной в сторону лезвия, и обоюдоострым острием, слабоизогнутая сабля с обоюдоострым острием, копьё с вытянуторомбическим или кинжаловидным наконечником, боевой топор с широким лезвием и низким обухом, сложносоставной лук с плечевыми фронтальными накладками, хранившийся в походном состоянии в чехле-налучье, стрелы с плоскими, трехгранными, четырехгранными (бронбойными) наконечниками. Стрелы хранились в открытом колчане с карманом наконечниками вверх (табл. XLVII).

Снаряжение боевого коня: попона, жесткое седло со стременами и узда с удилами.

В наборе вооружения кыргызского легковооруженного всадника существенных изменений, видимо, не происходило. Он был вооружен сложносоставным луком (в каждом из периодов соответствующей модификации), набором стрел, хранившихся в колчане, и, возможно, рубящим оружием — палашиом или саблей. Легковооруженные воины имели и отдельные детали защитного вооружения: поножи, накладные щитки, щиты. Сбруя, входившая в снаряжение боевого коня, однотипна с конским убранством, применявшимся тяжеловооруженными воинами. Есть основания предполагать, что в XI—XII вв. с интенсификацией конного боя в наборе вооружения легковооруженных всадников увеличивается количество эле-

ментов из состава вооружения тяжеловооруженных воинов, т. е. между комплексом оружия этих двух родов войск наблюдается определенная нивелировка (табл. XLVIII).

Структура военной организации. Вопросы изучения государственного устройства и военной организации енисейских кыргызов в VI—XII вв. получили известное освещение в трудах С. В. Киселева, А. Н. Бернштама, Л. Р. Кызласова².

Сведения о военной организации кыргызов VI—VIII вв. очень фрагментарны. Поскольку главенствующее положение у них занимала родовая аристократия — беги³, о кыргызском войске можно судить как об ополчении возглавляемых ими родов или племен. В целях грабительских набегов, «чтобы добыть золота»⁴, и успешного отражения завоевательных походов тюрков и уйгуров, родовая аристократия — эль — объединяется вокруг военного вождя, который в VII—VIII вв. носил титулы сылиф (эльтебер)⁵, каган⁶, «Пицьсе Тунге Гинь (тегин)»⁷, ажо⁸. Изменение титулатуры кыргызского правителя было следствием военных неудач и зависимости от центральноазиатских кочевых держав.

Во главе кыргызского войска стоял ажо. Отряды возглавляли беги. Формировались они из дружинников бега — огушей, огланов, представителей «свободного народа» — всех взрослых мужчин, способных носить оружие. Некоторые формирования состояли только из вассалов. Степень организованности, дисциплинированности такого войска была не очень велика. Так, в 711 г. боевой лагерь кыргызов подвергся ночью внезапному нападению тюрков, что свидетельствует об отсутствии у них должной сторожевой службы и разведки. По-видимому, частые военные неудачи кыргызов в войнах VII—VIII вв. были следствием отсталой военной организации по сравнению с государствами Центральной Азии.

Существенные изменения произошли в структуре военной организации кыргызов в IX—X вв. Кыргызский правитель — ажо, приняв в 820 г. титул кагана, тем самым провозгласил полную независимость от уйгуров; более того, стал претендовать на гегемонию в Центральной Азии. Поскольку инициати-

² Киселев С. В. Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X вв. — Изв. АН СССР. Сер. ист.-филол., 1946, т. 3; Он же. Древнехакасский эль. — Учен. зап. КНУИЯЛИ, Абакан, 1948, вып. 1; Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

³ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй..., с. 157.

⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 598.

⁵ Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. — Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 481.

⁶ Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. — В кн.: История и культура Китая. М., 1974, с. 240.

⁷ Бартольд В. В. Киргизы, с. 487.

⁸ Там же.

ва в войне с уйгурами исходила от кыргызов, вполне вероятно, что ее объявлению предшествовала основательная подготовка, в том числе укрепление центральной административной и военной власти. В ходе войны, в которой уйгуры потерпели поражение в 840 г., у кыргызов сложилась централизованная военная организация.

Во главе государственного и военного аппарата стоял каган (Хыргыз-хакан)⁹. Далее следует иерархия чиновников. «В их государстве великий командующий называется Хэси-бэй, следующий по чину называется Ацзюйшэ-бибэй, следующий называется Ами-бэй. Эти три чиновника вместе управляют»¹⁰. Остальные «чиновники разделяются на шесть разрядов, как то: министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и даганы. Министров считается семь, главноначальствующих три, управителей десять, все сии заведуют войсками»¹¹.

Для идентификации кыргызских военных чинов с боевыми единицами войска необходимы данные о его численности. В источниках содержатся различные сведения о количественном составе кыргызского войска в IX в.: 30 тыс.¹², 70 тыс.¹³, 80 тыс.¹⁴, 100 тыс.¹⁵, а в надписи уйгурского кагана Кутлуга — даже 200 и 400 тыс.¹⁶. Поскольку в решающем сражении под Орду-Балыком, от исхода которого зависела судьба войны, кыргызское войско насчитывало 100 тыс. воинов, можно принять, что его общая численность не превышала этой цифры. Следовательно, такие данные, как 30 тыс. и 70—80 тыс., можно считать количественной характеристикой отдельных внутривойсковых формирований. Как указывается в источнике, «если набирают и отправляют войско, то выступает весь народ и все вассальные поколения»¹⁷.

На наш взгляд, цифра 30 тыс. означает «весь народ», т. е. численность взрослого мужского населения, собственно кыргызов, тюркского племени, в подчинении у которого находилось разноплеменное население Среднего Енисея. Кыргызы, захватив в ходе войны с уйгурами обширные территории Центральной Азии, становятся регулярной армией государства, тяжеловооруженной гвардией кагана.

Цифра 70—80 тыс. соответствует численности ополчения, сформировавшегося из «вассальных поколений» и составлявшего

⁹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1, с. 41.

¹⁰ Кюннер Н. В. Китайские известия..., с. 55.

¹¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 352.

¹² Кюннер Н. В. Китайские известия..., с. 60.

¹³ Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, с. 30.

¹⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 351.

¹⁵ Малявкин А. Г. Материалы по истории..., с. 26.

¹⁶ Бартольд В. В. Киргизы, с. 487.

¹⁷ Кюннер Н. В. Китайские известия..., с. 60.

го легковооруженную конницу. В походе 848 г. кыргызское войско во главе с министром А-бо насчитывало 70 тыс. воинов из различных племен¹⁸.

Каждая из приводимых в источниках цифр численности кыргызского войска кратна 10. Можно предположить, что это войско подразделялось на боевые единицы тумены, в каждой из которых было не менее 10 тыс. воинов¹⁹. Подтверждается это и описанием похода Джучи-хана в 1207 г. на Саяно-Алтайское нагорье²⁰.

Для определения соответствия воинских чинов сопоставим общую численность войска: 30 тыс. + 70 тыс. (80 тыс.) = 100 тыс. (10 туменов), с количеством военных чинов первого и второго рангов: 3 бэй + 7 министров = 10, и третьего и четвертого рангов: 3 главноначальствующих + 10 управителей = 13 (10). Вероятно, чиновники первых двух рангов — командиры туменов, чиновники двух последующих рангов — командиры полутуменов. Бэй и главноначальствующие — командиры туменов и полутуменов тяжеловооруженной конницы, министры и управители — командиры туменов и полутуменов легкой конницы (рис. 8).

Сведений о возможном подразделении кыргызского войска на более мелкие единицы в IX—X вв. в источниках нет.

Наличие у высших чинов кыргызской военной администрации персональных званий — хэси-бэй, адзюйшеби-бэй и ами-бэй — может означать определенную степень родства с каганской семьей, по аналогии с высшими чинами тюркских каганатов. «Великий командующий» хэси-бэй, т. е. главнокомандующий, являлся, вероятно, наследником престола. Высшие чины, командиры туменов, могли самостоятельно возглавлять войско, если каган не принимал участия в походе, как например, министр А-бо. Таким образом, на наш взгляд, высшие чины кыргызской армии замещались представителями каганской династии из числа ближайших родственников кагана.

Министрами, командирами туменов легкой конницы из «вассальных поколений», очевидно, были представители родовой аристократии — беги.

Два последующих чина кыргызской военной администрации — главноначальствующие и управители — могли замещаться как людьми аристократического происхождения, так и представителями служилой знати, выдвинувшейся из числа профессиональных воинов-дружинников²¹.

Складывание военной организации у кыргызов можно считать одной из основ военных успехов IX в. Победоносная

¹⁸ Малявкин А. Г. Материалы по истории..., с. 30.

¹⁹ Кызласов Л. Р. О численности древних хакасов в IX—XI и в XIII вв.— Учен. зап. КНУИЯЛИ, Абакан, 1966, вып. 12, с. 156.

²⁰ Кафаров П. Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане.— В кн.: Восточный сборник. Спб., 1877, т. 1, с. 131.

²¹ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 121.

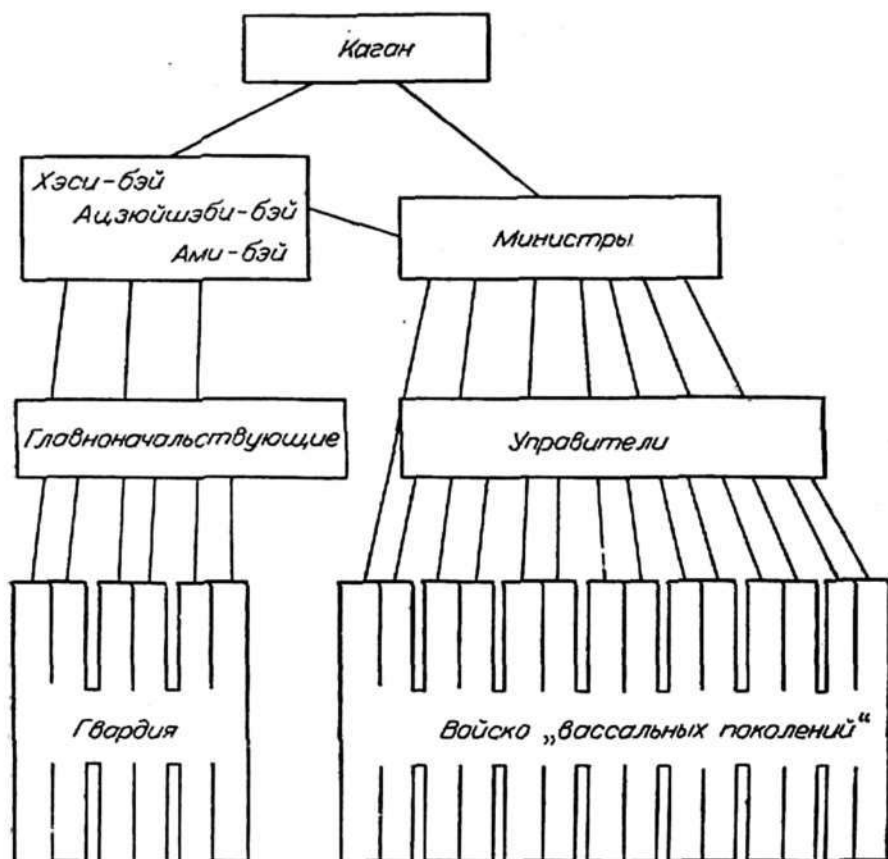

Рис. 8. Структура военной организации кыргызов в IX—X вв.

война принесла кыргызской феодализирующейся знати кратковременное господство над обширными территориями Центральной Азии, открыла широкие возможности для обогащения путем грабительских набегов, для беспрепятственного сообщения с империей Тан. Однако затяжная война подорвала их силы. Значительная для относительно немногочисленных кыргызов убыль мужского населения фертильного возраста в ходе военных действий, расселение на захваченных территориях, приведшее к «размыванию» этноса в иной этнической среде, обусловили быстрый закат кыргызского великодержавия. Этими факторами в значительной мере объясняется непродолжительность их господства в Центральной Азии. Занявшие в начале X в. эти территории кидани уже не встретили кыргызов²².

Сложившаяся у кыргызов военная организация, приспособленная для нужд большой войны, в XI—XII вв. изжила себя. Поэтому ненужной становится централизованная военно-административная система. Происходит децентрализация вла-

²² Там же, с. 95.

сти, выдвигаются наместники отдельных областей, которым подчинялись более мелкие владения — баги²³.

Лишенные возможности обогащаться в завоевательных войнах, кыргызские феодалы организуют многочисленные грабительские набеги, часто воюют друг с другом. Изменяются цели и масштабы военных мероприятий: «...когда я был героем-воином, был таким (?). Я ходил для добычи золота»²⁴. Численность войска в подобном походе невелика: «...количество войска, участвовавшего в войне, было семь тысяч»²⁵. В этих бесчисленных междоусобных войнах, в неудачных столкновениях с кара-китаями и найманами складывается у кыргызов десятичная система деления войска²⁶. Тумены становятся основной войсковой единицей и выставить их могли теперь только отдельные владения, на которые распалось кыргызское государство. У каждой из областей имелся собственный правитель. «Титул каждого их государя, хотя бы он имел другое имя — инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, — Иди»²⁷.

Титулы обоих владетелей — «инал», вероятно, соответствовали званиям прежних наместников областей, происходивших из древнего рода кыргызских каганов «Иди». Вместе с тем в источнике отмечается, что «кыргыз и кэм-кэмджиут — две области смежные друг с другом» и «обе они составляют одно владение»²⁸. Это обстоятельство можно объяснить не только общностью происхождения династий обеих княжеств, но и тем, что каганская ставка некоторое время продолжала существовать, сохраняя лишь сакральные функции. «У них есть царь, которому они подчиняются, и он осведомлен об их нуждах. Никто не может подойти к нему, пока ему не минет срок лет»²⁹. Эти сведения изложены ал-Бакуви, писавшем в конце XIV — начале XV вв., но могут относиться к времени не позднее начала XIII в., когда кыргызские княжества были завоеваны монголами.

Реальная административная и военная власть в каждом из кыргызских владений принадлежала иналу, в подчинении у которого находились правители более мелких военно-административных единиц — багов. Войско каждого владения формировалось из дружин инала и его вассалов и, возможно, из ополчения покоренных племен — кыштымов (рис. 9).

²³ Кызласов Л. Р. Новая датировка енисейской письменности, — СА, 1960, № 3, с. 117.

²⁴ Древние письма Хакасии. Абакан, 1970, вып. 1, с. 34.

²⁵ Там же, с. 46.

²⁶ Кызласов Л. Р. Из истории племени Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв. — Учен. зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1965, вып. 11, с. 50.

²⁷ Рашид-ад Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 150.

²⁸ Там же, с. 150.

²⁹ Абд Ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-Асар ва ал-малик ал-кахар. М., 1971, с. 104.

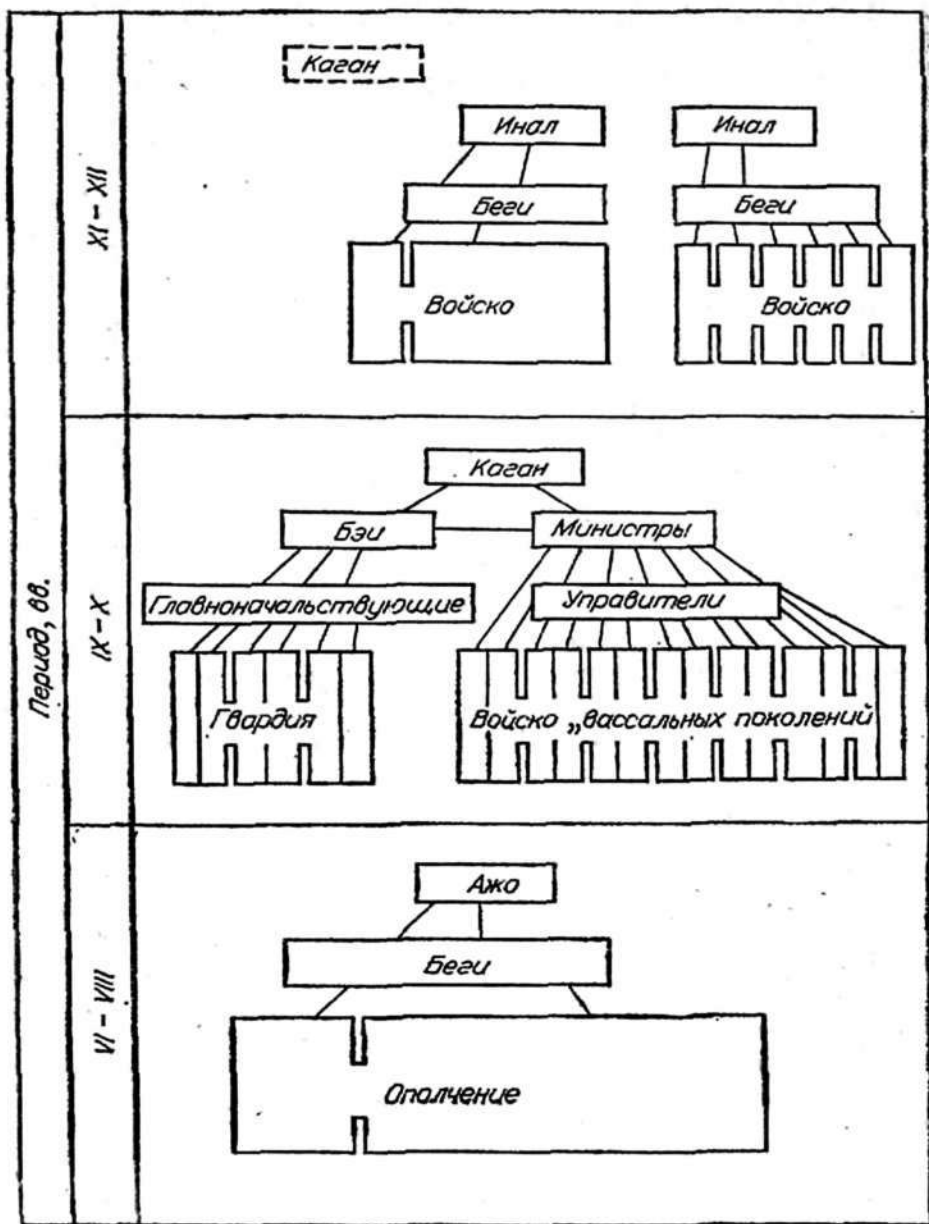

Рис. 9. Эволюция структуры военной организации кыргызов в VI—XII вв.

Характерно, что эволюция структуры военной организации у кыргызов имела те же хронологические этапы, что и развитие вооружения, чем подтверждается единство закономерностей процесса развития военного дела.

Военное искусство. Характер вооружения и особенности военной организации кыргызов позволяют в известной мере ре-

конструировать тактику боя и способы ведения войны.

Для VI—VIII вв., когда основу кыргызского войска составляла легкая конница и вес защитного доспеха тяжеловооруженного воина был не особенно велик, главную роль в тактике боя играли рассыпной строй и метание стрел. Основным оружием являлись лук и стрелы. При формировании войска, как ополчения отдельных родов и племен, боевые единицы строились по родовому принципу, разделение по родам войск и численности не соблюдалось. Такое войско было недостаточно сплоченным и дисциплинированным. Его стойкость в бою во многом зависела от успеха вначале сражения. Роль полководца сводилась к первоначальному построению войска и расположению отдельных отрядов перед сражением.

Бой начинался атакой конных лучников, сопровождаемой метанием стрел. В случае неудачи первого натиска наступавшие откатывались на определенную дистанцию для повторения атаки в соответствии с тактикой рассыпного строя. В случае замешательства в рядах противника или ответного удара кыргызские военачальники вели свои отряды в наступление; при этом использовались длинные копыя и щиты. Вероятно, основные силы атакующих составляли отряды собственно кыргызов, лучше вооруженных и чаще участвовавших в походах. Последовательность применения лука и стрел, а затем копыя по ходу боя отражена в описании сражения в Черни Сунга с тюрками: «...одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол (копьем) одного после другого»³⁰.

Недостаточная вооруженность и слабая организованность кыргызского войска в VI—VIII вв. приводили часто, как уже отмечалось, к неудачам в войнах с кочевыми государствами Центральной Азии.

В IX—X вв. в связи с образованием у кыргызов централизованной военной организации и разделением армии по родам войск происходят существенные изменения в тактике боя.

Ведение боя кыргызами в этот период можно представить как взаимодействие легкой и тяжелой конницы с определенной последовательностью их вступления в бой.

Бой начинали отряды легковооруженной конницы (табл. XLIX, 1—6; табл. L, 1, 2, 5, 6), основной задачей которой была тактическая разведка: определить примерную численность, местоположение и характер построения противника.

Легкая конница действовала в соответствии с тактикой рассыпного строя, охватывая противника по всему фронту и метая стрелы³¹. В ряде случаев это могло решить исход боя.

³⁰ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 41.

³¹ Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, вып. 23, с. 143.

Табл. XLIX. Изображения кыргызских воинов:
1—5 — Сулекская писаница, 6 — Барун Бичигит.

Но при столкновении больших масс войска целью подобной тактики было расстроить планы врага, изнуряя его метанием стрел, или спровоцировать на атаку притворным бегством.

При нарушении строя, замешательстве или атаке противника в бой вступала тяжелая конница (табл. L, 3, 4;

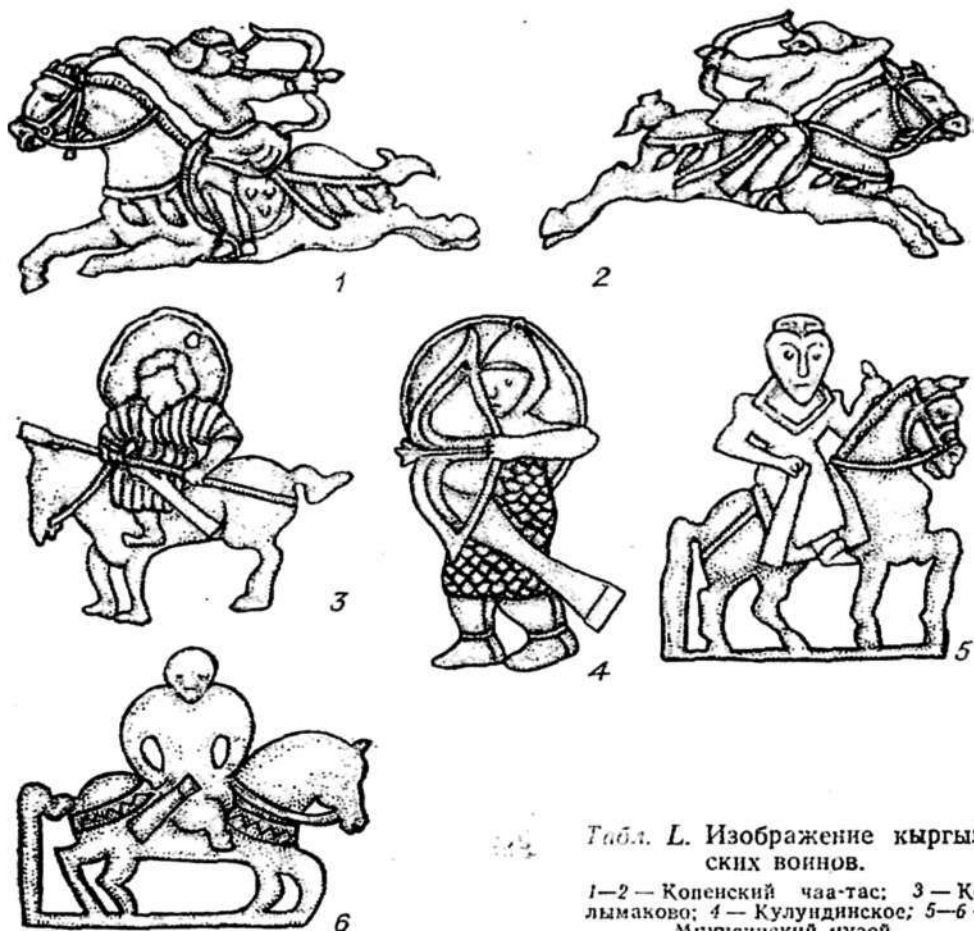

Табл. L. Изображение кыргызских воинов.

1—2 — Копенский чаа-тас; 3 — Колымаково; 4 — Кулундинское; 5—6 — Минусинский музей.

табл. LI; табл. LII), находившаяся в резерве. Для этого рода войск была характерна тактика атаки плотно сомкнутым строем³².

Основным оружием тяжелой конницы являлась пика. Атаковали на большой скорости, увеличивая тем самым мощность удара пики. В результате атаки конных копейщиков, как правило, решалась участь боя. В источниках подчеркнуты степень важности и последовательность применения различных видов оружия: «...на войне употребляют лук и стрелы и знамена»³³. За атакой копейщиков следовали рукопашные поединки с применением палаша, сабли, щита. Если в момент стрельбы из лука или атаки пикой щит откидывался на ремень за спину, то в рукопашном бою он использовался для отражения ударов. Отмечается скоротечность и ожесточен-

³² Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 74.

³³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 352.

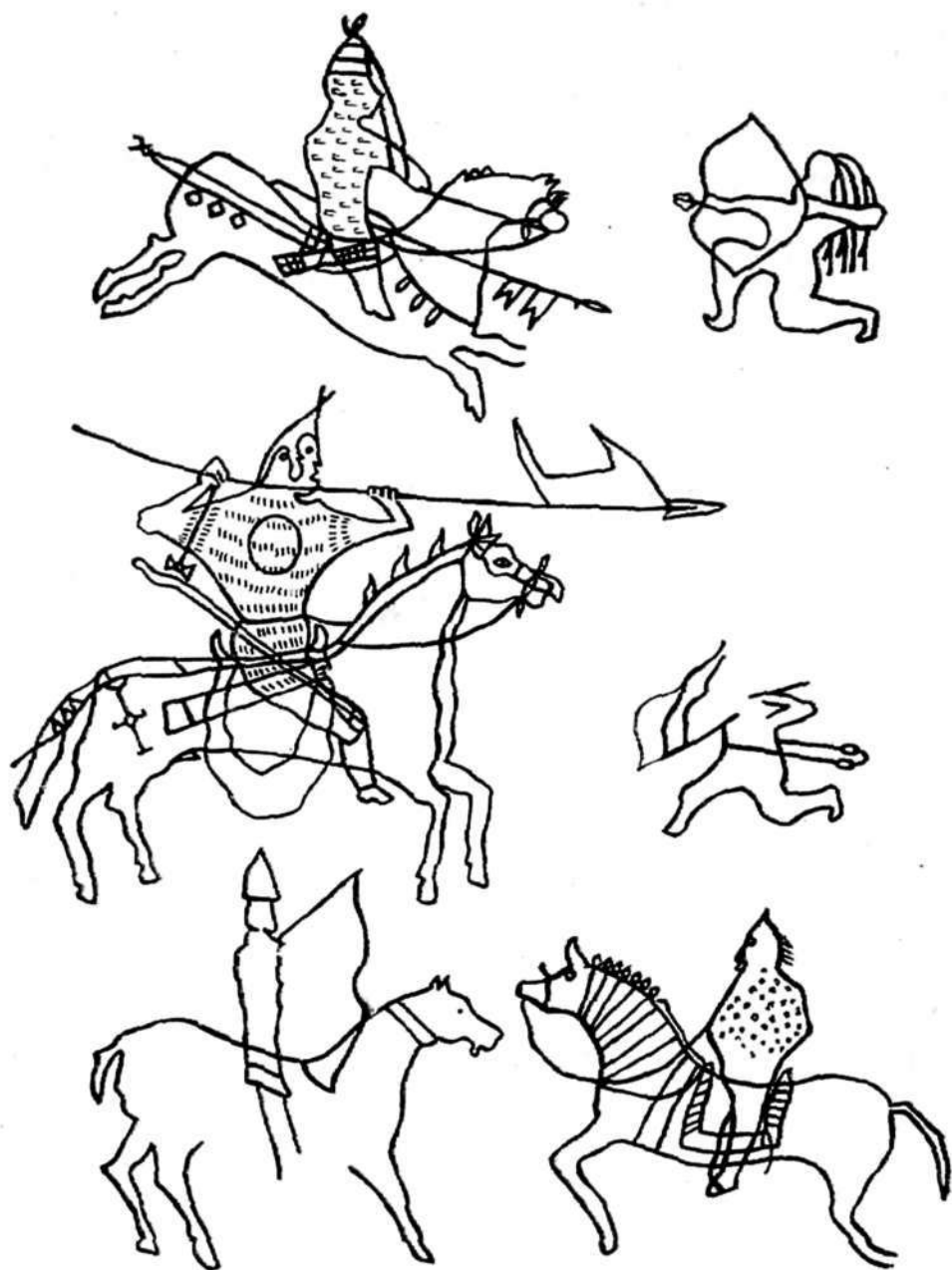

Табл. LI. Изображения кыргызских воинов на Сулекской писанице.

ность рукопашных схваток: «...а в рукопашную рубятся, очертя голову, мечами...»³⁴. Так сражались еще гунны.

Если противник не выдерживал и спасался бегством, бросая оружие и доспехи, его преследовали.

³⁴ Мерперт Н. Я. Из истории оружия..., с. 159.

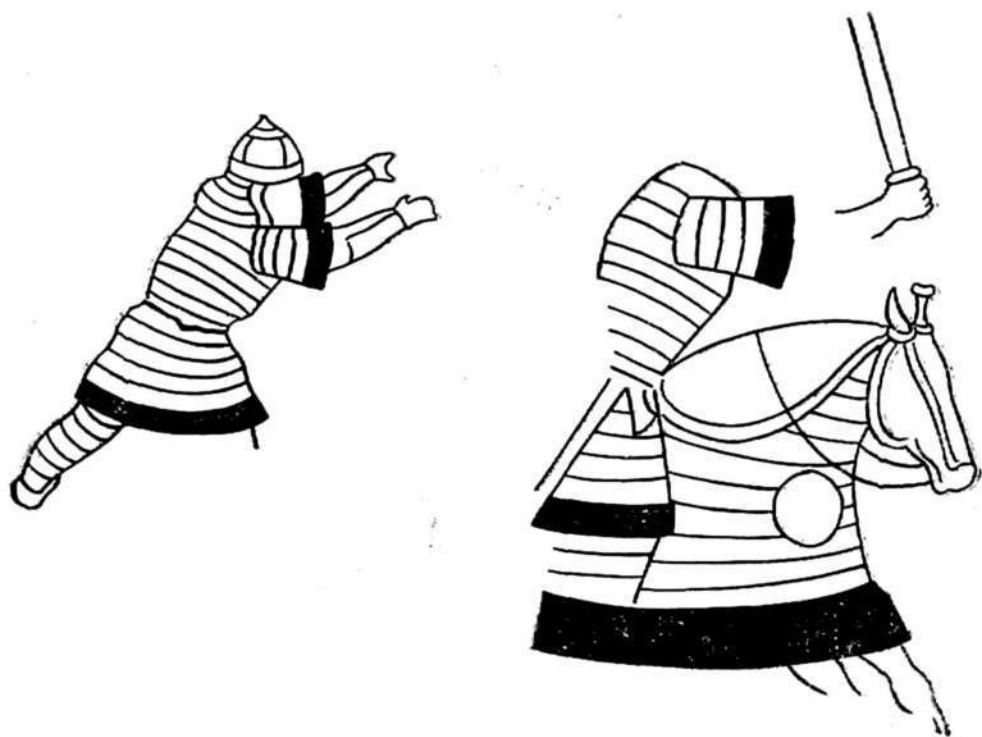

Табл. LII. Изображения кыргызских воинов из Кум-Тура.

Кыргызы умели брать крепости. Под их ударами пала система уйгурских крепостей в Туве. В 840 г. они взяли и разрушили уйгурскую столицу Орду-Балык, город, защищенный стенами десятиметровой высоты, массивными башнями. Сложной конфигурацией оборонительной стены учитывалась возможность нападения³⁵. Умели кыргызы и возводить крепости, как и другие фортификационные сооружения, с учетом рельефа местности³⁶. Эти оборонительные сооружения в значительной мере остаются пока не изученными.

В IX в. кыргызское войско совершало длительные походы в Забайкалье и Восточный Туркестан. Транспортным средством являлись двухколесные повозки, запряженные верблюдами³⁷. По мере необходимости такие повозки, составленные в круг, могли использоваться как укрепленный лагерь.

Войны вели кыргызы с большим ожесточением. Источники подчеркивают их воинственность и склонность к жестокости³⁸. Так, Орду-Балык был основательно разрушен и сож-

³⁵ Киселев С. В. Древние города Монголии.— СА, 1957, № 2, с. 94.

³⁶ Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища.— Тр. САРАНИОН, М., 1929, т. 4, с. 563.

³⁷ Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 171.

³⁸ Материалы по истории киргизов..., с. 41.

жен. «В городе, а также в окружающем его земледельческом районе почти в каждом доме были ступы и жернова для размола зерна. И все эти жернова и ступы оказались разбитыми, как были разбиты стрелы уйгурских ханов»³⁹. Эти меры также можно считать своеобразной тактикой ведения войны, цель которой запугать противника, заставить сложить оружие, покориться.

Беспощадность к врагу сочеталась у кыргызов с суровой дисциплиной в войске. «Законы их очень строги. Произведшего замешательство перед сражением... приговаривают к отсечению головы»⁴⁰.

В XI—XII вв. в связи с отмеченными выше изменениями в военном деле тактика боя у кыргызов также претерпевает изменения. Использование плоских наконечников стрел свидетельствует о сокращении дистанции и увеличении частоты стрельбы. С изменением формы наконечников копий применение копья перестает быть одноразовым актом. Так, отмечается, что у монголов XIII в. «...есть копыя, и на шейке железа копыя они имеют крюк, если могут, стаскивают человека с седла»⁴¹. С появлением сабли повышается значение рукопашного боя и усложняются приемы фехтования. По-видимому, в XI—XII вв. в отрядах кыргызских феодалов увеличивается контингент защищенных панцирем. Интенсификация конного боя обуславливает использование различных видов оружия на разных этапах боя. Возрастают роль и продолжительность ближнего боя в сражении в целом.

Военная история. Прослеженные закономерности в развитии форм вооружения, военного искусства кыргызов подтверждаются историей войн, которые вели кыргызы на протяжении рассматриваемого периода.

В VI—VIII вв. кыргызы часто терпели поражения, как уже отмечалось, в войнах с кочевыми державами Центральной Азии и даже временно теряли самостоятельность, что отразилось на изменении титулатуры их правителей. Сведения по военной истории кыргызов изучаемого периода очень фрагментарны.

554—555 гг. каган тюрков Мугань-хан «на севере покорил Цигу»⁴², хотя тюркам не удалось «форсировать Саяны»⁴³. По-видимому, в результате похода Мугань-хана кыргызы попали в вассальную зависимость от тюрков первого каганата. Производимое ими «оружие крайне острое, постоянно вывозят к туюе»⁴⁴, т. е. Минусинская котловина превратилась в базу

³⁹ Киселев С. В. Древние города Монголии, с. 95.

⁴⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 353.

⁴¹ Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911, с. 29.

⁴² Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 229.

⁴³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 31.

⁴⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 352.

железодельного и оружейного производства Тюркского каганата, подобно тому, как при господстве жужаней аналогичную роль играл населенный тюрками Алтай. Кыргызские племена стали для тюрков и источником «рабов из числа военнопленных». Это были главным образом женщины. Истеми-хан подарил Земарху в 569 г. пленницу «из народа кыргыз»⁴⁵. Возможно, именно в VII в. в Минусинскую котловину проникает население, хоронившее по алтайскому обряду — трупоположения с конем⁴⁶ и трупоположения в каменных ящиках⁴⁷.

В 572 г. каган Арслан Тобо-хан выделил в удел Або-хану Торэмену «северное ханство», куда, возможно, входили и земли кыргызов⁴⁸.

В результате династической междоусобицы в первом Тюркском каганате, приведшей к его распаду в 581 г. (активное участие принял в ней и Або-хан), кыргызы освободились от вассальной зависимости от тюрков. Уже в 583 г. кыргызы не только смогли вернуть самостоятельность, но и вынашивали планы активного вмешательства в события в Центральной Азии: «Цигу, которые властвуют к северу от тугю, со скрежетом зубным ожидают своей возможности [отомстить]»⁴⁹.

Независимое положение кыргызы сохраняли до 629 г., когда их государство попало в подчинение Телесскому каганату во главе с Домом Сейяньто, «который имел там своего гейлифу для верховного надзора»⁵⁰. В это время складываются зачатки будущей военно-административной структуры кыргызского государства: «Хягасский владетель имел трех министров, которые были Гейси Бей, Гюйшабо Бей и Ами Бей. Они управляли всеми государственными делами»⁵¹. Зависимость от Дома Сейяньто была непродолжительной. А в начале 30-х гг. VII в. Туву и кыргызские земли захватили тюрки во главе с Чеби-каганом⁵². В Туве Чеби-каган удержался до 649 г., а кыргызы уже в 632 г. вновь обрели самостоятельность.

После восстановления Тюркского каганата кыргызы принимают активное участие в событиях в Центральной Азии, выступая в качестве союзников империи.

Так, против тюрков «справа [на юге] народ Табгач был врагом, слева [на севере] народ Токуз-огузов [под начальством] Баз-кагана был врагом, кыргызы, курыканы, отуз-та-

⁴⁵ Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 53.

⁴⁶ Евтюхова Л. А. Археологические памятники... рис. 108—111.

⁴⁷ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 534.

⁴⁸ Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 58.

⁴⁹ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 52.

⁵⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. I, с. 354.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 236.

тары, кытай и татабы — все были врагами»⁵³. Несмотря на разгром тюрками коалиций Баэ-кагана в 688 г.⁵⁴, кыргызы, которые в этом сражении не участвовали, укрепив свои позиции, возглавили антитюркские силы на северных границах каганата. Тюркский каган Капаган был вынужден пойти на признание за кыргызским владетелем титула кагана и отдать ему в жены дочь кагана Кутлуга. Вероятно, это произошло вскоре после смерти Кутлуга в 693 г., когда поход Капаган-кагана на север закончился неудачно: «С моим дядею-каганом мы ходили войною... перейдя через Кегменскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны ки[ргизов].

Был Барс-бег: мы в то время [при тех обстоятельствах] даровали [ему] титул кагана и дали [ему в супружество] мою младшую сестру-княжну»⁵⁵. Таким образом, кыргызское государство было уравнено с тюркским каганатом. Кыргызский каган проводил активную внешнюю политику. В 707—709 гг. в империю Тан дважды приезжали кыргызские посланцы⁵⁶. В это время тюрки вели ожесточенную войну с империей Тан, и кыргызы оказались в числе союзников последней: «Каган табгачский был нашим врагом. Каган десяти стрел (тюргешей) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: «Да пойдём мы Алтунскую чернь». Так они рассудили и сказали: «Да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если не пойдём на него, как бы то ни было он нас победит: каган — герой, а советник его мудрец, он, возможно, окажется нашим убийцей. Втроем мы объединимся, отправимся в поход и уничтожим его»⁵⁷. В этой антитюркской коалиции наибольшую опасность для тюрков представляли усилившиеся кыргызы, по которым решено было и нанести превентивный удар. В 709 г. принц Могилян разгромил союзных кыргызам чиков и азов в Туве⁵⁸, захватив плацдарм для вторжения и собственно кыргызские земли. Зимой 710/11 г. тюркское войско совершило поход на кыргызов, к которому тщательно подготовилось. Во главе тюркской армии стоял полководец Тоньюкук и принцы Кюль-Тегин и Могилян. Тоньюкуку удалось осуществить стратегический маневр в обход основного пути по Енисею: «Тогда я задумал... будем воевать [против киргизов]... — сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кегмен [только] одна и она завалена [снегом], я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал

⁵³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л. 1951, с. 38.

⁵⁴ Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 282.

⁵⁵ Малов С. Е. Памятники... с. 38.

⁵⁶ Супруненко Г. П. Некоторые источники..., с. 241.

⁵⁷ Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 298.

⁵⁸ Там же.

знатока той местности и нашел человека из степных азов. „Моя родная земля — Аз, ее зна(ю)...

(Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади” — сказал [он]. Я сказал: „Если ехать той дорогой, то [это] возможно”. Я задумался и моего кагана я просил. Я приказал двинуться войску, я сказал: „Садись на коней!” Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться [тыловым] лагерьем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх [горы], ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди протоптали [снег], и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона [горы], обойдя [горный снежный] завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: „Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны!” Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать [свое войско], мы приказали остановиться, а лошадей привязали к деревьям. И ночью и днем мы быстро скакали»⁵⁹.

Благодаря обходному маневру, тюркское войско обрушилось на кыргызов внезапно: «На кыргызов мы напали во время (их) сна... проложили путь копьями»⁶⁰. Уцелевшие от разгрома кыргызы пытались оказать сопротивление: «Хан их и войско их собралось»⁶¹. «С их каганом мы сразились в Черни Сунга, Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол [копьем] одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли»⁶². «А народ его стал рабынями и рабами. Говоря: пусть не останется без хозяина страна Кегменская, — мы завели порядок в немногочисленном (т. е. пришедшим тогда в упадок.— С. М.) народе кыргызов. Мы пришли, сразились и снова дали (страну в управление киргизу — С. М.) [В честь моего дяди-кагана] я поставил во главе [вереницы могильных камней] „балбалом” киргизского кагана»⁶³. Несмотря на разгром, кыргызы сохранили известную самостоятельность. Во главе государства остался кыргызский владетель, хан, продолжавший поддерживать дипломатические и торговые связи с другими государствами. В 731 г. на похороны Кюль-Тегина «от кыргызского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу»⁶⁴. В 724, 747 и 748 гг.

⁵⁹ Малов С. Е. Памятники..., с. 67.

⁶⁰ Там же, с. 67.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, с. 41.

⁶³ Там же, с. 39.

⁶⁴ Малов С. Е. Памятники..., с. 43.

кыргызы пригоняли в Китай для обмена лошадями⁶⁵. Однако сохранив самостоятельность, кыргызы вплоть до падения второго Тюркского каганата в 745 г. не участвовали в военных событиях в Центральной Азии. Даже когда в 715 г. у их южных границ против тюрков выступили азы, они остались безучастны, что позволило Кюль-Тегину легко расправиться с восставшими. «Народ азов стал мне врагом. Мы сразились при Кара-Келе; Кюль-Тегину шел (тогда) тридцать первый год. На своего белого коня героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватил эльтебера азов: народ азов тогда погиб»⁶⁶. По-видимому, последствия поражения в Черни Сунга были для кыргызов достаточно значительными.

Вновь активно вмешаться в события в Центральной Азии кыргызы смогли лишь после падения второго Тюркского каганата. В 751 г. кыргызы в союзе с чиками, огузами и карлуками выступили против экспансии уйгурского кагана Моюнчура. «Девять-Огузов — их беги (военачальники) пришли [и рассказали, что начальник племени] стал врагом. Благодарными бегами и черными рабами он овладел. К кыргызам он послал, мол, людей (со словами): „Вы выйдете [из союза] (т. е. поднимитесь к восстанию — Г. Р.). Принудьте и Чиков к восстанию! Так, мол, сказал он. „Я, дескать, хочу выйти (из союза)“. „Смотрите, останьтесь самостоятельными! В лесу мы с вами соединимся“, так мол, сказал он»⁶⁷. Поскольку намерения противника стали известны уйгурам, каган Моюнчур сумел опередить их выступление и разбил союзников поодиночке: «Девятого числа я отправился в поход с войсками. Через тутук — Баши я послал против чиков тысячный отряд, в страну их союзников я отправил немного людей. „Смотрите“, — сказал я, — „Хан Киргизский проживает на краю Кегменских гор в своем доме и лагере, говорят, он послал, говорят, свои летучие отряды в сторону своих союзников, а на эти летучие отряды мои люди уже напали, говорят, и его посланцев задержали: [они сообщили, что] к их хану и его союзникам пришли люди, но что карлуки не пришли к союзникам; так они сказали. Своих людей он отправил против карлуков, сказали они»⁶⁸. После разгрома «летучих отрядов» кыргызского хана уйгуры направили основной отряд против карлуков, что несколько отсрочило решающее столкновение между уйгурами и кыргызами. Однако «в 758 г., хойху (уйгуры. — Ю. Х.) завоевали сие государство, после чего хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство.

Хягасский правитель получил от хойхуского хана титул

⁶⁵ Супруненко Г. П. Некоторые источники..., с. 242.

⁶⁶ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 53.

⁶⁷ Рамстедт Г. И. Перевод надписи «Селенгинского камня». — Тр. ТКОПОРГО, Спб., 1914, т. 15, вып. 1, с. 43.

⁶⁸ Там же, с. 43, 44.

Пицьсье Тунгье Гинь»⁶⁹. Таким образом, после разгрома кыргызов войсками Моюнчура кыргызский владетель утратил титул хана, а его государство попало в зависимость от Уйгурского каганата. Возможно, кыргызские земли временно утратили государственное единство. Зависимость кыргызов от уйгуров была, видимо, более тяжелой, нежели от тюрок. Поэтому кыргызы, воспользовавшись затруднениями уйгуров в войне с тибетцами и сменой власти в каганате (мужского потомства у кагана А-чжо, умершего в 795 г., не было, и уйгурская знать выбрала каганом полководца Кутлуга), восстали⁷⁰. Несмотря на то, что уйгуры вели войну с тибетцами и кардуками, Кутлуг смог разбить кыргызов. Судя по содержанию панегирической карабалгасунской надписи трилингве в честь Кутлуга, произошло это так: «В начале [была] империя Гянь-Гунь, которая более чем 400 000 лучников [воинов] насчитывала. Она [поднялась и]... [но каган был] умный мужественный и ловкий в войне [ему нужно было лишь] один раз выстрелить и попал [в цель]. Хан Гянь-Гуней пал вследствие спущенной тетивы лука [благодаря его стреле], коровы, лошади, хлеб и оружие были нагромождены горами. Государственные дела [империи Гянь-Гунь] прекратились, на земле не стало живых людей»⁷¹. Несомненно, численность кыргызского войска здесь завышена и противоречит сведениям, содержащимся в согдийском тексте карабалгасунского памятника: «Стрелков кыргыз-кагана число в 200 тысяч он собственной рукой разогнал в разных направлениях и взял его царство»⁷².

Некоторые подробности сражения свидетельствуют, что, по-видимому, кыргызы не просто потерпели поражение, а были разгромлены, так как они в течение двух последующих десятилетий не имели возможности решать те или иные политические вопросы самостоятельно. Их правитель вновь лишился титула «хан», начиная с IX в. он именуется в источниках «Ажо»⁷³.

Итак, согласно военной истории кыргызов VI—VIII вв., стратегия их в данный период была преимущественно оборонительной. Театр военных действий ограничивался Тувой и Минусинской котловиной. Несмотря на отдельные успехи, кыргызы были не в состоянии соперничать с кочевыми державами Центральной Азии, часто терпели неудачи в войнах и не раз теряли самостоятельность. Достоверных сведений о

⁶⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... ч. 1, с. 355.

⁷⁰ Гумилев Л. Е. Древние тюрки, с. 415.

⁷¹ Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Spb., 1895. S. 289.

⁷² Hansen O. Zur solghdischen Inschriften aus dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun.— JSFO, Helsingfors, 1930. t. 44, F. 3, S. 19—20.

⁷³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 352.

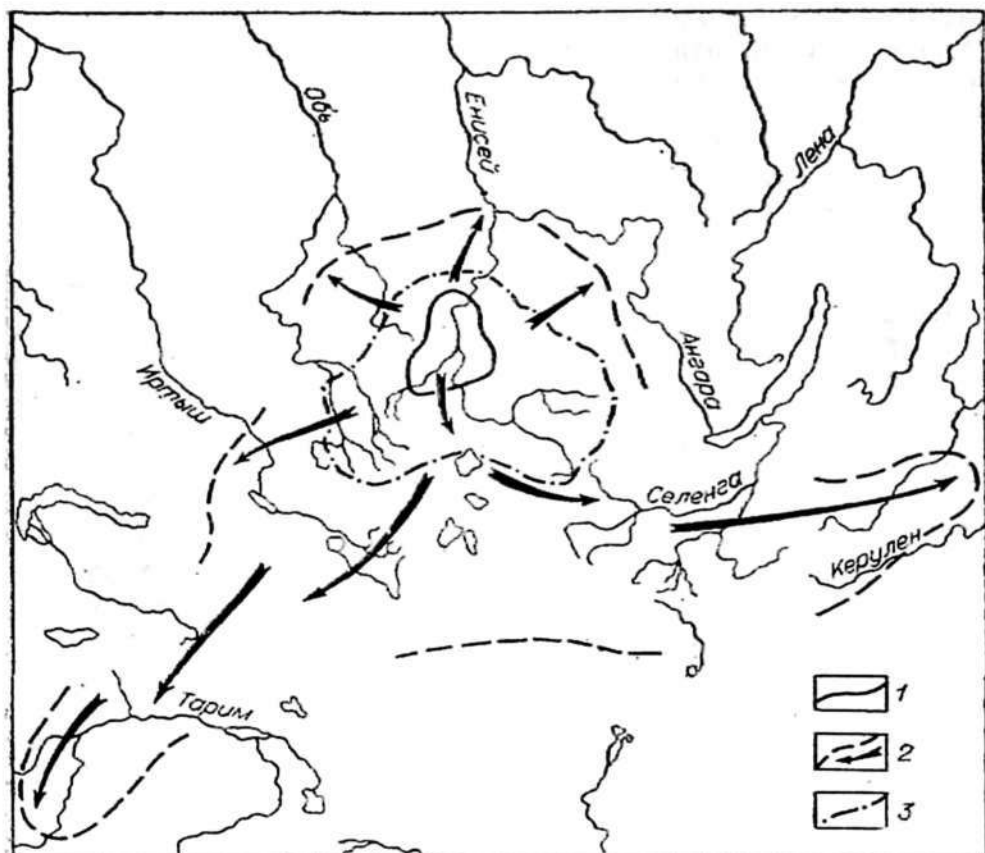

Рис. 10. Схема театра военных действий енисейских кыргызов в VI—XII вв.
 1 — VI—VIII вв.; 2 — IX—X вв.; 3 — XI—XII вв.

численности кыргызского войска в этот период в источниках нет (рис. 10).

IX—X вв. можно назвать периодом «кыргызского великодержавия»⁷⁴, временем поразительных успехов кыргызского оружия в длительной войне с уйгурами.

«Но только что хойху начали упадать, что Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши, — вдовствующей ханшею, жену, дочь Гэду-шеху, — ханьшею»⁷⁵. Это событие 820 г. означало провозглашение независимости от Уйгурского каганата и претензию на гегемонию в Центральной Азии.

Поскольку инициатива в объявлении войны принадлежала кыргызам, можно предположить, что ей предшествовали серьезные изменения внутри кыргызского государства, позволившие мобилизовать силы для борьбы за господство над Центральной Азией. Эти изменения надо связывать со сложе-

⁷⁴ Бартольд В. В. Кыргызы..., с. 489.

⁷⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1. с. 355.

нием централизованной военно-административной системы⁷⁶, где войско и территория были подразделены на соответствующие единицы. Сопровождалось это, вероятно, применением военной силы. В ходе борьбы были подчинены беги, главы родо-племенных единиц зависимых кыштымов, и укреплены тылы путем расширения северных, восточных и западных границ государства. На западе кыргызы граничили с гэллулу, т. е. карлуками, занимая верховья Томи и Бии до Салаирского кряжа⁷⁷ и лесостепное Приобье⁷⁸; на севере они «часто дрались с бома или йелочжи», подчинив территорию севернее современного Красноярска⁷⁹ вплоть до Томска⁸⁰, на востоке их соседями были гулигань (курыканы) — по водоразделу Оки и Ангары⁸¹.

Для объявления войны кыргызы выбрали момент, когда «хойху начали упадать...»⁸². Одним из проявлений упадка Уйгурского каганата было ослабление центральной власти как следствие борьбы придворных группировок, дворцовых переворотов и заговоров. За 30 лет, предшествовавших войне с кыргызами, на престоле сменилось шесть каганов, а в годы войны — еще семь⁸³. Когда кыргызы вступили в войну, усилили свой натиск на уйгуров и тибетцы. В 821 г. в долину Орхона вторглось тибетское войско, что едва не привело к гибели государства. Командовавший тибетскими войсками полководец Шан-шацзан очень невысоко оценил военные силы уйгуров: «Уйгурия в сущности небольшое владение. Некогда я вел с нею войну и уже подходил к ее столице, когда неожиданная смерть государя потребовала моего возвращения на родину. В военном отношении эта держава не может считаться даже нашим соперником»⁸⁴. Несмотря на ослабление мощи уйгуров, военные действия с кыргызами, протекавшие в основном на территории Тувы, приняли затяжной характер: «Хойхуский хан послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну»⁸⁵.

Постепенно военное преимущество кыргызов становится все более ощутимым. «Ажо, надмеваясь победами, говорил: „Твоя

⁷⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 353.

⁷⁷ Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 264.

⁷⁸ Троицкая Т. Н. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н. э. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 184.

⁷⁹ Савинов Д. Г. О границах государства енисейских кыргызов в IX—X вв. — В кн.: проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 91.

⁸⁰ Басандайка. — Тр. ТГУ и ТГПИ. Томск, 1947, т. 98, с. 157.

⁸¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки, с. 264.

⁸² Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 355.

⁸³ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. 2, с. 346—348.

⁸⁴ Там же, с. 347.

⁸⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 355.

судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи»⁸⁶. Военные неудачи усилили нестабильность власти в Уйгурском каганате. Каган Чжао Ли пал жертвой заговора царедворцев в 832 г. Сменивший его Ху Торэ в 839 г. покончил жизнь самоубийством после того, как первый министр Гюйло Фу поднял мятеж и во главе армии в союзе с шато двинулся на Орду-Балык. Первый министр возвел на престол несовершеннолетнего Кэси Торэ, от имени которого стал управлять государством. Против узурпатора восстал полководец Гюйлу Мохэ, соединив свои силы с войском кыргызского кагана⁸⁷. Измена Гюйлу Мохэ открыла кыргызам дорогу на Орду-Балык. В решающем сражении под стенами уйгурской столицы 100-тысячная кыргызская армия разгромила уйгуров: «Хан был убит в сражении и его дэлэ рассеялась»⁸⁸. Кыргызы, взяв Орду-Балык, как уже отмечалось, разрушили и сожгли его: «Ажо под личным предводительством предал огню ханское стойбище и жилище царевны»⁸⁹. Та же участь постигла окружавший столицу земледельческий район⁹⁰. Грабеж был обычным делом: «...Хойхуский хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и в плен взял Тай Хо царевну»⁹¹. Кыргызский каган считал, что с разрушением столицы разгром уйгурского государства закончен, и перенес свое пребывание на южную сторону гор Лоа-Шань»⁹² (в пределах Северо-Западной Монголии). Захваченную в плен царевну Тай Хэ, происходившую «из дома Тхан»⁹³, кыргызы в 841 г. отправили на родину в сопровождении военного эскорта во главе с Дулюй Шихэ⁹⁴. Таким образом они не только пытались установить прямые контакты с империей Тан, но и претендовали на прежние привилегии уйгуров. Поэтому пленение царевны Тай Хэ стало важным фактором в военной и дипломатической борьбе.

Однако до окончательного покорения уйгуров после падения Орду-Балыка было далеко. Объединившиеся после разгрома 13 уйгурских родов, входивших в бывший ханский аймак, «поставили каганом тегина У Цзе и укрепились на юге у гор Цоцзышань»⁹⁵. Другие уйгуры, опасаясь истребления и порабощения, бежали: в Забайкалье к большим ши-

⁸⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 356.

⁸⁷ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... с. 348.

⁸⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 356.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Киселев С. В. Древние города Монголии, с. 95.

⁹¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 356.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Супруненко Г. П. Некоторые источники..., с. 242.

⁹⁵ Малявкин А. Г. Материалы по истории..., с. 27.

вэй — группа тегина Кэчжили, в земли, населенные киданями, — группа тегина Хэучо; в Приалашанье — разрозненные группы уйгуров; в Турфан — группа Буку Чина; в Семиречье и затем в Восточный Туркестан — группа тегина Пан Лэ⁹⁶. Наиболее активную роль в борьбе с кыргызами в 40-х гг. играла группа кагана У Цзе, который перехватил и перебил кыргызское посольство и задержал царевну Тай Хэ. С ее помощью он попытался оказать давление на танский двор, чтобы добиться своего признания и поддержки. Танские правители, воспользовавшись бедственным положением уйгуров, стремились подчинить их себе, а когда это не удалось, стали провоцировать кыргызов к полному уничтожению уйгуров.

В ноябре 842 г. в Тяньдэцзюнь прибыл от кыргызского хана посланник Табу Хецзу (Тапу Алп Сол) с письмом, где сообщалось, что, не имея известий о судьбе царевны, кыргызы выслали на ее поиски военный отряд. Китайцы пытались шантажировать этим фактом уйгуров: «Не лучше ли, пока не поздно, подчиниться нашему Великому государству, тогда обеспечите себе безопасность... Если хотите видеть послание кыргызов, то ныне перепишем его и отправим вам»⁹⁷.

Однако вопреки ожиданиям уйгурский каган У Цзе начал войну с китайцами. Потерпев в этой войне поражение, он тем самым усилил их заинтересованность в союзе с кыргызами. В марте 843 г. в Китай прибыл от кыргызского хана посланник Чжуу Хэсу (Чугу Алп Сол) с письмом⁹⁸. В ответном письме к кыргызскому хану император, выражая удовлетворение по поводу победы кыргызов над уйгурами, провоцировал кыргызского хана к их полному истреблению. «Но [мы] все же боимся, что бежавшие снова принесут зло, захотят напасть на вашу границу и снова отомстить. Вы тоже должны серьезно подготовиться, искусно составить хитроумный план и совместными усилиями напасть [на уйгуров] и уничтожить, вырвать их с корнем, чтобы не вызвать последующих бедствий»⁹⁹.

В апреле 843 г. китайский посланник Чжао Фань был отправлен с письмом к кыргызскому хану, в котором император вновь убеждал кыргызского хана напасть на уйгуров. «Уйгуры... бесчинствуют жестоко, зверски обращаются со всеми [нашими] вассальными племенами. [Я] узнал, что Вы из поколения в поколение с ними враждуете. Если можно отомстить, уничтожить их государство и города и станьте госуда-

⁹⁶ **Малявкин А. Г.** К вопросу о расселении уйгуров после гибели уйгурского каганата. — Изв. Сиб. отд. АН СССР, Новосибирск, 1972, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 30, 33—35.

⁹⁷ **Супруненко Г. П.** Некоторые источники..., с. 243.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ **Супруненко Г. П.** Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX в. «Ли Вэй-гун Хойчан и Пинь Цзи». — Изв. АН КиргССР, Фрунзе, 1963, т. 5. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 72.

рем, прогоните их старейшин в самую далекую пустыню»¹⁰⁰. «У уйгуров осталось войска не полная тысяча человек. [Они] разбежались по горам и долинам. Коль скоро Вы, хан, питаете [к ним] ненависть, необходимо полностью уничтожить варваров. Если оставить пепел, то непременно возникнут последующие бедствия»¹⁰¹. По приезде в июне 843 г. кыргызского посланника Вань Ухэ (Ургу Алп) хану было отправлено новое письмо, в котором указывалось на местопребывание уйгуров в Восточном Туркестане и намерение других групп переселиться на свои прежние территории: «Сейчас уйгурские племена еще не полностью истреблены, живут между туфанями и китайцами»¹⁰².

«Ныне уйгуры изменили нашему государству и являются нашими врагами. Необходимо вырвать их с корнем, только тогда установится мир. К тому же небо послало им гибель, легко на них напасть и захватить.

Вы, хан, должны воспользоваться удобным случаем и скорее уничтожить варваров. До тех пор пока уйгуры не будут уничтожены, Вы, хан, не можете наслаждаться едой и питьем, а на охоте получить удовольствие. Собираясь в поход, нельзя медлить.

Опасаясь, что остальных, которые покорятся, Вы, хан, не сможете полностью истребить, примете преступников, возьмете беглых чиновников, и это вызовет наше недовольство и породит пограничные инциденты. Это значит кормить ядовитую змею и самому порождать зло.

В прошлом году уйгурский министр и другие говорили китайскому посланнику, что после того, как Ли Чзун взял в плен Сели [хана], в стране имелось только лишь 20—30 человек, и они все же возродились.

Еще слышно, что у хэлочуаньских уйгуров ставка не разбита окончательно. [Они] думают о своей родной земле и, конечно, питают мысль о возвращении. Нужно скорее усмирить племена этого района, уничтожить их без остатка, тогда добьемся успеха и лишим их надежды»¹⁰³.

Эти настойчивые призывы возымели действие, и кыргызский каган выразил согласие выступить против уйгуров, о чем свидетельствует «Письмо к сяцзясам», отправленное в августе 843 г.

«Кроме того, [в вашем письме] Вы говорите: "Мы хотим устранить опасность [дословно: зло между двух колонн]". Это действительно прекрасные слова.

¹⁰⁰ Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая..., с. 73

¹⁰¹ Там же, с. 74.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, с. 76.

Ныне Вы, хан, уничтожили их жилища, отомстили за обиду и позор. Конечно, следует глубоко заняться дальнейшими планами. Разве можно оставлять тлеющий пепел?»¹⁰⁴.

«Я полагаю, что Вы, хан, [заранее] воспользуетесь их трудными обстоятельствами, пошлете отборную конницу и накажете уйгуров за бегство, накажете хэйцэцзы за то, что [они] не сразу подчинились. Добиться [этого так же легко], как подобрать утерянное.

Еще мы узнали, что нынешней осенью [Вы] хотите переселиться в ставку уйгуров и уничтожить их великое государство. Даже если [Вы] сохраните свое старое местожительство, этого будет достаточно, чтобы все иноземцы боялись [Вашего] могущества.

Слышно также, что уйгуры глубоко затаили мысль и все время хотят бежать в Аньси.

[Я] полагаю, что когда вы нападете, уйгуры непременно разбегутся, всех нужно перехватить в пути и истребить»¹⁰⁵.

В том же 843 г., преследуя уйгуров, кыргызы вторглись в Восточный Туркестан, захватили города Аньси и Бэйтин, что едва не привело к военному столкновению с империей Тан¹⁰⁶. Новое кыргызское посольство во главе с Дидэ Исынаньжу (Тутук Иынанчи), прибывшее в апреле 844 г., получило предложение о совместных действиях против уйгуров в Восточной Монголии: «Кое-что сообщаем о прекрасном плане: прошу прислать пограничный конный отряд и в определенное время собраться в указанном месте. Известно, что племя хэйцэцзы удалено от китайских границ на тысячу с лишним ли и находится посреди пустыни»¹⁰⁷. По-видимому, танскому правительству удалось временно отвлечь внимание кыргызов от Восточного Туркестана. Военные действия были перенесены в Восточную Монголию, о чем свидетельствует памятник в честь знатного кыргыза из Суджи¹⁰⁸.

В 848 г. новый кыргызский каган послал министра Або «во главе 70 000 войска, состоявшего из различных племен»¹⁰⁹, чтобы разбить уйгурского кагана Эняня, сменившего ранее потерпевшего поражение У Цзе. «Он нанес сильное поражение народу шивэй, затем собрал всех уйгуров, находившихся у шивэй, и вернул их на север от Гоби»¹¹⁰. Остатки уцелевших от разгрома уйгуров во главе с каганом Энянем бежали в Восточный Туркестан. Поощряя вражду кыргызов к уйгурам, империя Тан опасалась их действительного усиления: «...Хойху

¹⁰⁴ Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая..., с. 77.

¹⁰⁵ Там же, с. 78.

¹⁰⁶ Малявкин А. Г. Материалы по истории..., с. 37.

¹⁰⁷ Супруненко Г. П. Некоторые источники..., с. 245.

¹⁰⁸ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 85.

¹⁰⁹ Малявкин А. Г. Материалы по истории..., с. 30.

¹¹⁰ Там же.

давались грамоты во время их могущества, к счастью, они теперь упали, для устранения будущих беспокойств не для чего усиливать Хягасов»¹¹¹.

О последствиях завоевания кыргызов в Восточном Туркестане нет точных данных. Судя по всему, захват кыргызами Аньси и Бэйтина был кратковременным, поскольку уже в 848 г. «вождь одной из групп уйгуров, Пан-лэ, владел Аньси и объявил себя каганом»¹¹². В 859—873 уйгуры овладели и Бэйтином, откуда их вождь Пу Гу совершил поход на тибетцев¹¹³. В то время кыргызы продолжали занимать огромные степные пространства Центральной Азии, ибо их посольства «три раза приезжали ко Двору»¹¹⁴ империи Тан. Лишь в конце IX в. экспансия кыргызов вновь распространяется на Восточный Туркестан¹¹⁵. Они захватывают города Пенчул и Аксу и доходят до Кашгара¹¹⁶.

Военные походы в Восточной Туркестан были обусловлены тем, что здесь проживали уйгуры, так как с тибетцами и карлуками кыргызы поддерживали торговые связи¹¹⁷. «Туфаньцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны уйгуров, почему брали провожатых из Гэлोलу»¹¹⁸, т. е. тибетцам приходилось попадать в земли, подвластные кыргызам, кружным путем, через владения карлуков. Это позволяет считать кыргызов и тибетцев, находившихся в постоянных военных столкновениях с уйгурами¹¹⁹, потенциальными союзниками. Известно, что в рассматриваемый период кыргызы и тибетцы действовали совместно не только в отношении уйгуров. Весьма примечательно их совместное участие в междоусобной борьбе в империи Тан в 904 г., когда тибетцы и кыргызы выступили совместно с тюрками Ли Кэ-юна»¹²⁰. К владениям кыргызов в Восточном Туркестане относилась значительная территория от Кашгара до оз. Иссык-Куль¹²¹. По-видимому, этим временем датируется изображение нападения воинов в панцирях на человека в белой одежде (оазис Кум-Тура), свиде-

¹¹¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 357.

¹¹² Малявкин А. Г. Материалы по истории..., с. 30.

¹¹³ Там же, с. 31.

¹¹⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 357.

¹¹⁵ Кызласов Л. Р. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1960, вып. 8, с. 60.

¹¹⁶ Бартольд В. В. Киргизы с. 492; Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., с. 364; Кызласов Л. Р. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Учен., зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1960, вып. 8, с. 60.

¹¹⁷ Киселев С. В. Из истории торговли енисейских кыргызов.— КСИИМК, М.— Л., 1947, вып. 16, с. 96.

¹¹⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 449.

¹¹⁹ Малявкин А. Г. Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во второй половине IX века.— В кн.: Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972, с. 83.

¹²⁰ Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. Berlin, 1961, Bd 2, S. 526.

¹²¹ Бартольд В. В. Киргизы..., с. 492.

тельствующее о военном набеге кыргызов. Однако, по мнению Тан Шу, «хягас не мог совершенно покорить хойху»¹²².

С истощением военных сил кыргызов заканчивается их господство в Центральной Азии уже в первой четверти X в. Киданьский император Елюй Амбагянь, совершивший в 924 г. поход на р. Орхон, «вступил в область уйгуров»¹²³, т. е. власть кыргызов уже не распространялась на эти территории. От всех обширных завоеваний кыргызы сохранили Минусинскую котловину, Туву, Алтай и Северо-Западную Монголию¹²⁴, а какая-то их часть продолжала в 30-х гг. X в. удерживать отдельные области Восточного Туркестана вплоть до Таласской долины¹²⁵. В конце X в. они были подчинены уйгурами Турфанского княжества¹²⁶.

Период IX—X вв. в военной истории кыргызов характеризуется наступательной стратегией. Возросли масштабы операций. В сражениях под знаменами кыргызского кагана участвует до 70—100 тыс. воинов. Театр военных действий расширился от Саяно-Алтайского нагорья до Забайкалья и Восточного Туркестана. Цели войны, которую вели кыргызы в течение IX—X вв.,—традиционные для кочевых держав Центральной Азии: гегемония в степи, борьба за подчинение земледельческих оазисов Восточного Туркестана. Главной причиной кратковременности «кыргызского великодержавия», на наш взгляд, было истощение людских ресурсов относительно немногочисленного кыргызского населения в длительной войне и их распыление на обширных территориях (см. рис. 10).

В XI—XII вв. кыргызские земли были отрезаны от культурных центров, имевших письменную историческую традицию, в силу чего сведения о войнах, в которых они принимали участие, очень фрагментарны.

С 924 по 1130 г. степями Центральной Азии владели кидани. Западные границы киданьских владений простирались до Алтайских гор¹²⁷.

Сведений о военных столкновениях кыргызов с киданями в источниках нет. Возможно, кыргызы находились в номинальной вассальной зависимости от империи Ляо, ко двору которой «хягасы постоянно присылали посланников и дань», а «при Ляосском Тайцзуне западная граница руководила приходом к просвещению людей государства Хягасы»¹²⁸. Вероятно, ослабленные в результате многолетней борьбы

¹²² Бичурии Н. Я. Собрание сведений..., ч. 1, с. 357.

¹²³ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 95.

¹²⁴ Там же, с. 96.

¹²⁵ Материалы по истории киргизов и Киргизии, с. 17.

¹²⁶ Бартольд В. В. Киргизы..., с. 503.

¹²⁷ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия..., с. 379.

¹²⁸ Кюннер Н. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв.—Учен. зап. КНИИЯЛИ. Абакан, 1951, вып. 2, с. 12.

с уйгурами кыргызы оказались не в состоянии бороться за господство в Центральной Азии и длительное время не были способны вести внешние войны. Лишенная возможности обогащаться за счет грабительских войн кыргызская родовая и служилая знать усиливает эксплуатацию населения подвластных территорий, что способствует развитию феодальных отношений и влечет за собой децентрализацию гражданской и военной власти. Государство распадается на отдельные княжества, между которыми часто происходят столкновения.

В XII в. на земли, подвластные кыргызам, усиливается натиск монголоязычных племен. В 1129 г. киданьский принц Елюй Даши во главе 40-тысячной армии выступил из крепости Хотунь, расположенной на р. Орхон, и двинулся на запад¹²⁹. В 1130 г. войско киданей «подшло к границе киргиз: они нападали на племена, которые были в тех пределах, а то племя [кыргызы] также оказывало им противодействие»¹³⁰. В этих столкновениях кыргызам удалось отстоять свои территории. Кидани, опасаясь преследования чжурчженей, «оттуда они тоже двинулись, пока не достигли Имиля»¹³¹. Когда Елюю Даши удалось подчинить Семиречье, он в 1133 г. «отправил войско на Кашгар и Хотан и покорил их. Затем он послал войско к пределу кыргызов, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и взял Бешбалык»¹³². Этот поход также не принес киданям успеха. Позже кидани не пытались укрепиться на Саяно-Алтае. Степи южнее Танну-Ола заняли найманы. «Ранее эпохи Чингисхана государями найманов были Наркыш-Таян и Эниат-Каан... они разбили племя киргизов...»¹³³. Произошло это приблизительно в середине XII в. Хотя после разгрома граница между кыргызами и найманами прошла по хребту Танну-Ола¹³⁴, поражение в войне с найманами имело тяжелые последствия для кыргызов. Кыргызские земли утратили государственное единство, так как наряду с «областью киргиз» появляется и «Кэм-Кемджиут». Когда Темучжин в 1199 г. разбил найманского хана Боюрука, сына Эниат-Каана, тот «ушел в область Кэм-Кемджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов»¹³⁵. В каждой из них был свой государь, хотя они и входили в «одно владение». Титул «инал», который носили оба правителя, имеет в текстах памятников енисейской письменности такие варианты: «Ынал-оге», «Огдэм-инал», «Шу-

¹²⁹ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 124.

¹³⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, с. 78.

¹³¹ Там же, с. 79.

¹³² Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 131.

¹³³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, с. 135—140.

¹³⁴ Кызласов Л. Р. Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв.— Учен. зап. КНУИЯЛИ, Абакан, 1965, вып. 11, с. 44.

¹³⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, с. 112.

буш-инал»¹³⁶. У некоторых тюркских народов так назывался наследник престола¹³⁷. В отдельных памятниках этот титул упоминается наряду с титулом «хан»¹³⁸. Как уже отмечалось, вероятно, первоначально при возвышении иналов, занимавших посты наместников областей, каганская ставка продолжала существовать, сохраняя сакральные функции¹³⁹. Реальная административная и военная власть сосредоточилась в руках инала, который вел дипломатические переговоры, командовал войсками и т. д. В частых междоусобных войнах у кыргызов складывается десятичная система деления войска — на десятки, сотни, тысячи, тумены¹⁴⁰. Численность войска и масштабы операций уменьшаются, в начале XIII в. монголы объединяют кыргызское население в один тумен, военно-административную единицу, насчитывавшую 10 тыс. воинов¹⁴¹.

XI—XII века в истории войн кыргызов характеризуются оборонительной стратегией. Театр военных действий ограничивается Саяно-Алтайским нагорьем. Численность войска не превышает 10 тыс. Лишенные возможности вести грабительские войны кыргызские феодалы истребляют друг друга в междоусобицах (см. рис. 10). По мере распада кыргызского государства на отдельные княжества их сопротивление вторжениям монголоязычных племен все более ослабевает. В начале XIII в. кыргызские земли были покорены монголами.

¹³⁶ Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе. 1962, с. 99.

¹³⁷ Бартольд В. В. Киргизы, с. 505.

¹³⁸ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 68.

¹³⁹ Абд. Ар-Рашид Ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-Асар ва ал-малик ал-каххар, с. 104.

¹⁴⁰ Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 133.

¹⁴¹ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная история енисейских кыргызов, немногочисленного, но храброго и стойкого в войнах кочевого народа, вряд ли может оставить кого-либо безучастным к их полной драматизма исторической судьбе. В водовороте событий в эпоху средневековья кыргызы сталкивались лицом к лицу с могущественными противниками, в борьбе с которыми им приходилось отстаивать свое право на жизнь,— кочевыми державами тюрок, уйгуров, монголов.

И хотя кыргызы не раз терпели поражения в этой неравной борьбе, они вновь и вновь завоевывали самостоятельность, сумев сохранить свой этнос и культуру на Енисее в течение почти двух тысяч лет. Одним из важнейших условий их исторического существования являлось развитое военное дело. Периодом его наивысшего развития стала эпоха самостоятельного существования Кыргызского каганата—VI—XII вв., когда кыргызы, творчески заимствуя достижения военного искусства других кочевых народов Евразии, создали централизованную военную организацию, технически совершенное для своего времени вооружение, освоили эффективную тактику конного боя. Эти достижения позволили кыргызам в IX в. сокрушить мощь Уйгурского каганата и распространить свое господство на обширные степные пространства Внутренней Азии. Ограниченность же в людских ресурсах, усугубившаяся вследствие потерь способного носить оружие населения в предшествующей длительной и кровопролитной войне с уйгурами, явилась одной из причин не только быстрой утраты вновь приобретенных земель, но и децентрализации власти в государстве, усиления феодальной раздробленности, ослабления военных сил перед лицом нового опасного врага—монгольской империи Чингисхана. Вероятно, именно в это время произошло разделение кыргызского этноса: часть осталась в далеком Восточном Туркестане, откуда позднее продвинулась на Тянь-Шань, другая сохранила в своем подчинении долину Среднего Енисея и Саяно-Алтай, постепенно утратив поли-

тическое, а затем и этническое единство. Лишь кыргызов Минусинской котловины можно считать этническим целым, только им удалось сохранить свою культуру до начала XVIII в.

Несмотря на некоторые различия в условиях среды обитания (в основном в районах евразийского пояса степей) и спектре отраслей хозяйства, что обусловило известные особенности в формировании политической и военной организации кыргызов, их культура на протяжении всего рассматриваемого периода находилась в неразрывном единстве с культурой родственных им по языку и происхождению средневековых тюркских кочевников (древних тюрок, кимаков и др.). Развитие же военного искусства кыргызов, как показано в данной работе, представляет собой частный случай эволюции военного дела кочевого мира. В этом убеждает наличие близких аналогий, доходящих до полного тождества, как в комплексе материальной и духовной культуры (сбруя, наборные пояса, украшения, мотивы орнамента, руническая письменность и т. д.), так и в элементах военной организации и приемах ведения боя и особенно в составе набора вооружения — лук и стрелы, панцирь, рубящее оружие. Сходство наблюдается не только в форме предметов вооружения, но и в идентичной структуре металла, т. е. приемы его изготовления были аналогичны. Это и не удивительно, если учесть общность центральноазиатского происхождения тюрок и кыргызов, периоды длительных контактов, войн и зависимости последних от тех же тюрок и уйгуров, «вывоз оружия» кыргызами в качестве дани тюркам, династийные браки между правящими родами и т. д. Сведения о наличии у кыргызов, как и у других племен кочевого мира, зачатков примитивного земледелия и строительства фортификационных сооружений (без следов долговременных жилых построек внутри), служивших временными убежищами на случай военной опасности, не меняют их принадлежности к кочевому миру. Характерно, что именно усилиями кыргызов были сметены с лица земли оазисы земледелия и города, основанные уйгурами в Центральной Азии, причем разрушению и порче подвергались не только фортификационные и монументальные сооружения, но и жилые постройки и земледельческие орудия¹.

Изучение военного искусства енисейских кыргызов открывает известные перспективы в исследовании военного дела азиатских кочевников эпохи средневековья.

¹ Киселев С. В. Древние города Монголии. — СА, 1957, № 2, с. 95.

ЛИТЕРАТУРА

- Абд Ар-Рашид ал-Бакуви.** Книга талхис ал-Асар ва Аджа иб ал-Малик ал-каххар. М., 1971.
- Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад Ал-Истахри.** Книга масалик ал-Малик.— В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1.
- Агеева Е., Джусупов А.** Интересная находка.— Учен. зап. Каз. гос. ун-та. Сер. ист., Алма-Ата, 1963, т. 54, вып. 12.
- Адрианов А. В.** Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924.
- Амброз А. К.** Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.
- Аристов Н.** Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности.— Живая старина, 1896, вып. 3—4.
- Арсланова Ф. Х.** Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.
- Арсланова Ф. Х.** Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
- Арсланова Ф. Х.** Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
- Артамонов М. И.** История хазар. Л., 1962.
- Археологическая карта Казахстана.** Алма-Ата, 1960.
- Архипов Н. Д.** Военное дело у хакасов. VI—XII вв.— В кн.: Вопросы науки в трудах молодых ученых Якутии. Якутск, 1971.
- Бартольд В. В.** Киргизы. Исторический очерк.— Соч. М., 1963, т. 2.
- Баскаков Н. А.** Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области.— СЭ, 1966, вып. 6.
- Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. В.** Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962.
- Бернштам А. Н.** Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв.— Тр. Ин-та востоковед. М.— Л., 1946, т. 45.
- Бернштам А. Н.** История кыргызов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского нашествия.— КСИИМК, М.— Л., 1947, вып. 16.
- Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950, ч. 1.
- Боровка Г. И.** Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— В кн.: Северная Монголия. Л., 1927, № 2.
- Бояршинова З. Я.** Погребальный ритуал в Басандайских курганах — Басандайка / Тр. ТГУ и ТГПИ, Томск, 1947.
- Бубнова М. А.** Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX—XII вв.— В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

- Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин.— Изв. ИЛАИ, Кемерово, 1973, вып. 6.
- Вайнштейн С. И. Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1957, вып. 5.
- Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ, 1966, № 3.
- Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве.— Тр. ТКАЭЭ, М.— Л., 1966, т. 2.
- Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне.— СТОЭ, Спб., 1897, т. 3.
- Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины.— В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Владимирцов Б. Я. Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— В кн.: Северная Монголия. Л., 1927, вып. 2.
- Волков В. В. Гобийский всадник.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965.
- Грач А. Д., Нечаева Л. Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1960, вып. 8.
- Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Байайге.— Тр. ТКАЭЭ, М.— Л., 1966, т. 2.
- Грач А. Д. Исследование могильников Улут-Оймак и Улут-Хорум.— АО 1965 г., М., 1966.
- Грач А. Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве.— КСИА. М., 1969, вып. 118.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край: Л., 1926, т. 2.
- Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.
- Грязнов М. П. Раскопки на Алтае.— СГЭ, Л., 1940, вып. 1.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.— МИА, М.— Л., 1956, № 43.
- Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— АС, Л., 1961, вып. 3.
- Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры.— АС, Л., 1971, вып. 13.
- Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туук-Мазара.— СМАЭ, 1949, т. 12.
- Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Древнемонгольские города. М., 1965.
- Древние письма Хакасии. Абакан, 1970, вып. 1.
- Древняя Сибирь. Л., 1976.
- Дорж Д. Гобийский всадник.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Евтюхова Л. А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее.— Тр. ГИМ, М., 1938, т. 8.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г.— Тр. ГИМ, М., 1941, вып. 16.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, М., 1952, № 24.
- Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в.— СА, 1957, № 2.

- Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены.— Тр. ГИМ, М., 1940, вып. 11.
- Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г.— Тр. ГИМ, 1926, вып. 1.
- Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Спб., 1851, ч. 1.
- Иванин. О военном искусстве и завоеваниях монголов. Спб., 1846.
- История Киргизии. Фрунзе, 1956, т. 1.
- История Красноярского края. Красноярск, 1967.
- История Кузбасса. Кемерово, 1967, ч. 1—2.
- История Сибири. Л., 1968, т. 1.
- История Тувы. М., 1964, т. 1.
- Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
- Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища.— Тр. САРАНИОН, М., 1929, т. 4.
- Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929.
- Карцов В. Г. О чем говорят курганы Енисея. Абакан, 1961.
- Кафаров П. Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане.— В кн.: Восточный сборник, Спб., 1877, т. 1.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.— Л., 1966, вып. 1.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.— Л., 1966, вып. 2.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971, вып. 3.
- Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее.— Изв. ГАИМК, Л., 1933, вып. 65.
- Киселев С. В. Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X веках.— Изв. АН СССР. Сер. ист.-филол., 1946, т. 3, вып. 1.
- Киселев С. В. Из истории торговли енисейских кыргызов.— КСИИМК, М.— Л., 1947, вып. 16.
- Киселев С. В. Дрезнехакасский «эль».— Зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1948, вып. 1.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— МИА, М.— Л., 1949, № 9.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951.
- Киселев С. В. Древние города Монголии.— СА, 1957, № 2.
- Китаб Худуд ал-Алам Мин Ал-Машрик ила-л-Магриб.— В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1.
- Клеменц Д. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886.
- Кляшторный С. Г. Рунические надписи саянского каньона Енисея.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1973, вып. 16.
- Кляшторный С. Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири.— СТ, 1976, № 1.
- Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера.— Turcologica, Л., 1976.
- Козьмин Н. Н. Хакасы. Иркутск, 1925.
- Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, М., 1952, № 24.
- Кузнецов И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889.
- Кузнецов С. К. Материалы по доисторической археологии России. Раскопки С. К. Кузнецова.— Зап. ИРАО, Спб., 1889, т. 11, вып. 1—2.
- Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас.— СА, 1955, вып. 24.
- Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы.— ВМУ. Сер. ист.-филол., 1958, № 4.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, 1960, № 3.

- Кызласов Л. Р.** О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1960, вып. 8.
- Кызласов Л. Р.** Этапы средневековой истории Тувы.— ВМУ, 1964, сер. 9, № 4.
- Кызласов Л. Р.** Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров.— В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Кызласов Л. Р.** Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1965, вып. 11.
- Кызласов Л. Р.** О численности древних хакасов в IX—XI и XIII веках.— Учен. зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1966, вып. 12.
- Кызласов Л. Р.** История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р.** Курганы средневековых хакасов.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Кызласов И. Л.** О происхождении стремя.— СА, 1973, № 3.
- Кюннер Н. В.** Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э.— Зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1951, вып. 2.
- Кюннер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В.** Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо Ши»).— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Левашова В. П.** Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939.
- Левашова В. П.** Из прошлого Хакасии. Абакан, 1945.
- Левашова В. П.** Ремесло в древнехакасском государстве.— Зап. ХНИИЯЛИ, Абакан, 1948, вып. 1.
- Левашова В. П.** Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, М., 1952, № 24.
- Ленц Э. Э.** Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения. СПб., 1908, ч. 1.
- Липский А. Н.** Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г.— КСИИМК, М., 1949, вып. 25.
- Малов С. Е.** Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1951.
- Малов С. Е.** Енисейская письменность тюрков. М.— Л., 1952.
- Малов С. Е.** Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.— Л., 1959.
- Малявкин А. Г.** Китайские источники по истории уйгуров в IX—XII вв.— Изв. АН КазССР. Сер. ист. Алма-Ата, 1961, вып. 2(16).
- Малявкин А. Г.** К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата.— Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук, Новосибирск, 1972, № 1, вып. 1.
- Малявкин А. Г.** Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во второй половине IX века.— В кн.: Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972.
- Малявкин А. Г.** Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
- Малявкин А. Г.** Уйгуры и Китай в 840—848 гг.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Малиновская Н. В.** Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Маннай-Оол М. Х.** Археологические исследования ТНИИЯЛИ в 1967 г.— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1968, вып. 13.
- Маннай-Оол М. Х.** Об этническом составе населения Тувы (I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.).— Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1970, вып. 14.
- Медведев А. Ф.** Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966.
- Медведев В. Е.** Материалы раскопок у села Надеждинского.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

- Мелноранский П. М.** Памятник в честь Кюль-Тегина — Зап. ВОРАО, Спб., 1899, т. 12.
- Мелюкова А. И.** Вооружение скифов. М., 1965.
- Мерперт Н. Я.** Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. — СА, 1955, вып. 23.
- Могильников В. А.** Елыкаевская коллекция Томского университета. — СА, 1968, № 1.
- Могильников В. А.** Археологические исследования на Верхнем Алее. — В кн.: Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972.
- Могильников В. А.** Работы Алейской экспедиции — АО 1971 г., М., 1972.
- Мухаммад ибн Наджиб Бекран.** Джахан-наме. — В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973, вып. 1.
- Наваан Д.** Клад железных предметов из Хара-Хорина. — МАС, М., 1962.
- Насилов Д. М.** О некоторых памятниках Минусинского музея. — НАА, 1963, № 6.
- Нечаева Л. Г.** Погребения с трупосождением могильника Тора-Тал-Арты. — Тр. ТКАЭЭ, М. — Л., 1966, т. 2.
- Николаев Р. В.** Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск. — СА, 1972, № 2.
- Новгородова Э. А.** К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении (середина I тыс. до н. э.). — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Окладников А. П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, М., 1950, ч. 1—2, № 18.
- Окладников А. П.** Конь и знамя на Ленских писаницах. — В кн.: Тюркологический сборник. М. — Л., 1951, вып. 1.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д.** Ленские писаницы. М. — Л., 1959.
- Петров К. И.** К этимологии термина кыргыз. — СЭ, 1964, № 2.
- Плано Карпини.** История монголов. Спб., 1911.
- Плетнева С. А.** Печенег, торки, половцы в южнорусских степях. — МИА, М., 1958, № 62.
- Плетнева С. А.** От кочевий к городам. М., 1967.
- Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. М. — Л., 1953.
- Потапов Л. П.** Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953.
- Радлов В. В.** Сибирские древности. Спб., 1896.
- Разин Е. А.** История военного искусства. М., 1955, т. 1.
- Рамstedт Г. И.** Перевод надписи «Селенгинского камня». — Тр. ТКОПРГО, Спб., 1914, т. 15, вып. 1.
- Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. М. — Л., 1952, т. 1, кн. 1.
- Руденко С. И., Глухов А. Н.** Могильник Кудыргэ на Алтае. — МЭ, Л., 1927, т. 3, вып. 2.
- Савинов Д. Г.** Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени. — В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972.
- Савинов Д. Г.** О границах государства енисейских кыргызов в IX—X вв. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
- Савинов Д. Г.** К вопросу этногеографии Центральной Азии в предмонгольское время. — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1973, вып. 2.
- Савинов Д. Г.** Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время. — В кн.: Тюркологический сборник 1972 г. М., 1973.
- Савинов Д. Г.** Погребение с серебряным кубком. — Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1973, вып. 11.
- Савинов Д. Г.** Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X—XII вв.). — Автореф. канд. дис. Л., 1974.
- Синицин И. В.** Археологические исследования в Западном Казахстане (1948—1950). — Тр. ИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1956, т. 1.

- Смирнов А. П. Очерки по истории древних булгар.— Тр. ГИМ, М., 1940, вып. 11.
- Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, М., 1961, № 101.
- Сунчугашев Я. И. Краткие очерки по истории Хакасии. Абакан, 1968.
- Сунчугашев Я. И., Янгулова Г. А. Памятники истории и культуры Хакасии. Абакан, 1974.
- Супруненко Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун Хойчан Ипинь Цзи».— Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук, Фрунзе, 1963, т. 5, вып. 1.
- Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов.— В кн.: История и культура Китая. М., 1974.
- Супруненко Г. П. Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими кыргызами.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.
- Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, Л., 1929, т. 4, вып. 2.
- Троицкая Т. Н. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н. э.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.
- Уманский А. П. Археологические раскопки Ледебур в Горном Алтае.— Учен. зап. ГАНИИЯЛИ, Горно-Алтайск, 1964, вып. 6.
- Уманский А. Н. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хоанг Ван Кхоан. Технология изготовления железных и стальных орудий труда в Южной Сибири (VII в. до н. э.— XII в.).— СА, 1974, № 4.
- Худяков Ю. С. Рубящее оружие кыргызского воина.— В кн.: Материалы XI научной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1973.
- Худяков Ю. С. Комплекс вооружения енисейских кыргызов IX—XII вв.— В кн.: Материалы XII Всесоюзной научной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1974.
- Худяков Ю. С. Колчаны енисейских кыргызов IX—XII вв.— В кн.: Материалы XIII Всесоюзной научной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1975.
- Худяков Ю. С. Опыт типологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов IX—XII вв.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Худяков Ю. С. Военное дело у кыргызов в IX—XII вв.— В кн.: Бахрушинские чтения 1976 г. Новосибирск, 1976.
- Худяков Ю. С. Структура военной организации у кыргызов в IX—X вв.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1976, вып. 21.
- Худяков Ю. С. Ю. Н. Рерих и изучение истории военного искусства Центральной Азии.— В кн.: Рериховские чтения 1976 г. Новосибирск, 1976.
- Худяков Ю. С. К истории сложносоставного лука енисейских кыргызов в IX—XII вв.— Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1977, вып. 1, № 1.
- Худяков Ю. С. Номенклатура предметов вооружения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI—XII вв. н. э.).— Тезисы докл. науч.-теор. конф. Иркутск, 1977.
- Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. н. э. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1977.
- Худяков Ю. С. Кыргызско-уйгурская война IX в.— В кн.: Бахрушинские чтения 1977 г. Новосибирск, 1977.
- Худяков Ю. С. О вооружении таштыкского воина.— В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

Худяков Ю. С. Верификация понятий оружейведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI—XII вв. н. э.).— Тезисы докл. науч.-теор. конф. Иркутск, 1978.

Черненко Е. В. Оружие из Толстой могилы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.

Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmaler. Helsingfors, 1931.

Aspelin J. R. Types des peuples de l'ancienne Asie Centrale. Helsingfors, 1890.

Dienes J. Les Hongrois conquerants. Budapest, 1972.

Deguines J. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux et depuis. Paris, 1758, v. 1—2.

Franke O. Beitrage aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Turkvolker und Skythen Zentralasiens.— АКРАУ, Berlin, 1904.

Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. Berlin, 1961, Bd 2.

Grano J. G. Archeologische Beobachtungen von meiner Reise in Sudsibirien der Nordwestmongolei im Jahre 1909.— JSFO, Helsingfors, 1910, t. 28.

Hansen O. Zur soghdischen Inschriften auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun.— JSFO, Helsingfors, 1930, t. 44, f. 3.

Heikel A. O. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tascheba — SMYA, Helsingfors, 1912, t. 26.

Julien S. Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs).— JA, 1864, ser. 6, v. 3.

Laszlo G. Contribution a l'archeologie de l'epoque des migrations.— AAAS, Budapest, 1957, t. 8, f. 1—4.

Le Coq A. von. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925.

Le Coq A. von. Von Land und Leuten in Ostturkistan. Leipzig, 1928.

Parducz M. Archaologische Beitrage zur Geschichte der Hunnezeit in Ungarn.— AAAS, Budapest, 1959, t. 11, f. 1—4.

Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig, 1893, Bd 2.

Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei, Lief. Spb., 1894—1895, 1897, t. 1—3.

Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei.— JSFO, Helsingfors, 1913, t. 30.

Schott W. Über die achten Kirgisen.— АКРАУ, Berlin, 1865.

Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conserves chez le Dr. Ktri Hedban a vasa. Helsingfors, 1917.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКМ — Алтайский краеведческий музей.
АО — Археологические открытия.
АОМК — Абаканский областной музей краеведения.
АС — Археологический сборник.
БКМ — Бийский краеведческий музей.
ВМУ — Вестник Московского университета.
Зап. ВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества.
Зап. ИРАО — Записки Императорского Русского Археологического общества.
Зап. ХНИИЯЛИ — Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
ИА — Институт археологии АН СССР.
Изв. АН СССР — Известия Академии наук СССР.
Изв. АН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР.
Изв. АН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР.
Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
Изв. ЛАИ — Известия Лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного педагогического института.
Изв. Сиб. отд. АН СССР — Известия Сибирского отделения Академии наук СССР.
ККМ — Красноярский краеведческий музей.
КОАОМК — Коллекционная опись Абаканского областного музея краеведения.
КОКМ — Кызылский областной краеведческий музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАС — Монгольский археологический сборник.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ММКМ — Минусинский межрайонный краеведческий музей.
Музей НГПИ — Музей Новосибирского государственного педагогического института.
МЭ — Материалы по этнографии.

- НАА — Народы Азии и Африки.
СА — Советская археология.
СГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии.
СТОЭ — Сборник трудов Орхонской экспедиции.
СТ — Советская тюркология.
СЭ — Советская этнография.
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея.
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт.
ТГУ — Томский государственный университет.
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.
Тр. САРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
Тр. ТКОПОРГО — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества.
Тр. ЧРДМ — Труды членов Русской духовной миссии.
Учен. зап. ГАНИИИЯЛ — Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы
Учен. зап. КазГУ — Ученые записки Казахского государственного университета.
Учен. зап. ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
Учен. зап. ХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
AAAS — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.
АКРАВ — Abhandlungen der Koniglichen Preussischen Academie der Wissenschaften zu Berlin.
JA — Journal Asiatique.
JSFO — Journal de Societe Finno-Ougrienne.
SMYA — Soumen Muinaismuistoyhbiestyksen Aikauskirja.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Наступательное оружие ближнего боя	27
Глава II. Наступательное оружие дистанционного боя	66
Глава III. Защитное вооружение	118
Глава IV. Военное искусство кыргызов	131
Заключение	165
Литература	167
Список сокращений	174

Юрий Сергеевич Худяков

ВООРУЖЕНИЕ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ VI—XII ВВ.

Ответственный редактор *Виталий Егорович Медведев*

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства Н. Д. Лагуткина
Художественный редактор В. И. Желнин
Художник С. М. Кудрявцев. Технический редактор Ф. Ф. Орлова
Корректоры К. И. Сергеева, Т. Н. Негодова.

ИБ №10223

Сдано в набор 13.03.79. Подписано к печати 04.12.79.
МН04305. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура
Высокая печать. Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 12,2.
Тираж 1500 экз. Заказ № 3631. Цена 4 р. 50 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
Типография изд-ва «Советская Сибирь».
630048, Новосибирск, 48, Немировича-Данченко, 104.

1 р. 50 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**